Я54
Х23

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

(СБОРНИК РАБОТ АСПИРАНТОВ)

ХАРЬКОВ
1960

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

06
Х-23

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Проверено 1968 г.

ВЫПУСК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

(СБОРНИК РАБОТ АСПИРАНТОВ)

код экземпляра 334161

ХАРЬКОВ
1960

Печатается по постановлению
Ученого Совета Института от 23 мая 1959 г.

Редакционная коллегия:

Доктор юридических наук профессор *М. В. Гордон*
(ответственный редактор),
доктор юридических наук *М. И. Бару*, доцент *А. Н. Колесниченко*,
доцент *А. А. Неботов*, доцент *А. И. Рогожин*,
кандидат философских наук *И. П. Горбатенко*,
кандидат юридических наук доцент Сташис В. В.

Ф. Г. ВАЙНЕР.

БОРЬБА КПСС ЗА УКРЕПЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ К КОНЦУ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

1924 — 1925 г.г. (по материалам Украины)

К концу восстановительного периода советский народ добился серьезных успехов в деле развития народного хозяйства.

Подводя итоги этого периода, XIV съезд партии одобрил политическую и организационную линию ЦК, которая обеспечила партии, рабочему классу и всей стране общий подъем народного хозяйства и укрепление позиций социализма как вовне, так и внутри страны [1].

Важнейшим политическим итогом восстановительного периода явилось укрепление союза рабочего класса и крестьянства. В решениях XIV съезда партии отмечалось, что благодаря правильной политике партии «...Советская власть упрочила союз рабочего класса с крестьянством и обеспечила пролетарское руководство в нем» [2].

Еще XIII съезд партии, состоявшийся в мае 1924 г., принял ряд решений, сыгравших в тот период большую роль в укреплении союза рабочего класса с крестьянством.

В решениях съезда была подчеркнута необходимость всеми формами агитации и пропаганды усилить воздействие пролетариата на сознание крестьянства,— разъ-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, 1954, стр. 193.

[2] Там же.

яснять кровную заинтересованность крестьянства в упрочении союза с рабочим классом и убеждать середняцко-бедняцкие массы в преимуществах коллективных форм хозяйствования. Именно под этим углом зрения съездом был рассмотрен вопрос об улучшении работы государственного аппарата в деревне. Съезд подтвердил резолюцию XII съезда партии по этому вопросу, в которой было записано о необходимости настойчивой борьбы за честную и аккуратную работу низовых советских органов. «Неаккуратная, несвоевременная присылка распоряжения о налоге, волокита при производстве землеустроительной работы или разборе земельной тяжбы, ...пьянство ведущих «борьбу» с самогоном, грубость, взятка и произвол в советском аппарате являются оружием в руках наших классовых врагов. Обнаружение элементов, вносящих в наш советский аппарат навыки царистско-крепостнического режима и мешающих укреплению союза рабочего класса и крестьянства, изгнание их из советского аппарата, публичный суд над ними являются важнейшими задачами партии и Советской власти наряду с неустанной помощью партии лучшим элементам Советской власти в низовых аппаратах» [1] — указывалось в этом решении.

Вопросы оживления работы Советов, улучшения работы всего низового аппарата стояли в этот период в центре внимания всей деятельности партии.

Состоявшийся в октябре 1924 г. Пленум ЦК РКП(б), исходя из анализа политической обстановки в стране, которая характеризовалась упрочением советского строя, укреплением экономического положения страны и ростом политической активности крестьянской массы, поставил задачу оживления Советов, как одну из «наиболее острых задач момента» [2].

«Оживлять Советы,— писал В. И. Ленин,— привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных — вот это абсолютно верно. Вот где работы тьма. Непочатый угол работы» [3].

Исходя из этих указаний В. И. Ленина и анализа положения в стране, пленум наметил конкретные меры, направленные на оживление Советов, заключающиеся в

[1] КПСС в резолюциях, ч. II., 1954, стр. 53.
[2] Там же, стр. 102.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 482.

следующем: при выборах стремиться к избранию в Советы и исполкомы большего количества беспартийных крестьян и крестьянок, в особенности тех, которые имеют авторитет в крестьянской среде, лучше выражают настроения крестьянства и могут быть полезными работниками в Советах и исполкомах. Увеличить представительства беспартийных крестьян в составе ЦИК'ов, не менее, чем по одному представителю от каждой губернии. Пленум рекомендовал провести пополнение коллегий ряда наркоматов (Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомвнудел, РКИ), одним, двумя членами из крестьян, в том числе беспартийных, связанных с широкими слоями деревни. На пленуме был поставлен вопрос о разработке специальной комиссией вопроса о развертывании работы Советов и исполкомов путем создания при них и при некоторых отделах исполкомов соответствующих секций, комиссий, совещаний и т. д. Для усиления политического руководства работой Советов рекомендовалось усилить работу коммунистических фракций в Советах и в местных исполкомах (волости-района).

Таким образом, оживление работы Советов было направлено на приобщение к активному участию в социалистическом строительстве всего трудового крестьянства.

Учитывая новые задачи советского строительства ЦИК СССР издал постановление об образовании Совещания при Президиуме ЦИК СССР по вопросам советского строительства. На основании этого постановления при Президиуме ЦИК Союза ССР было организовано Совещание по вопросам советского строительства и улучшения работы Советов. Члены этого Совещания были в основном советскими работниками с мест. Совещание содействовало более широкому вовлечению беспартийных рабочих и крестьян в советскую работу, их выдвижению на ответственные посты, оживлению работы городских и сельских Советов, волостных исполнительных комитетов, необходимой для всего этого перестройке советских органов, укреплению народного хозяйства на основе союза рабочего класса с крестьянством, приспособлению советского аппарата к национальным особенностям отдельных республик и областей [1]. Председателем совещания был М. И. Калинин.

---

[1] «Правда», 21 декабря 1924 г.

Совещание провело две сессии в начале 1925 г., на которых были выработаны важные решения, направленные на оживление Советов. Совещание наметило конкретные задачи по втягиванию широких трудящихся масс в советское строительство. Одной из основных задач являлось улучшение постановки проведения выборов в Советы. Чтобы предоставить возможность широким массам крестьянства действительно принимать участие в выборах, необходимо было ликвидировать различного рода помехи, которые были на прошлых выборах. На сессиях совещания приводились факты, свидетельствующие о том, что крестьяне в ряде случаев не могли принимать участия в выборах из-за отсутствия помещения, необходимости зачастую отправляться на выборы на значительные расстояния в неблагоприятную погоду при отсутствии средств передвижения и т. д.[1]. Поэтому был поставлен вопрос о необходимости тщательной подготовки к перевыборам в Советы.

Большое внимание Совещание уделяло вопросу создания широкого беспартийного актива вокруг Советов. С этой целью был поставлен вопрос об оживлении работы комиссий сельсоветов, о создании из них органа действительно организующего общественную самодеятельность масс. В порядке дня работы комиссий должны были быть поставлены вопросы, наиболее близко стоящие к насущным интересам и потребностям массы селянства[2]. На Совещании был поставлен вопрос о предоставлении большей самостоятельности сельсоветам, чтобы они не только были проводниками распоряжений вышестоящих организаций и сборщиками налогов, но и получали некоторые бюджетные права. На первых порах это должно было заключаться в составлении сельсоветами приходно-расходной сметы, которая входит в бюджет района. Кроме этого сельсовет должен был получить право производить расходы на благоустройство, на улучшение санитарного состояния села, эксплуатацию тех земельных и других имуществ и предприятий сельского значения, которые переданы в его ведение[3].

Совещание также поставило вопрос о поднятии авторитета сельсовета, как органа управления. Сельсоветам

[1] Бюллетень НК Внутренних дел УССР № 5, 1925.
[2] Там же.
[3] Там же.

было предоставлено право налагать административные взыскания за нарушение обязательных постановлений вышестоящих органов (по вопросам охраны общественной тишины и порядка, за нарушение правил благоустройства и т. п.).

Решения Совещания были одобрены III Всесоюзным съездом Советов в мае 1925 г.[1]. Практические предложения и мероприятия, выработанные Совещанием по советскому строительству были положены в основу, созванного ВУЦИК'ом и ЦК КП(б)У Всеукраинского Совещания по советскому строительству[2].

В борьбе за претворение в жизнь решений партии об оживлении Советов особое внимание уделялось созданию широкого беспартийного актива вокруг Советов.

Важнейшими формами привлечения беспартийных к работе в Советах являлась организация беспартийных конференций, привлечение беспартинйых к различным обследовательским работам, к работам секций сельсоветов, горсоветов, избрание их в состав сельсоветов, горсоветов и т. д.

Проведению беспартийных конференций партия уделяла исключительно большое внимание. Для организации таких конференций посылались ответственные работники губкомов партии. В своих выступлениях на конференциях представители губкомов партии освещали вопросы внутреннего и международного положения страны, вопросы землеустройства и т. д.

Проведение беспартийных конференций сыграло громадную роль в деле ознакомления широких крестьянских масс со всеми мероприятиями Советской власти.

В резолюции пленума Полтавского губернского комитета партии подчеркивалось, что беспартийные конференции вполне себя оправдали и, что их необходимо использовать с целью привлечения к выполнению практических мероприятий Советской власти наиболее выдержанных и преданных элементов села[3].

Крестьяне, в том числе и середняки, проявляли живой интерес к беспартийным конференциям. Середняки со-

---

[1] СЗ СССР, 1925, № 35, ст. 247.

[2] Резолюції та матеріали наради в справах радянського будівництва, Харків, 1925.

[3] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 27, оп. 27—I, ед. хр. 64, л. 40.

ставляли 68—70% общего количества присутствующих. Активное участие в этих конференциях принимала сельская интеллигенция: учителя, врачи, агрономы [1].

Крестьяне приветствовали организацию беспартийных конференций. В резолюции Синянской районной беспартийной конференции Ахтырского округа было записано: «Районная Синянская конференция желает, чтобы конференция широко развернула свою работу и поборола натиск всех врагов, как рабочего класса, так и крестьянства»[2].

На отдельных конференциях крестьяне выносили пожелания, чтобы конференции созывались возможно чаще. Так, в резолюциях беспартийных конференций сел Кириковка и Гружка Ахтырского округа было отмечено: «считаясь с тем, что крестьянские конференции дают возможность подводить итоги и намечать новые пути для дальнейшей работы, созывать их не реже 3—4 раза в год»[3].

Высокую оценку беспартийным конференциям дал М. И. Калинин. В «Крестьянской газете» от 2 марта 1924 г. он писал: «Широкие крестьянские конференции — это особенность Советской власти, за границей ни в одном государстве правительство таких конференций не устраивает, да и не может устраивать, ибо нет ни одного буржуазного правительства, которое могло быть оправдано рабочими и крестьянами своего государства. Лишь Советское правительство свободно может подвергнуть свою деятельность обсуждению многомиллионных масс крестьянства. Не потому, что оно не делает ошибок,— разумеется ошибок сделано достаточно, а потому, что вся его деятельность в основе ведется в интересах крестьян и рабочих. Поэтому крестьянские конференции и могут правительству только указать те или другие частные ошибки, стремясь этим указанием улучшить само рабоче-крестьянское управление, ибо сами конференции уже косвенно участвуют в этом управлении» [4].

Большую роль в деле создания широкого беспартий-

---

[1] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПС, ф. I, оп. 1—13, ед. хр. 159, л. 40.

[2] Бюллетень Харьковского губисполкома № 13, 1924, стр. 22.

[3] Там же.

[4] М. И. Калинин, Вопросы советского строительства Статьи и речи, Госполитиздат, 1958, стр. 172.

ного актива сыграла печать. Газеты помогали партии создавать широкий беспартийный актив, сплачивали этот актив вокруг партии, учили и воспитывали трудовые массы в духе коммунизма.

Деятельными помощниками партии в борьбе с недостатками работы советских и хозяйственных организаций были рабселькоры. Рабкоры и селькоры были активными общественниками, они пользовались доверием трудящихся, избирались делегатами на съезды Советов, вводились в состав местных центральных органов власти.

Партия руководила рабселькоровским движением. В июне 1925 г. было принято специальное постановление «О рабселькоровском движении», в котором указывалось: «Основная задача партии состоит в том, чтобы политически воспитывать рабочего и сельского корреспондента, превращая его в деятельного помощника партии в работе по улучшению советского аппарата, в борьбе с имеющимися недостатками, бюрократическими извращениями и т. п.» [1].

Из года в год росла сеть рабоче-крестьянских корреспондентов. Если в 1924 г. их насчитывалось по стране 100 тысяч человек, то через год их было уже 216 тысяч.

Партия внимательно относилась к рабочим и селькоровским заметкам. Для своевременного освещения в печати затрагиваемых рабкорами и селькорами вопросов и их тщательной проверки и изучения губкомами через губисполкомы было предложено всем учреждениям выделить по одному ответственному работнику. Ответственность за правильное освещение вопросов возлагалась также на руководителей учреждений. Были установлены определенные сроки для ответов на заметки: для города — 3 дня, для округов — 5 дней и для районов 7 дней со дня появления заметки [2].

Осуществление политики партии, направленной на оживление Советов, вызвало обострение борьбы кулацких элементов против политики партии. Кулачество и другие антисоветские элементы, используя недостатки в руководстве Советами в деревне со стороны партийных организаций, стали проникать в сельские Советы, пытаясь сделать их своим орудием в борьбе против Совет-

---

[1] О партийной и советской печати, Сб. документов, стр. 341.
[2] Известия ЦК КП(б)У № 1, 1925.

ской власти. Будучи, все более политически изолированными от крестьянских масс, кулаки становились на путь индивидуального террора и других зверских форм борьбы. Так, в 1924 г. в селе Дымовке Николаевского округа Одесской губернии, группой кулаков был убит крестьянин-бедняк, селькор Григорий Малиновский. События в Дымовке говорили о серьезных недостатках в партийной работе в деревне, об отрыве некоторых партийных организаций от широких крестьянских масс.

Обостренная борьба с кулачеством и другими антисоветскими элементами происходила в период выдвижения кандидатур в Советы в 1924 г. Кулаки стремились сами проникнуть в Советы или протащить в Советы своих ставленников.

Так, в с. Михайлики Казатинского района Одесской губернии на должность председателя сельсовета настойчиво выдвигалась кандидатура дьяка [1]. В селе Журбинцы, того же района, кулаки пытались создать блок с середняками против бедняков. В селах Казатин и Николаевцы вел антисоветскую агитацию среди крестьянства автокефальный епископ, добиваясь провала на выборах неугодных церкви кандидатур [2].

В м. Ружина, Ружицкого района антисоветская группа выдвинула лозунг «Советы без коммунистов» [3] и т. д.

Были случаи, когда антисоветские элементы создавали подпольные избиркомы. Так в селах Очертни и Черновицы Плесковского района одновременно с сельским избиркомом существовал подпольный избирком, который состоял из членов религиозной общины, преимущественно кулаков. Во главе этого подпольного избиркома стоял поп [4].

Кулаки пытались срывать перевыборные собрания. В селе Чиновицы того же района кулак, не будучи избранным в Совет, пытался со своими единомышленниками сорвать собрание избирателей. Эта попытка провалилась [5].

Для проведения правильной политики, направленной

---

[1] Партархив Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 63, ед. хр. 36, л. 18.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

на оживление Советов, на укрепление союза с середняком и организацию бедноты в борьбе против кулачества, Коммунистическая партия направляла на село коммунистов. Направляемые на село коммунисты должны были хорошо изучить местные условия, ознакомиться с руководящей общественной группой крестьян, выяснить основные нужды района, наметить возможные местные средства, способные удовлетворить эти нужды.

Говоря о правильном отношении к трудовому крестьянству и задачах, стоящих перед коммунистами, направляемыми на село, М. И. Калинин особое внимание обращал на то, что для разрешения важнейших задач, поставленных партией необходимо «... любить крестьянина. Любить таким, каков он есть, твердо зная, что в каждом из них сидит мелкий собственник со всеми присущими мелкому собственнику качествами.

...И эту природу крестьянина можно изменить лишь медленной, осторожной работой параллельно с улучшением его благосостояния, с увеличением культурных ценностей, идущих от государства к крестьянству» [1].

На протяжении 1924—25 г. г. происходила усиленная посылка коммунистов на село. По 20 округам Украины в период подготовки к выборам были выделены и посланы на места 722 ответственных окружных работника, в среднем 36 человек на округ. В отдельных округах количество посланных колебалось от 12 до 15 человек (Херсонский, Черниговский) и от 50 до 70 чел. (Мелитопольский, Нежинский, Криворожский) [2].

Николаевский губком поставил вопрос о том, чтобы работу по укреплению села коммунистами ввести в определенную плановость, путем ежемесячного выделения горячейками не менее десяти работников для села [3].

Полтавский губком направил на село, из состава ответственных работников губернского и окружного масштабов, 42 человека сроком на 1,5 месяца, для усиления работы в отдельных, наиболее отстающих районах и селах и детального изучения села. Посланные товарищи

---

[1] М. И. Калинин, Вопросы советского строительства, Статьи и речи, Госполитиздат, 1958, стр. 186-187.

[2] Партархив, Укр. филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1—70, ед. хр. 25, л. 1.

[3] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 63, ед. хр. 26, л. 26.

назначались зам. зав. сельбудами, зав. агитпунктами райкомов, зам. председателя РИК'а и т. д.[1].

Одесский губком направил на село в первой половине 1924 г. 100 чел. Кроме этого губком поставил задачу ежемесячно посылать на село не менее 10 человек[2].

Однако эта работа еще имела очень много существенных недостатков и поэтому VII губернская Одесская партконференция предложила губкому усилить работу по посылке партийных кадров на село, а вопросы работы на селе поставить в центре внимания всей работы губкома. Конференция отметила, что основными задачами в этой области являются:

«а) Усиление руководящего состава сельпарторганизации в смысле подбора такового путем переброски из города;

б) укрепление низовых ячеек сельской кооперации путем насыщения ее коммунистами;

в) укрепление КНС и усиление охвата всех невовлеченных в КНС бедняцких и полупролетарских элементов»[3].

Мероприятия по оживлению Советов неразрывно были связаны с усилением парторганизаций на селе. А это возможно было осуществить путем вовлечения в партию местных крестьян из незаможников и середняков, возвратившихся из Красной Армии, путем поднятия общего культурного уровня сельских коммунистов и повышения их специальных сельскохозяйственных знаний. Январский Пленум ЦК КП(б)У (10—13 января 1925 г.) в своем решении отметил, что только при этих условиях сельские коммунисты сумеют не только быть «политическими руководителями села, но и руководителями села в деле переобразования хозяйства и тем самым они укрепят свой авторитет и вызовут уважение селян»[4].

Ведя работу по оживлению Советов партия в последние годы восстановительного периода провела реорганизацию низового советского аппарата. Новое Положение о сельских советах было принято в сентябре 1924 г.[5].

---

[1] Известия ЦК КП(б)У 1925, № 1.

[2] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 63, ед. хр. 17, л. 115.

[3] Там же, ф. 1, оп. 63, ед. хр. 18, л. 13.

[4] Известия ЦК КП(б)У 1925, № 1.

[5] СУ УССР, 1924, № 46, ст. 279.

Это Положение значительно расширяло права сельского Совета и давало крестьянству широкую возможность участвовать в управлении государством. Оценивая новое положение М. И. Калинин писал: «Новое «Положение», расширяющее рамки деятельности для низового Совета, точно определяющее ему круг работы, в которой он вполне самостоятелен, как раз и дает ему практическую, действительную возможность проявить себя как орган власти, как организатор строительства в деревне» [1].

Положение о сельских Советах расширяло функции деятельности сельских Советов и укрепляло материальную базу Совета. Они получили право составления приходно-расходных смет с учетом необходимых затрат на культурные нужды и на благоустройство сел. Для того, чтобы приблизить сельсовет к населению, по новому Положению сельсоветы получили право рассмотрения земельных споров между гражданами, создания ревизионных комиссий и т. д.

III съезд Советов в мае 1925 г. указал, что «на съездах Советов и на пленумах исполкомов должны разрабатываться все вопросы, имеющие большое экономическое (в частности финансовое) и культурное значение. В особенности необходимо обратить при этом внимание на вопросы по составлению и проверке исполнения местных бюджетов. На деле составления бюджетов, на проверке его исполнения рабочие и крестьяне наилучшим образом будут втягиваться в управление государством, будут учиться быть заботливыми хозяевами своего государства и вместе с тем наилучшим образом будет обеспечено целесообразное использование народных средств [2].

Сельсоветы начали более внимательно заниматься вопросами землеустройства. К проведению работы по землеустройству привлекались члены партийных ячеек, комсомольцы, члены КНС, члены сельскохозяйственной кредитной кооперации [3]. Этот вопрос не случайно являлся центральным вопросом политики партии на селе, так как вокруг этого вопроса развернулась борьба различных социальных груп села.

---

[1] М. И. Калинин, «Вопросы советского строительства». Статьи и речи, Госполитиздат, 1958, стр. 192.

[2] СЗ СССР, 1925, № 35, стр. 274.

[3] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 63, ед. хр. 19, л. 3.

Правильное разрешение вопросов землеустройства требовало: 1) наиболее полного и непосредственного участия со стороны местных Советов в вопросах землеустройства; 2) постановки вопроса о переводе расходов по землеустройству на государственный бюджет; 3) мобилизации всех имеющихся землеустроителей, а также подготовки достаточного количества новых работников по землеустройству [1].

Активное участие членов партии и работников низового советского аппарата в проведении землеустройства, способствовало укреплению влияния Коммунистической партии в деревне и поднимало авторитет сельсовета в глазах крестьянства.

Оживление Советов было связано не только с усилением их хозяйственной и культурной деятельности, а и с тем, что был значительно расширен состав сельсоветов и волисполкомов путем повышения норм представительства от крестьян. При сельсоветах создавались секции или комиссии такие, как сельскохозяйственная, культурно-воспитательная, финансово-налоговая, местного хозяйственного благоустройства, торгово-кооперативная и т. д. [2]. В работу этих секций втягивался и широкий крестьянский актив. Общественная работа сельского Совета и привлечение к практической работе в секциях всех его членов, была использована для подготовки новых кадров советских и общественных работников из среды самих крестьян, бедняков и середняков.

Секции сельсовета являлись основой всей советской работы на селе.

Для оживления секций сельсоветов к их работе привлекались все члены, им давался заранее выработанный материал для изучения, в эти секции привлекались агрономы, врачи, учителя, приглашались в работу секций окружные работники. Для руководства всей работой сельсовета организовывались президиумы. Создание президиумов сельсовета повышало коллективную ответственность в руководстве, а это способствовало более правильному решению задач, стоящих перед Советами.

Наряду с указанными формами, беспартийные привлекались к советскому строительству и через институты

[1] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 63, ед. хр. 19, л. 3.

[2] СЗ СССР, 1925, № 35, ст. 247.

сельских исполнителей. В постановлении ВУЦИК'а и СНК «О сельских исполнителях» указывалось, что в целях успешного и своевременного выполнения сельскими Советами заданий по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан, по благоустройству и развитию общественной самостоятельности, вводится институт младших и старших сельских исполнителей в сельских местностях. Назначались сельские исполнители сельсоветом из числа местных жителей, в порядке очередности на срок от 3 до 4 месяцев, в зависимости от местных условий [1].

В постановлении IV сессии 8 созыва Харьковского губисполкома «Об очередных мероприятиях по укреплению государственного аппарата» подчеркивалось, что институт сельисполнителей должен быть широко освещен перед населением, должны быть выяснены его цели и задачи и особенно подчеркнуто его общественное значение [2].

Поднятие авторитета сельсовета было связано с установлением плановости в работе сельсовета и его комиссий. Чтобы работа сельсовета носила хозяйственно-общественный характер и отвечала жизненным потребностям крестьянства, на их заседаниях ставились вопросы о коллективизации, кооперации, комитетах взаимопомощи, школах, врачах, сельских комиссиях. Все кампании общественного характера проводились под непосредственным руководством сельсоветов [3]. Немалое значение для поднятия авторитета сельсовета имел и вопрос о самом помещении сельсовета. В постановлении совещания секретарей и зав. орготделами окрисполкомов при секретариате Киевского губисполкома с участием секретарей некоторых райисполкомов и сельсоветов, указывалось, что необходимо придать канцелярии сельсовета вид советского учреждения, отвести для сельсовета подходящее помещение, а в случае отсутствия такового привести в порядок то помещение, которое имеется [4].

Большое значение для поднятия авторитета сельсовета имел созыв общих собраний избирателей, на которых отчитывался председатель сельсовета о проведенной

[1] СУ УССР, 1924, № 17—18, ст. 34.
[2] Известия ЦК КП(б)У № 9, 1925.
[3] Известия ЦК КП(б)У № 9, 1925, стр. 24.
[4] Там же.

сельсоветом работе. К работе по отчетности привлекались не только председатели и члены сельсовета, но также отдельные должностные лица, ведающие той или иной отраслью работы [1].

На отчетных собраниях, проходивших при активном участии масс крестьянства, вскрывались недостатки в деятельности Советов.

Выступавшие на отчетных собраниях крестьяне вскрывали недостатки в работе государственного аппарата, критиковали волокиту при разрешении вопросов землеустройства, указывали на слабую борьбу с уголовными преступлениями и т. д.[2].

Подвергалась критике неработоспособность некоторых секций сельсовета, слабая связь с избирателями, отсутствие связи с общественными организациями, бесплановость в работе. Особенно подвергался критике бюрократизм в деятельности низовых органов. В выступлениях на съезде Лубенского района приводились примеры бюрократизма и волокиты, при получении кредитов в банке [3].

Недостатки в работе райисполкомов, сельсоветов были вскрыты при проводимых обследованиях НКВД, НК РКИ, и т. д. В материалах обследования Одесской губернии указывалось, что большинство членов райисполкомов являются мало авторитетными работниками и недостаточно разбираются в возложенных на них государственных задачах. Райисполкомы завалены всевозможной излишней перепиской и массой различных предписаний, получаемых ими от вышестоящих органов. В некоторых РИК'ах имелась неувязка их работы с различными учреждениями непосредственно РИК'у не подчиняющимися [5].

При обследовании Шепетовского района Волынской губернии было установлено, что председатель РИК'а четыре раза сменялся со времени районного съезда [6].

---

[1] Известия ЦК КП(б)У № 9, 1925, стр. 19.
[2] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ф. 1, оп. 1—70, ед. хр. 25, л. 70.
[3] Там же, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 462, л. 36.
[4] ЦГАОР УССР, ф. 5, оп. 2, д. 357, л. 8.
[5] Там же, ф. 5, оп. 2, д. 14, л. 3.
[6] Там же,

Недостатки были вскрыты и при обследовании сельсоветов. Так, Луначарский и Текелевский сельсовет Екатеринославской губернии и Мартыновский сельсовет Харьковской губернии были избраны неправильно. В Текелевский сельсовет вместо 40 было избрано 15 членов, в Мартыновский вместо 28—10, в Луначарский вместо 24—12 [1] и т. д. В некоторых сельсоветах не организовывались комиссии (Штормовский сельсовет Донецкой губернии), в других, наоборот, наблюдалось чрезвычайно большое количество всевозможных комиссий (В Текелевском сельсовете Екатеринославской губернии было организовано 15 комиссий, столько же сколько членов сельсовета). Были также созданы комиссии с неопределенными функциями — контрольная комиссия [2].

Для более тщательного изучения состояния сельсоветов, Харьковский губком КП(б)У предложил организовать широкую кампанию смотра сельсовета. В целях наиболее полного привлечения внимания общественности — партийных, советских, профессиональных, крестьянских и других организаций к делу укрепления сельского аппарата, было предложено к этой работе привлечь рабочих, представителей кооперативных и культурно-просветительных организаций [3].

Губисполком разослал циркулярное распоряжение об организации по губернии специальных комиссий по смотру сельских Советов, имея ввиду сосредоточить внимание всех местных органов и всей советской общественности на вопросе совершенствования аппарата сельских Советов и введение их деятельности в закономерное и плановое русло. В связи с предстоящими перевыборами, имелось в виду, в ходе смотра выявить надежных работников, заслуживающих быть избранными председателями сельсоветов. Смотр Советов имел также своей целью выявление тех немногих Советов, состояние и деятельность которых могли бы явиться образцом того, как должна быть поставлена работа Советов, а также выявить наименее работоспособные Советы [4].

---

[1] ЦГАОР УССР, ф. 5, оп. 2, д. 14, л. 8.

[2] ЦГАОР УССР ф. 5, оп. 2, д. 14, л. 3.

[3] Там же, ф. 5, оп. 2, д. 396, стр. 85.

[4] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1—70, ед. хр. 11.

Губисполкомом устанавливался порядок разбора материалов специальных комиссий и порядок премирования лучших сельсоветов [1].

Чтобы поднять авторитет Советов, как подлинно демократических органов государственной власти, Центральный Комитет партии признал необходимым отменить происходившие осенью 1924 г. выборы Советов в тех местностях, где в выборах участвовало недостаточное количество избирателей или же были жалобы граждан на незаконные действия органов и учреждений, руководившими выборами.

В постановлении Президиума ЦИК'а от 29 декабря 1924 г. указывалось, что выборы отменяются по следующим признакам: «а) в случае, если на выборы явилось менее 35% избирателей; б) в случае наличия жалоб со стороны граждан на незаконные действия органов и учреждений (избирательных комиссий и т. п.)» [2].

При подготовке к перевыборам было обращено внимание на то, чтобы в перевыборах участвовали действительно широкие массы трудящихся, а также на более активное участие рабочих и крестьян во всей работе Советов и их органов.

Крестьянство во всех случаях выражало свое удовлетворение по поводу кассаций выборов и назначения новых[3].

Всего повторные перевыборы Советов охватили в 1925 г. до 40% местных Советов страны [4].

В период перевыборной кампании население было широко оповещено о предстоящих выборах. В некоторых районах собрания происходили по всем населенным пунктам. В ряде мест практиковалось дробление населенных пунктов на отдельные участки. На предвыборных собраниях разъяснились причины кассаций выборов в данном селе [5].

---

[1] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1—70, ед. хр. 11.

[2] СЗ СССР, 1924, № 6, ст. 54.

[3] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1—70, ед. хр. 41, л. 5.

[4] А. Молчанов. Из истории борьбы за упрочение союза рабочего класса и крестьянства (1924—1925) АН СССР, М., 1956, стр. 137.

[5] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1—70, ед. хр. 41, л. 20.

Перевыборы сельсоветов дали положительные политические результаты, укрепив доверие к политике партии широких масс крестьянства, подняв активность середняцких групп.

Объясняя причины частичной отмены выборов в Совет, М. И. Калинин разъяснил, что «В большинстве районов СССР, только что прошедшие выборы Советов являются показателем значительного повышения активности нашего населения. Почти повсюду процент населения, деятельно участвовавшего в выборах, повысился.

Исходя из необходимости всестороннего использования выборной кампании в целях усиления и повышения активности трудящихся в советской работе, ЦИК СССР постановил отменить эти выборы там, где они прошли без участия широких масс трудящихся».

«...как советские, так и партийные органы должны исправить недочеты, допущенные ими кое-где, и развернуть широкую работу по привлечению больших беспартийных масс к выборам советских органов» [1].

Имевшие место недостатки в выборной кампании 1924 г. были учтены при подготовке к перевыборной кампании 1925/26 г.

При подготовке к перевыборам в 1925/26 г. большее внимание было уделено составлению списков избирателей, решительно устранялись случаи неправильного лишения избирательных прав трудовых крестьян. Для обеспечения более активного участия в выборах избирателям в ряде мест, были выданы избирательные карточки.

Перевыборные собрания проводились не только в воскресные дни, но и в будни. Процент посещаемости этих собраний в Одесской губернии превышал 40%, а во многих местах достигал 60—70 процентов [2].

Для проведения разъяснительной работы среди широчайших масс крестьянства и, для руководства всем ходом перевыборов на местах, в деревню было направлено большое количество опытных партийных работников из города. Так, в Одесской губернии была проведена мобилизация и переброска на проведение предвыборной кам-

[1] М. И. Калинин, Вопросы советского строительства, Статьи и речи (1919—1946), М., Госполитиздат, 1958, стр. 196.

[2] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1—70, ед. хр. 41, л. 3.

пании всех без исключения ответственных районных и части окружных работников [1].

В качестве предвыборных агитационных баз широко использовались сельбуды, избы читальни, красные уголки и клубы, где читались доклады о Советской Конституции, о едином сельскохозяйственном налоге и т. д.

В результате тщательной подготовки широко прошла отчетная кампания руководящих органов сверху до низу перед широкими кругами крестьянства. Так, в Плесковском районе Бердичевского округа райисполком отчитался в 24 селах района, что составляет 92% всех сел района. В Андрушевском районе того же округа райисполком отчитался в 75% всех сел района [2]. По отчетам выступало от 7 до 10 чел. Докладчикам задавалось большое количество вопросов (от 15 до 20) [3].

В перевыборной кампании 1925 г. активное участие приняли женщины. В предвыборном письме ЦК указывалось о том, что прошлые перевыборы показали недостаточное участие в предвыборной кампании женщин. Более или менее благополучно обстояло дело с участием в выборах женщин-работниц, но количество женщин-работниц на Украине в тот период было вообще невелико— 11% [4]. Основную массу избирательниц в городе составляли жены рабочих и служащих, поэтому ЦК КП(б)У рекомендовал провести работу через женотделы с тем, чтобы привлечь эти массы к участию в выборах.

Для активизации работы среди женщин был проведен в январе 1925 года Всеукраинский съезд работниц и селянок, которому предшествовали районные, окружные и губернские съезды, охватившие 27 тысяч женщин. Съезд поставил вопрос о более энергичном выдвижении женщин на руководящую работу, вплоть до председателя райисполкома [5].

Центральный Комитет партии уделял исключительно большое внимание работе среди женщин. Был издан целый ряд инструкций ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У, декретов

[1] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1—70, ед. хр. 41, л. 3.
[2] Там же, ф. 1, оп. 63, ед. хр. 36, л. 18.
[3] Там же.
[4] Известия ЦК КП(б)У № 11, 1925.
[5] Партархив, Укр. филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1—13, ед. хр. 155, л. 16.

ЦИК и ВУЦИК, о работе среди женщин. В этих документах намечались конкретные мероприятия по активизации работы женщин в советских учреждениях. Рекомендовалось распределение всех женщин членов сельсоветов по различным комиссиям Советов, чтобы каждая селянка — член сельсовета, получила бы соответственно ее силам и подготовке определенное поручение в одной из комиссий Совета. Кроме этого рекомендовалось, чтобы каждая селянка — член сельсовета, была прикреплена к отдельным учреждениям (школа, детский дом, сельбудынок, консультация и т. д.) [2].

Для укрепления связи с избирателями, члены сельсоветов — селянки, должны были отчитываться о проделанной работе перед сельским делегатским собранием.

Для более конкретного руководства избранными в сельские Советы, должны были проводиться инструктирования селянок — членов сельсовета по вопросам практической работы Совета. Для всех членов сельсоветов — селянок, предлагалось созывать периодически районные совещания не реже одного раза в два месяца, на которых изучались задачи текущих кампаний, ставились отчетные доклады РИК'а, окрисполкома и их отделов, а также отчеты самих селянок — членов сельсоветов [1].

Благодаря систематической работе среди женщин, участие женщин селянок в советском строительстве значительно возросло. Если сравнить участие женщин в советском строительстве в 1922 году с 1924 годом, то получится следующая картина.

Участие женщин в сельсоветах [2] в процентах к общему числу членов сельсовета:

	Волынская	Полтавская	Киевская	Екатеринославская	Одесская	Подольская
1922	2,3%	—	1,9%	—	—	—
1923	7,8%	4,8%	5,2%	6,2%	7,1%	7,4%
1924	13,6%	11,7%	14,0%	16,5%	15,6%	15,8%

Из таблицы видно, что участие женщин в переизбранных сельсоветах увеличилось в 2,2 раза. Самый большой

[1] Известия ЦК КП(б)У № 4, 1925, стр. 22.
[2] Там же.
[3] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 2, д. 2973, л. 2.

процент участия женщин был в Екатеринославской губернии — 16,5%. Если в 1923 году число избранных в члены Советов женщин составляло 12000 человек, то в 1925 г. уже 40 тысяч женщин было избрано в сельские и городские Советы [1].

Таким образом к концу восстановительного периода, на основании большой организаторской работы, проведенной партией в центре и на местах, значительно улучшилась работа местных Советов, укрепилось партийное руководство в них, через Советы еще больше окрепла связь партии с широкими беспартийными массами.

---

[1] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 2, д. 2547.

В. П. ЦВЕТКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ РАБСЕЛЬКОРОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ[1]

Советский народ, вооруженный историческими решениями XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза, с большим воодушевлением и патриотическим подъемом вступил в период развернутого строительства коммунистического общества. В мобилизации широких масс на трудовые подвиги большое и важное место принадлежит советской печати.

Печать — могучее оружие партии в борьбе за победу коммунизма. Одним из важнейших ее принципов является неустанное укрепление связи с широкими массами трудящихся. Поэтому партия придает большое значение развитию движения рабочих и сельских корреспондентов, как важнейшего средства связи печати с трудящимися массами. В августе 1958 г. Центральный Комитет КПСС принял постановление «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати», в котором с новой силой подчеркнуто большое общественное значение рабселькоровского движения и намечены меры по дальнейшему усилению партийного руководства им.

Рабселькоры — это активные общественники, неутомимые борцы за дело нашей партии, за коммунизм. Их

[1] Настоящая статья, являющаяся частью подготавливаемой автором кандидатской диссертации, представляет собой попытку показать значение рабселькоровского движения на украинских материалах периода индустриализации страны.

движение растет и ширится. Исторические решения XX и XXI съездов КПСС вызвали дальнейший бурный подъем активности и творческой инициативы широких народных масс нашей страны. Одним из выражений возросшей активности масс явилось дальнейшее расширение рабселькоровского движения, руководимого Коммунистической партией.

Растет количество заметок и писем, получаемых редакциями газет от рабочих, колхозников и интеллигенции. Эти письма полны заботы о том, чтобы еще лучше использовать резервы и возможности во всех отраслях народного хозяйства, еще успешнее выполнять задачи, поставленные Коммунистической партией. Например, редакция газеты «Комсомольская правда» получила в 1945 г. 26,8 тысяч писем, в 1955 г. их было уже 86,4 тысяч [1], а в 1956 г.— 134,2 тысяч [2]. В период всенародного обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева о перестройке управления промышленностью и строительством в центральных и местных газетах СССР выступило более 68 тысяч трудящихся со своими предложениями, замечаниями, дополнениями [3].

Во время всенародного обсуждения вопроса о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС редакции центральных и местных газет, журналов, радио и телевидения получили около 126 тысяч статей и писем с предложениями по реорганизации МТС. Из них опубликовано 102941. Только редакциями трех центральных газет: «Правда», «Известия» и «Сельское хозяйство» было получено 5975 статей и писем и опубликовано 1508 [4]. Еще шире развернулась корреспондентская деятельность трудящихся в период всенародного обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева XXI съезду КПСС о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 г.г. В этот период в центральные и местные партийные и советские органы, в редакции

[1] «Правда» от 29 октября 1956 г.

[2] Журнал «Советская печать», 1957, № 2, стр. 8.

[3] Н. С. Хрущев. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. Доклад на VII сессии Верховного Совета СССР. Госполитиздат, 1957, стр. 3.

[4] Н. С. Хрущев. О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС. Доклад и заключительное слово на I сессии Верховного Совета СССР V созыва 27 и 31 марта 1958 г. Госполитиздат, 1958, стр. 4.

газет, журналов, радио и телевидения от трудящихся поступило свыше 650 тысяч писем и статей, из них опубликовано более 300 тысяч [1].

Достигли большого размаха испытанные жизнью боевые формы массовой работы печати — рабселькоровские рейды, посты, общественные смотры предприятий и учреждений. Примером может служить грандиозный массовый рейд по проверке выполнения планов производственного кооперирования, начатый газетами и рабкорами Украины в январе 1958 г. по инициативе рабкоров Харьковского тракторного завода. Призыв харьковчан — взять под повседневный контроль выполнение планов кооперированных поставок — был подхвачен на предприятиях всех совнархозов Украинской ССР. Было осуществлено предложение харьковчан о том, чтобы рабкоры кооперированных предприятий постоянно поддерживали между собой деловой контакт, совместно добиваясь устранения выявленных недостатков. В результате, совнархозы Украинской ССР получили большую помощь от печати.

Однако, как отметил Центральный Комитет КПСС в своем августовском (1958 г.) постановлении, некоторые организации и редакции газет все еще недооценивают большую общественную роль рабочих и сельских корреспондентов в борьбе за осуществление важнейших хозяйственно-политических задач. Поэтому исследование вопроса об общественно-политической роли рабселькоровского движения имеет насущное практическое значение.

Рабселькоровское движение,— общественное движение широких масс рабочих, крестьян и интеллигенции, добровольно пишущих в газеты,— зародилось среди рабочих вместе с возникновением рабочей печати в России. Его создателем и вдохновителем был В. И. Ленин, придававший большое значение организации рабочих корреспонденций из всех центров рабочего движения. Известны и имена первых рабочих-корреспондентов. Это — Василий Андреевич Шелгунов и Иван Васильевич Бабушкин. Они были воспитаны В. И. Лениным и начали заниматься рабкорством с самого зарождения рабо-

---

[1] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января 1959 г. Госполитиздат, 1959, стр. 17—18.

чей печати в России [1]. И. В. Бабушкин, например, еще в 1894 году принимал участие, как вспоминает В. И. Ленин в некрологе «Иван Васильевич Бабушкин», в составлении первого агитационного листка к Семянниковским рабочим.

В этот период В. И. Ленин поставил вопрос о расширении корреспондентской деятельности рабочих. В работе «Задачи русских социал-демократов», написанной в 1897 году, В. И. Ленин высказал мысль о том, что нужны корреспонденции из всех центров рабочего движения. со всех фабрик и заводов [2].

Деятельность В. И. Ленина и ленинцев в этом направлении вскоре дала свои результаты. Уже в 1899 году В. И. Ленин отметил, что «распространяющийся среди наших рабочих прекрасный обычай посылать самостоятельные корреспонденции в социалистические газеты обеспечивает достаточное обилие материала» [3].

В период ленинской «Искры» корреспондентская деятельность рабочих поднялась на более высокую ступень. В «Искре» регулярно велся отдел «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов». Уже в первом ее номере появился термин «рабочий корреспондент».

Рабкоры, являясь важнейшей формой связи газет с трудящимися массами, сыграли большую роль в деле создания и укрепления «Искры» и самой большевистской партии. Агенты-корреспонденты «Искры» образовали костяк будущей пролетарской партии. Деятельными агентами-корреспондентами «Искры» были И. В. Бабушкин, М. И. Калинин, Н. Э. Бауман, С. И. Гусев, Р. С. Землячка и другие.

В период ленинской «Искры» стало зарождаться и селькоровское движение; сперва в «Искру» посылали корреспонденции на сельские темы рабочие — недавние выходцы из села, не порвавших с ним связь и знавшие жизнь, нужды, заботы села. Постепенно стали появляться и крестьяне-корреспонденты. Летом 1902 года в «Искре» появился отдел «Из деревни». Рабкоровские традиции ленинской «Искры» продолжали газеты «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и другие.

Новой значительной страницей в истории рабселькоровского движения явился период газет «Звезда» и осо-

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 225—226.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 305—306, 325.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 271.

бенно «Правда». «Правда» была тесно связана с массами. В каждом ее номере печаталось от 31 до 54 рабочих заметок. В этот период рабселькоры показали себя новой силой, завоевавшей право на существование. Это было зарождением рабселькоровского движения в современном его понимании. Корреспондентской работой в «Правде» начинало свою политическую деятельность целое поколение большевиков-правдистов.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало новому этапу в корреспондентской деятельности рабочих и крестьян нашей страны.

Свержение политического и экономического господства эксплуататоров, осуществленное трудящимися под руководством Коммунистической партии, впервые в истории обеспечило все необходимые условия для широкого развития движения рабочих и крестьянских корреспондентов. Поэтому уже в первые годы после победы Октябрьской революции оно приняло подлинно массовый характер.

Большую роль в возникновении массового рабселькоровского движения сыграло то обстоятельство, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции существенно стали изменяться основные классы нашей страны — рабочий класс и крестьянство.

У рабочего класса все больше стало развиваться чувство хозяина страны, чувство своей силы и своего достоинства. Поэтому сильно стала расти его активность в политической и хозяйственной жизни страны. Растут культурно-политические запросы рабочего класса, непримиримость его к недостаткам, повышается бдительность, требовательность к честному служению своей Родине. Заметно возросла и политическая активность крестьянства. Все это оказало серьезное влияние на дальнейшее развитие корреспондентской деятельности рабочих и крестьян.

Сказалось на росте рабселькоровского движения и появление новых форм классовой борьбы в стране. С установлением диктатуры пролетариата классовая борьба не исчезла. Изменились только формы ее, ибо «Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новой форме и

новыми орудиями»[1]. Диктатура пролетариата — это жестокая, продолжительная и упорная борьба против сил и традиций старого общества. Отражением этой классовой борьбы был дальнейший рост рабселькоровского движения. Корреспондентская деятельность для рабочих и крестьян явилась одним из орудий, используемых для разоблачения замаскированного классового врага, выявления бюрократических извращений в государственном аппарате, безхозяйственности и т. д. Например, рабочие Донбасса задолго до раскрытия вредительства шахтинцев сигнализировали о фактах подрывной деятельности контрреволюционных элементов из среды старых инженеров[2].

На росте рабселькоровского движения положительно сказался и процесс культурной революции, осуществленной в нашей стране под руководством Коммунистической партии. Ликвидация неграмотности, повышение уровня образования рабочих и крестьян, создание и укрепление новой, советской интеллигенции, способствовали вовлечению новых слоев трудящихся в ряды рабселькоров.

Решающую роль в создании массового движения рабочих и сельских корреспондентов в послеоктябрьский период сыграла организующая и мобилизующая работа Коммунистической партии.

Коммунистическая партия возглавила советский народ в его борьбе за решение задач государственного, хозяйственного и культурного строительства. Партийно-советская печать должна была помогать партии в мобилизации масс на выполнение этих задач. Без усиления связи с трудящимися массами печать свое назначение не смогла бы выполнить. Поэтому партия развернула работу по развитию рабселькоровского движения.

Развитие рабселькоровского движения — не стихийный процесс, а результат заботы и руководства Коммунистической партии. С переходом на мирную работу, ЦК РКП(б) не раз указывал редакциям газет на необходимость укрепления связи с массами, организации корреспондентов из рабочих и крестьян. Так, в циркуляре ЦК РКП(б) губкомам и укомам РКП(б) от 4 апреля 1921 года

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 435.

[2] Партархив Института истории партии ЦК КП Украины — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ф. 1, оп. 13, ед. хр. 254, л. 81.

«О программе местной газеты» указывалось, что необходимо обратить самое серьезное внимание на установление связи редакций газет с читателями и создание постоянно действующей сети корреспондентов [1].

В резолюции совещания секретарей обкомов и губкомов при ЦК РКП(б), состоявшегося в декабре 1921 года, также указывалось на необходимость создания на фабриках, заводах и в деревнях сети корреспондентов [2]. 18 апреля 1922 года ЦК РКП(б) обратился к местным парторганизациям с письмом «О дне печати», принятом на основе решения XI съезда РКП(б), подтвердившем постановление ЦК РКП(б) о проведении 5 мая 1922 года, в десятую годовщину «Правды», Дня партийно-советской печати. В письме указывалось, что День печати следует использовать для резкого увеличения количества корреспондентов с фабрик, заводов, сел, из частей Красной Армии [3].

Значительное внимание дальнейшему развитию рабселькоровского движения было уделено в решениях XII, XIII, XIV, XV съездов Коммунистической партии, XIII, XIV партийных конференций. В их решениях указывалось на величайшее значение массового движения рабочих и сельских корреспондентов в борьбе партии за построение социалистического общественного строя в СССР, была поставлена задача всемерного укрепления этого движения и усиления воспитательной работы партии среди рабкоров и селькоров [4].

Претворяя в жизнь решения съездов КПСС и руководствуясь ими, Центральный Комитет и другие руководящие партийные органы приняли целый ряд специальных решений, посвященных рабселькоровскому движению. 1 июня 1925 года было принято постановление Оргбюро ЦК РКП(б) «О рабселькоровском движении», 27 августа 1926 года — постановление ЦК ВКП(б) «Очередные задачи партии в области рабселькоровского движения», 16 апреля 1931 года—постановление ЦК ВКП(б)

---

[1] См. «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. 236.

[2] Там же, стр. 243.

[3] Там же, стр. 254.

[4] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 7-е, ч. I, стр. стр. 739, 777, 865; ч. II, стр. стр. 15, 17, 85, 325.

«О перестройке рабселькоровского движения», 22 августа 1932 года—постановление президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ «О расследовании писем в печать рабочих и колхозников, заметок и рабселькоровских корреспонденций», 20 марта 1936 года — постановление ЦК ВКП(б) «О работе газет — «Северо-Кавказский большевик» и «Звезда» с письмами трудящихся», в июне 1949 года — постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе редакции газеты «Советская Сибирь» с письмами трудящихся», 9 февраля 1951 года — постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе с письмами трудящихся в редакции газеты «Известия» [1].

Эти постановления целиком посвящены рабселькоровскому движению. Кроме этого целый ряд партийных решений и документов, посвященных работе партийной и советской печати, отдельных газет, ЦКК — РКИ и т. д., в той или иной мере посвящены рабселькоровскому движению [2].

Таким образом, Коммунистическая партия уделяла много внимания созданию и развитию движения рабочих и сельских корреспондентов. Партия неустанно заботилась о росте рядов рабселькоров. XIII съезд РКП(б) в своем решении «О печати» записал: «Работа партии в области рабкоровского движения должна ориентироваться на дальнейшее массовое вовлечение свежих кадров рабочего класса в рабкоровскую работу...» [3]. Благодаря этой работе партии в ряды рабселькоров привлекались все новые слои рабочих и крестьян. Об этом свидетельствуют, например, следующие данные.

К маю 1924 года в Советском Союзе было 30 тысяч рабселькоров [4], к концу 1924 года — до 100 тысяч, в октябре 1925 года — до 216 тысяч [5], а к ноябрю 1928 года

---

[1] См. «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. стр. 341, 361, 408, 434, 442, 612, 618.

[2] См. там же, стр. 320, 322, 323, 327, 350, 358, 367, 369, 375, 382 415, 432, 444, 447, 453, 479, 482, 630, 671.

[3] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, изд. 7, стр. 865—866.

[4] И. В. Сталин. Организационный отчет Центрального Комитета XIII съезду РКП(б). Соч., т. 6, стр. 197.

[5] М. И. Ульянова. К третьему Всесоюзному совещанию. Журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент». Изд. «Правда». 1926, № 4, стр. 47.

по приблизительным подсчетам их было уже свыше полумиллиона [1].

Быстро росло число рабочих и крестьянских корреспондентов на Украине. Если в мае 1925 года здесь было 25 тысяч рабселькоров [2], то к августу 1926 года их стало около 33 тысяч [3], к январю 1927 года это число возросло до 37,6 тысяч [4]. К XI съезду КП(б)У, состоявшемуся в июне 1930 года армия рабселькоров Украины составляла уже около 300 тысяч человек [5].

Газета «Всероссийская кочегарка» (Донбасс) в сентябре 1922 года имела 7 рабкоров, а к ноябрю 1923 года количество их возросло до 136 постоянных и 772 написавших по одной-две заметки [6]. Газета «Красный горняк» (Кривой Рог) в мае 1927 года получила 750 корреспонденций от рабкоров и селькоров. Из месяца в месяц количество заметок в указанную газету росло, достигнув в апреле 1928 года 1075. Всего за год с мая 1927 года до апреля 1928 года, газета получила до 13 тысяч заметок [7].

Партия организовала не только количественный, но и качественный рост рабселькоровского движения, проводя большую воспитательную работу среди рабочих и крестьянских корреспондентов. Вопросами политического воспитания рабселькоров, качественного улучшения их работы, партия занималась постоянно, что давало большие положительные результаты. Об этом свидетельствуют, например, решения III-го Всесоюзного совещания рабселькоров, состоявшегося в мае 1926 года. В резолюции «О партийном руководстве рабселькоровским движением» это совещание отметило как количественный,

---

[1] Газета «Коммунист». Орган ЦК и Харьковского окружкома КП(б)У. 5 мая 1925 года.

[2] М. И. Ульянова. Итоги и перспективы рабселькоровского движения. Отчет редакции журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент». Четвертое Всесоюзное совещание рабселькоров. Стенографический отчет. «Решения». Изд. «Правда», М. 1929, стр. 74.

[3] Журнал «Червона преса», 1927. № 2, стр. 8.

[4] Партархив Института истории партии ЦК КП Украины — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 13, ед. хр. 233, л. 208.

[5] Там же, ед. хр. 333, л. 45.

[6] Журнал «Рабочий корреспондент», изд. «Правда», 1924, № 2, стр. 52.

[7] Партархив Института истории партии ЦК КП Украины — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1360, л. 96.

так и качественный рост рабселькоровского движения, рост культурно-политической активности рабселькоров, устранение многих ошибочных форм и методов работы рабочих и крестьянских корреспондентов, увеличение веса рабселькоров в общей системе диктатуры пролетариата, рост влияния рабселькоровских организаций в борьбе с бюрократизмом и недостатками советского государственного и хозяйственного аппарата [1]. А в резолюции «Итоги и перспективы рабселькоровского движения» совещание отметило увеличение качества корреспонденций, увеличение процента заметок, которые подтвердились, освещение рабселькорами не только отрицательных, но и положительных сторон действительности [2]. Например, из 4 тысяч заметок, помещенных в газете «До нового села» (Кривой Рог) с 1 мая 1927 года по 1 мая 1928 года, 2,5 тысяч заметок были посвящены недостаткам и отрицательным явлениям и почти 1,5 тысяч — достижениям и положительному опыту государственного и хозяйственного строительства [3]. Все разнообразнее становились вопросы, которые затрагивали в своих корреспонденциях рабселькоры. Так, заметки, поступившие с 1 сентября 1926 года по 1 сентября 1927 года на расследование Киевской окружной КК-РКИ посвящались вопросам о борьбе за режим экономии, о нарушениях революционной законности, о трудовых конфликтах на предприятиях, об актуальных вопросах крестьянской жизни и т. д. Важное место среди них принадлежит заметкам, касающимся борьбы за совершенствование работы государственного аппарата (свыше 25 процентов всех заметок) [4].

Качественный рост рабселькоровского движения проявлялся и в том, что рабселькоры, как передовые люди из рабочих и крестьян, все больше стали принимать участие в общественной жизни, их все охотнее стали избирать в различные общественные выборные органы. Под

[1] «Резолюції 3-ої Всесоюзної наради робселькорів (23—30 травня 1926 року)». Видання видавничого відділу окрпарткому КП(б)У. Київ. 1926, стор. 16.

[2] Там же, стор. 7.

[3] Партархив Института истории партии ЦК КП Украины — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ф.1, оп. 1, ед. хр. 1360, л. 99.

[4] Киевский областной государственный архив, Ф. 290, оп. 1, ед. хр. 48, л. 54—55.

руководством Коммунистической партии каждый рабкор становился ударником производства, передовиком социалистического соревнования.

Приведенные данные свидетельствуют о грандиозном размахе корреспондентской деятельности трудящихся нашей страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в восстановительный период она приобретает характер широкого общественного движения рабочих и крестьян, которое получило название рабселькоровского.

Рабселькоровское движение играет важную роль в деятельности Коммунистической партии. Оно является одним из орудий, при помощи которых партия связывается с трудящимися массами. Причем, характерной чертой этой формы связи партии с массами является то, что она осуществляется через печать, вокруг которой группируются рабселькоры и для которой они, в свою очередь, служат важнейшей формой связи с широкими трудящимися массами [1].

Только тесно связавшись с трудящимися массами, прежде всего через сеть рабселькоров, только получая с мест большое количество корреспонденций и писем некорреспондентского характера и уделяя им должное внимание, партийно-советская печать может выполнить роль коллективного пропагандиста, агитатора и организатора трудящихся масс. Это неоднократно подчеркивал В. И. Ленин.

В «Письме к товарищам» В. И. Ленин писал, что орган печати может быть жизненным только тогда, когда на пять литераторов будет приходиться пятьсот и пять тысяч нелитераторов, особенно рабочих, пишущих в газету. В. И. Ленин еще в 1904 г. писал: «Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе — без этого материала грош будет цена социал-демократическому органу, и он не будет заслуживать названия социал-демократического»[2].

---

[1] См. «О формах связи газет с рабочими и крестьянскими читателями». Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1924 года. В книге «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. 323

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 490.

В целом ряде своих работ и писем В. И. Ленин настойчиво требует, советует, просит организовать побольше корреспонденций для газет, особенно от рабочих. В 1923 году в письме в редакцию газеты «Экономическая жизнь» В. И. Ленин писал, что для того, чтобы газета стала боевым органом надо «завести сеть корреспондентов с мест, как коммунистов, так и беспартийных, и уделять больше места корресподенциям с мест, с заводов, с рудников, с совхозов, с желдордепо и мастерских и т. д.»[1].

Но исследование рабселькоровского движения нельзя ограничить изучением одной из сторон деятельности советской печати. Это широкое, общественное движение, которое используется партией не только для связи советской печати с трудящимися массами, но и как одна из форм связи всей партии с народом.

В. И. Ленин указывал, что одной из главных опасностей для партии является опасность отрыва от трудящихся масс, опасность того, что партия забежит слишком далеко вперед, не сохраняя прочной связи с рабочими и крестьянами. Коммунисты должны быть в гуще жизни трудящихся, хорошо знать ее, уметь безошибочно определять настроения масс, их стремления, потребности, мысли, уметь завоевать себе безграничное доверие масс, заботливым удовлетворением их нужд.

Партия осуществляет связь с трудящимися посредством «приводных ремней» — политических, профессиональных, военных, кооперативных и других массовых организаций. Одним из таких приводных механизмов является печать, а через нее и рабселькоровское движение, представляющее собою важнейшую форму связи печати с трудящимися массами.

В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 июня 1925 года «О рабселькоровском движении» указывалось по этому вопросу: «Численный рост и организационное укрепление рабселькоровского движения, объединившего вокруг наших центральных и местных газет более 150000 добровольных рабочих, сельских и военных корреспондентов, придает рабселькоровскому движению важнейшее общественно-политическое значение, превращая селькора в орудие связи нашей печати, а через нее и всей

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 16.

партии с широкими рабоче-крестьянскими массами, содействует партии и Советам в расширении их влияния и укреплении политического руководства рабоче-крестьянскими массами» [1].

Таким образом, и само рабселькоровское движение является одним из орудий связи партии с трудящимися массами. Об этом прямо говорилось также в организационном отчете Центрального Комитета РКП(б) XIII съезду партии, где среди других добровольных организаций общественной инициативы, окружающих партию и связывающих ее с трудящимися массами, были названы и организации рабочих и крестьянских корреспондентов [2].

Следует отметить, что связь между партией и трудящимися массами не односторонняя, а носит характер взаимосвязи, которую В. И. Ленин характеризовал как взаимоотношение и взаимодоверие [3]. Разъясняя это ленинское положение, И. В. Сталин указывал, что эта связь носит характер взаимодействия между партией и народом [4].

Следовательно вопрос о связи между партией и трудящимися массами, осуществляемой через рабселькоров, нужно рассматривать с точки зрения взаимозависимости и взаимообусловленности между ними. С одной стороны, это означает, что через рабселькоров партия учит массы, ведет их за собой. В работе «К вопросам ленинизма» И. В. Сталин, определяя эту одну из сторон вопроса о взаимоотношениях между партией и классом, указывал, что это означает, что партия должна «быть руководителем, вождем, учителем своего класса» [5].

Если учесть, что с рабселькорами партия связывается через газеты и их редакции, то здесь мы видим в действии ленинское положение о том, что печать является коллективным пропагандистом, агитатором и организатором масс. Рабселькоры, руководимые Коммунистической партией, выступают, как отмечено в постановлении ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1931 года «О перестройке рабсель-

---

[1] «О партийной и советской печати». Сборник документов. М 1954, стр. 341.
[2] См. И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 196.
[3] См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 189.
[4] См. И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 289.
[5] См. И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 44.

коровского движения», организаторами масс для дела социалистического строительства [1].

В период проведения той или иной кампании, решения той или иной задачи, партия ведет соответствующую разъяснительную работу среди рабселькоров с тем, чтобы направить их усилия, а через них и усилия миллионов трудящихся на выполнение этой задачи.

Например, в период начала широкой кампании борьбы за режим экономии вслед за резолюцией апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1926 года «О хозяйственном положении и хозяйственной политике», провозгласившей курс на осуществление во всей стране строгого режима экономии, и обращением ЦК и ЦКК ВКП(б) от 25 апреля 1926 года «О борьбе за режим экономии» [2], было принято постановление ЦК ВКП(б) от 28 апреля 1926 года «Постановка периодической печати в связи с борьбой за режим экономии». В этом постановлении, наряду с другими задачами печати ставилась задача усиления работы по вовлечению рабкоров в кампанию борьбы за режим экономии [3].

В соответствии с директивой XIV съезда партии об индустриализации страны ЦК ВКП(б) 24 марта 1927 года принял постановление «Вопросы рационализации производства»[4]. Этим постановлением открывалась широкая кампания по вовлечению рабочих масс в дело рационализации производства. Вслед за этим постановлением было принято постановление ЦК ВКП(б) от 9 мая 1927 года «О постановке устной и печатной агитации за рационализацию производства и о вовлечении широких рабочих масс в проведение кампании по рационализации производства» [5]. В постановлении большое внимание было уделено привлечению рабкоров к этому делу.

Объединенный апрельский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 года в резолюции «Шахтинское дело и практиче-

---

[1] «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. 409.

[2] См. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Госполитиздат, 1957, стр. 578.

[3] См. «О партийной и советской печати» Сборник документов. М. 1954, стр. 360.

[4] См. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Госполитиздат. 1957, стр. 666.

[5] См. «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. 369.

ские задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства» и ноябрьский Пленум ЦК КП(б)У 1929 года уделили большое внимание устранению недостатков и ошибок в угольной промышленности Донбасса, вскрытых в связи с шахтинским делом. В борьбе за быстрейшую ликвидацию последствий контрреволюционного вредительства и увеличение добычи угля в Донецком бассейне партия широко использовала рабселькоровское движение. После своего ноябрьского Пленума 1929 года ЦК КП(б)У обратился с письмом к редакциям газет Донбасса, в котором излагались задачи прессы в проводимой кампании. ЦК КП(б)У указывал, что все свои средства печать должна направить на создание перелома на угольном фронте. «Во всей работе,— подчеркивалось в письме,— редакции должны опираться на максимальную активность рабкоров, провести среди них серьезную воспитательную работу, чтобы сделать их застрельщиками борьбы за трудовую дисциплину и подъем производства» [1].

Таким образом, одна из сторон вопроса о взаимосвязи между Коммунистической партией и трудящимися массами, осуществляемой через рабкоров, заключается в том, что через них партия учит массы, ведет их за собой. Партия использует рабочих и крестьянских корреспондентов, как проводников своей генеральной линии, организаторов масс на дело коммунистического строительства.

Но во взаимосвязи между партией и трудящимися массами есть и другая сторона, которая заключается в том, что партия не только учит массы, но и сама учится у них. Неустанным требованием В. И. Ленина было: «учиться у масс, осмысливать их действия, тщательно изучать практический опыт борьбы масс» [2]. В работе «К вопросам ленинизма» И. В. Сталин, определяя эту другую из сторон вопроса о взаимоотношениях между Коммунистической партией и трудящимися массами, писал: «Это значит..., что партия должна чутко прислушиваться к голосу масс, что она должна внимательно относиться к революционному инстинкту масс, что она долж-

---

[1] Партийный архив Сталинского обкома КП Украины, Ф. 9, оп. 1, ед. хр. 733, л. 12.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 60—61.

на изучать практику борьбы масс, проверяя на этом правильность своей политики, что она должна, следовательно, не только учить, но и учиться у масс»[1].

Рабселькоровское движение в этом отношении имеет огромное значение для партии, давая ей возможность всегда знать мнения, настроения и запросы широких трудящихся масс. М. И. Ульянова, одна из руководителей рабселькоровского движения и редактор журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент», писала, что рабселькоры играют роль «щупальцев партии в гуще населения»[2].

Организуя массовое корреспондирование трудящихся в газеты, партия превращает их как бы в аккумуляторы фактов, поступающих из различных мест страны. Ясно, что все письма и заметки рабочих и крестьянских корреспондентов напечатать в газетах невозможно. Печатается только часть из них. Но это не означает, что остальные заметки и письма, не попавшие на страницы газет, не нужны. Они не менее нужны и используются для информации, ориентировки партии и печати или учитываются и используются в статьях, помещаемых в газетах. Например, редакция украинской крестьянской газеты «Радянське село» практически проводила эту работу в 1927—1928 годах следующим образом. Ее отдел изучения села делал разработку крестьянских писем по темам. Потом эти разработки направлялись в соответствующие партийные и советские органы[3].

Все заметки и письма, поступающие в редакции газет и носящие как критический характер, так и говорящие о передовом опыте и достижениях, являются отражением положения дел и настроений на местах и позволяют партии сообразно с этим строить свою практическую работу в массах, устранять недостатки, внедрять все лучшее, родившееся в массах и подсказанное ими.

Придавая большое значение этой стороне деятельности рабселькоров, партия заботится о том, чтобы поддерживалась тесная связь партийных и советских органов, а также прокуратуры с рабселькоровским движением. Уже в декабре 1924 года было принято постановление

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 43—44.
[2] М. И. Ульянова. Итоги II совещания. Журнал «Рабочий корреспондент». Изд. «Правда», 1924, № 12, стр. 1.
[3] ЦГАОР УССР, ф. 388, оп. 3, ед. хр. 20, л. 51—52.

Оргбюро ЦК РКП(б) «О рабочей печати», в котором указывалось: «Разоблачительную работу рабкоров и газет тесно связать с текущей работой ЦК РКП, РКИ и прокуратуры так, чтобы ни одна заметка не оставалась без отклика» [1]. В соответствии с этим постановлением 27 января 1925 года ЦКК РКП(б) была дана директива всем КК и РКИ о необходимости установления тесной связи между органами КК и РКИ и рабселькорами. Для связи с рабселькорами КК и РКИ должны были выделять по одному постоянному работнику, устраивать совместные с представителями рабселькоров совещания [2]. XIV съезд ВКП(б) в резолюции о работе ЦКК и РКИ это указание подтвердил, записав, что необходимо укрепить связь органов КК-РКИ с рабселькоровскими организациями для использования корреспонденций в борьбе с недостатками государственного аппарата [3]. В дальнейшем эта связь стала осуществляться через специально созданные комиссии по рабселькоровским делам при КК-РКИ [4]. При Киевской окружной КК-РКИ, например, такая комиссия была создана в июле 1926 года [5], при Луганской — в конце 1926 года [6]. В состав комиссий по рабселькоровским делам входили представители КК-РКИ, редакций газет, прокуратуры, бюро рабселькоров и отделов прессы партийных комитетов. В задачи комиссий входило вовлечение рабселькоров во все кампании, проводимые партией, принятие мер по улучшению руководства рабселькоровским движением, улучшение воспитательной работы среди рабселькоров, реализация корреспонденций, борьба с преследованиями рабселькоров.

Этому же вопросу было посвящено письмо ЦКК ВКП(б) «Ко всем КК ВКП(б)», принятое в конце 1926 го-

---

[1] «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. 321.

[2] См. Письмо ЦКК РКП(б) от 27 января 1925 года «О связи КК и РКИ с рабкоровскими и селькоровскими организациями». В книге «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. 327.

[3] «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. 321.

[4] См. Газета «Коммунист». Орган ЦК КП(б)У и Харьковского окружкома КП(б)У от 15 января 1927 года.

[5] Киевский областной государственный архив. ф. 290, оп. 1, ед. хр. 48, л. 53.

[6] См. журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент» изд. «Правда», 1927, № 1, стр. 26.

да, и постановление Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ СССР, принятое в июле 1931 года.

Такое внимание партии к этой стороне деятельности рабселькоров давало положительные результаты. Рабселькоры помогли выявить и устранить многие недостатки и злоупотребления. Например, по данным отчета о работе Киевской Окружной РКИ за первое полугодие 1927/1928 года 20% всех дел о недостатках и злоупотреблениях начато по заметкам рабселькоров, помещенных в газетах или пересланных в РКИ редакциями газет [1].

По заметкам и статьям, помещенным в газете «Красный горняк» (Донбасс) с 1 октября 1927 года по 1 марта 1928 года снято с работы 16 лиц, объявлено выговоров 8 лицам, поставлено на вид 4 лицам, привлечено к уголовной ответственности 15 лиц. Наряду с этим намечены мероприятия по устранению недочетов на производстве и в аппарате по 62 заметкам, удовлетворены справедливые требования 11 граждан. Не подтвердились материалы по 25 заметкам [2].

Придавая большое значение всестороннему выявлению недостатков, Коммунистическая партия наряду с этим нацеливала рабселькоров на необходимость показа достижений и побед социалистического строительства для того, чтобы на образцах лучших предприятий, колхозов, цехов показывать пример отстающим, осуществлять обмен передовым опытом на всех участках социалистического строительства. В постановлении ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1931 года «О перестройке рабселькоровского движения» указывалось, что «рабселькоры должны гораздо глубже вникать во все важнейшие вопросы социалистического строительства, всесторонне выявляя недостатки, а также освещая наиболее яркие положительные стороны достижений социалистического строительства на всех его участках, начиная с агрегатов, отделений, цехов, заводов, трестов и т. д.» [3].

Показательна в этом отношении переписка с рабселькорами великого пролетарского писателя М. Горького.

[1] Киевский областной государственный архив, Ф. 290, оп. 1, ед. хр. 47, л. 148.

[2] Партархив Института истории партии ЦК КП Украины — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1360, л. 97.

[3] «О партийной и советской печати». Сборник документов. М. 1954, стр. 409.

В своих письмах к рабселькорам М. Горький настойчиво убеждал рабселькоров писать не только о «плохом», но и о «хорошем», ибо в Советском Союзе люди поднимаются вверх по ступенькам «хорошего», которое они сами создают. Чем заметнее будет подчеркнуто «хорошее», тем яснее будет видно «плохое». Нужно, чтоб все были осведомлены обо всем, что делается «хорошего» в Советском Союзе [1].

Таким образом, вторая сторона вопроса о взаимосвязи между партией и трудящимися массами, осуществляемой через рабселькоровское движение, заключается в том, что партия использует рабселькоров, как одно из средств для того, чтобы постоянно советоваться с массами, учиться у них, привлекать их к управлению государством.

* * *

Итак, рабселькоровское движение, окончательно оформившееся, как широкое общественно-политическое движение трудящихся нашей страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции, сыграло важную роль в период строительства социализма. Его роль не уменьшилась и сейчас. Рабселькоровское движение является одной из важнейших форм связи партийно-советской печати, а через нее и всей партии, с многомиллионными массами трудящихся. Партия использует рабселькоровское движение как одно из средств усиления своего влияния на массы, привлечения их к активному строительству коммунизма. Тем самым рабселькоровское движение является проводником генеральной линии партии.

С другой стороны, рабселькоровское движение является одним из каналов, через которые партия, ее руководящие органы получают информацию о том, как трудящиеся массы усваивают ее лозунги, какие настроения и запросы у трудящихся масс. Сообразуясь с этим партия строит свою практическую деятельность. В этом смысле можно сказать, что партия использует рабселькоровское движение для того, чтобы учиться у масс.

[1] М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Государственное издательство художественной литературы. М. 1953, т. 24, стр. 306—307.

Коммунистическая партия использует рабселькоровское движение, как одно из средств вовлечения трудящихся масс в активную деятельность по управлению государством, по улучшению государственного аппарата и устранению недостатков и злоупотреблений. В этом смысле рабселькоровское движение является выражением подлинной социалистической демократии.

В период развернутого строительства коммунизма общественно-политическое значение рабочих и сельских корреспондентов неизмеримо возросло. Их богатый жизненный опыт, возросший культурно-технический уровень позволяют квалифицированно и глубоко освещать на страницах печати злободневные вопросы хозяйственного и культурного строительства. Самоотверженно работая на своих трудовых постах, рабселькоры в то же время под руководством Коммунистической партии пером, печатным словом, личным примером способствуют воспитанию трудящихся в духе марксизма-ленинизма, зовут к творческому труду во имя коммунизма, к борьбе за прочный мир во всем мире.

А. ЛЕБЕДЕВ

РЕОРГАНИЗАЦИЯ МТС И СОЗДАНИЕ РАЙОННЫХ ИНСПЕКЦИЙ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Машинно-тракторные станции не только доставляли материальную базу для технического перевооружения сельского хозяйства, они являлись также и могучим центром политического и хозяйственного руководства колхозами. В штатах МТС наряду со специалистами сельского хозяйства были и работники, которые занимались вопросами заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Огромная армия высококвалифицированных работников сельского хозяйства занималась не только производственной деятельностью МТС и колхозов. Она являлась также и политическим организатором колхозных масс, которые мобилизовались на выполнение поставленных перед колхозами задач по увеличению выпуска сельскохозяйственной продукции. Благодаря наличию большой армии специалистов сельского хозяйства, сосредоточенных в МТС, колхозы не только окрепли в экономическом отношении, а далеко шагнули вперед и в развитии культуры. МТС посредством курсов механизаторов по сельскому хозяйству, подготовили из числа колхозников и колхозниц миллионы квалифицированных кадров. Эти кадры являются ядром современной деревни.

После реорганизации МТС специалисты сельского хозяйства были переведены в колхозы. Так, по Белгородской области из МТС в колхозы перешло около 24.500

специалистов. Это привело к тому, что каждый колхоз стал располагать своими кадрами в лице агрономов, зоотехников, инженеров и большим количеством механизаторов.

С реорганизацией МТС возник вопрос о дальнейшем совершенствовании руководства сельским хозяйством. Новые условия дают возможность приблизить руководство непосредственно к колхозам. Практика показала, что местные партийные и советские органы успешно справляются с решением поставленных перед сельским хозяйством задач. Роль районного звена в руководстве колхозами все больше и больше возрастает. Местные органы сельских районов теперь способны решать те вопросы руководства колхозами, которые когда-то решали машинно-тракторные станции.

Дальнейшее развитие колхозного строя и реорганизация машинно-тракторных станций обусловили создание при исполкомах районных Советов депутатов трудящихся особых органов, для оказания помощи и контроля производственной деятельности колхозов,— районных инспекций по сельскому хозяйству.

Задачи и функции этих инспекций, как известно, были определены постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 марта 1958 года, принятым непосредственно во исполнение решений февральского Пленума ЦК КПСС (1958 г.) и закона от 31 марта 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». Названным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР на районные инспекции по сельскому хозяйству было возложено оказание всесторонней помощи колхозам, а именно: пропаганда передового опыта ведущих колхозов и совхозов, достижений сельскохозяйственной науки, внедрение этого опыта и достижений науки в работу всех других колхозов района, организация семеноводства и племенного дела, землеустройство и осуществление государственного учета земель, организация ветеринарной службы, обеспечение надзора за проведением мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений, оказание помощи колхозам в налаживании бухгалтерского учета и разработке годовых финансовых планов, осуществление контроля за правильностью начисления за продаваемую колхозами продукцию, прове-

дение ревизий финансовой деятельности колхозов, ведение борьбы с различного рода злоупотреблениями, имеющих место в колхозной деятельности. Соответственно с этим и штат районных инспекций по сельскому хозяйству укомплектован так, что он включает в свой состав наряду с начальником инспекции, главного агронома, агронома-семеновода, главного зоотехника, зоотехника по племенному делу, старшего ветврача, старшего землеустроителя, старшего инспектора — бухгалтера, инспектора бухгалтера и инспектора по заготовкам — всего 10 человек.

С момента создания районных инспекций по сельскому хозяйству прошло еще не так много времени, но определенный итог их работы можно уже подвести. В частности в этом наглядно можно убедиться на примерах работы одной из инспекций Белгородской области — Шебекинской районной инспекции по сельскому хозяйству.

Прежде всего опыт показывает,— чтобы поднять роль районных инспекций на уровень стоящих перед ними задач, работники инспекций не должны распыляться в своей работе и заниматься собиранием статистических отчетов и прочей документации, а обязаны находить главное в своей работе, умело, оперативно разрешать назревшие вопросы, с которыми колхозы сталкиваются в своей практической деятельности. Так именно и поняли свои задачи специалисты Шебекинской районной инспекции по сельскому хозяйству. За время своей работы инспекция, широко использовав новые достижения науки и передовой опыт механизаторов сельского хозяйства страны, организовала рациональное размещение посевных площадей, предусмотренных планом севооборота. Больше того, работники инспекции принимали непосредственное участие в осуществлении правильного севооборота в колхозах имени Жданова и имени Ленина. Осуществляется систематический контроль за соблюдением ранее введенных севооборотов путем непосредственной проверки правильности размещения культур в полях севооборота, а также проверкой правильности ведения книг истории полей по колхозам. Наряду с этим инспекция уделяет большое внимание внедрению посевов многолетних трав и улучшению природных кормовых угодий. Так, например, в колхозе «Красный Октябрь» уве-

личены посевы многолетних трав в 1958 году на 221 гектар, на 1959 год оставлены многолетние травы на площади 570 гектаров. По колхозу имени Ленина увеличены посевы многолетних трав на 416 гектаров. Колхоз имени Сталина увеличил посевы многолетних трав на 363 гектара. Проведенная работа безусловно приведет к созданию обильной кормовой базы в данных колхозах.

Принимая во внимание, что в некоторых колхозах есть возможность расширить посевные площади за счет заболоченных земельных участков, колхозами были произведены изыскательные работы, для осушения пойменных земель по рекам Корень (на территории колхоза имени Ленина на площади 542 гектара), и Короча (на территории колхоза имени Сталина на площади 480 гектаров). Осуществление данных работ намечено в 1959 году. В 1959 году по району было распахано 75 гектаров земель за счет кустарника и ненужных дорог; улучшены сенокосные угодия на площади 228 гектаров; приведены в порядок выпасы площадью 213 гектаров.

Важное значение для колхозов имеет и своевременное проведение землеустроительных работ. За время своей работы Шебекинская инспекция такие работы провела в семи колхозах. Чтобы повысить производительность труда комплексных бригад, работники инспекции помогли колхозам правильно переделить размеры земельных участков для каждой из бригад, принимая во внимание число трудоспособных в этих бригадах. Это в свою очередь дало возможность более производительно использовать земельные массивы, закрепленные за бригадами, а также определить точную потребность в машинах и механизмах.

Большая работа была проведена инспекцией в колхозах по сортообновлению на семенных участках. По предложению инспекции в каждом колхозе района были выделены специальные семенные участки озимых и яровых культур на более плодородных землях по лучшим предшественникам. Так, например, по ячменю сортообновление проведено на семенных участках в 7 колхозах, по овсу — в 6 колхозах, по просу — в 6 колхозах. Посевы на семенных участках полностью обеспечили потребность колхозов района в семенах ярового сева. В колхозах имени Свердлова, «Красный Октябрь», «Заря» посевы были произведены качественными семенами, что кроме

всего прочего привело и к повышению урожайности на 3—5 центнеров с гектара.

Семенные участки озимых культур под урожай 1959 года посеяны исключительно районированными сортовыми семенами. Рожь харьковская — 194, первой репродукции посеяна в 9 колхозах, озимая пшеница — одесская, четвертой репродукции посеяна в 9 колхозах. Семенные участки ушли в зиму в хорошем состоянии. Посев озимых культур проведен только кондиционными семенами 2 и 3 классов посевного стандарта. Инспекция также строго следит за правильным использованием на полях колхозов удобрений, как химических, так и местных. В 1958 году на поля колхозов вывезено 80 756 тонн. Проведена подкормка озимых минеральными удобрениями на площади 4 807 гектаров. В период весеннего сева было внесено минеральных удобрений 19 880 центнеров. В результате применения местных и химических удобрений в колхозе «Красный Октябрь», урожай зерновых культур составил 19,8 центнеров с гектара, в колхозе имени Сталина — 17,3 центнера с гектара, при среднем урожае по району — 16,4 центнера. По части зернового хозяйства инспекция провела большую работу, которая способствовала тому, что в 1958 году по району увеличилась урожайность зерновых культур.

Все это позволило колхозам продать больше хлеба государству, чем было предусмотрено планом. По плану колхозы района должны были продать государству 108 130 центнеров зерна, а на 1 октября было продано уже 110 830 центнеров. Значительно увеличились и доходы колхозов от продажи зерновых культур. В 1957 году доходы колхозов от продажи зерна составляли 1 836 тысяч рублей, а в 1958 году доходы составляли 4 494,7 тысяч рублей.

Районная инспекция совместно с колхозами пришла к выводу, что в интересах улучшения зернового хозяйства в Шебекинском районе нам более целесообразно выращивать два сорта пшеницы: одесскую — 3, которая способна к более быстрому вызреванию, и львовскую — 873, с более поздним созреванием.

Высоких урожаев добились колхозы и по сахарной свекле. Так, колхоз «Красный Октябрь» собрал сахарной свеклы 252 центнера с гектара, колхоз име-

ни Сталина — 230 центнеров, при среднем урожае по району 212 центнеров с гектара.

Выращиванию хорошего урожая способствовало, в частности, и то, что инспекция большое внимание уделяла борьбе с вредителями сельского хозяйства. Так, например, было организовано специальное опрыскивание с самолетов садов и сахарной свеклы на площади более 5 500 гектаров. В целях профилактической борьбы с вредителями, инспекция провела раскопки залеганий сельскохозяйственных вредителей по земельным массивам всех колхозов.

Наряду с названными мероприятиями инспекция периодически проводит инструктивные совещания председателей колхозов, агрономов, бригадиров и зоотехников по обмену опытом работы и использованию достижений науки и техники в колхозном производстве. В июле 1958 года было проведено, например, совещание председателей колхозов, бригадиров, агрономов, заведующих ферм, бухгалтеров, на котором были заслушаны доклады о взаимоотношениях РТС с колхозами, о роли и значении реорганизации МТС в дальнейшем подъеме колхозного производства, об использовании машинно-тракторного парка в новых условиях. На это совещание были приглашены работники Воронежского института экономики сельского хозяйства, которые оказали помощь практическим работникам.

Был организован ряд экскурсий в передовые колхозы. Так, например, была проведена экскурсия в колхоз имени Сталина, где бригадиры ознакомились с правильными методами использования тракторов и других сельскохозяйственных машин, хранением машин, оборудованием полевых станов, с правильными методами закладки комбинированного силоса. Опыт колхоза имени Сталина по закладке комбинированного силоса был широко использован в колхозах «Заря», «Правда», имени Калинина, имени Жданова. Как особо заслуживающий внимания факт следует отметить то, что в 1959 году инспекция намерена организовать опорно-показательный участок по выращиванию высоких урожаев кукурузы в колхозе «Красный Октябрь».

Инспекция уделяет большое внимание проверке хозяйственной деятельности колхозов. Так, например, была организована проверка в колхозах имени Кирова, име-

ни Калинина, «Завет Ильича», «Заря», имени Жданова. Проверяя эти колхозы, инспекция отметила ряд существенных недостатков. В колхозе имени Калинина допускались нарушения демократических основ в управлении делами артели. Заседания правления проводились нерегулярно. Так, за шесть месяцев 1958 года в этом колхозе было проведено только восемь заседаний вместо двенадцати. Уставом сельхозартели предусмотрено ежемесячное проведение собраний колхозников по бригадам, но это требование Устава не выполнялось. За первое полугодие текущего года бригадные собрания вообще не проводились. Что касается общих собраний колхоза, то они были иногда неправомочными (из 1991 членов артели присутствовало на собрании 638, это составляло менее чем 33% от общего числа членов артели). Инспекция отметила там же и факты нарушения финансовой дисциплины, а именно, ведомости на выдачу денег по трудодням колхозникам не подписывались председателем колхоза и бухгалтером. Имели место случаи, когда колхоз покупал запчасти, горючее и смазочные материалы у частных лиц. Таким путем было куплено запчастей на сумму 27 223 рубля, горючесмазочных материалов на 10 239 рублей. Вся сумма израсходованных денег была списана по акту, который был подписан только председателем колхоза.

В этом же колхозе было установлено, что 14 дворов колхозников имели приусадебные участки превышающие установленную Уставом норму.

На животноводческих фермах, как отметила инспекция, недостаточно уделялось внимания уходу за скотом, в результате чего в колхозе был допущен падеж скота и птицы на общую сумму 14 269 рублей. После обследования хозяйственной деятельности колхоза имени Калинина, инспекция передала все материалы райисполкому, который принял необходимые меры к устранению отмеченных недостатков, а инспекция помогла колхозу в этом. Существенные недостатки были отмечены инспекцией в колхозе имени Кирова. Правление колхоза имени Кирова оставляло большое количество жалоб колхозников неразобранными и неудовлетворенными. Это произошло вследствии того, что заседания правления артели проводились нерегулярно.

Все это говорит о том, что Шебекинская районная инспекция по сельскому хозяйству провела большую работу по оказании помощи колхозам и по изжитию имевшихся недостатков в их работе. Наряду с этим следует отметить, что инспекция недостаточно обращала внимания на выращивание такой ценной культуры, как кукуруза. Расширение посевных площадей кукурузы в районе производится ежегодно. Однако посевы кукурузы, к сожалению, производятся в большинстве случаев не квадратно-гнездовым способом, а широкорядным, что привело к затруднению в обработке посевов, а в общем итоге к получению низкого урожая кукурузы. Это, конечно, не могло не сказаться отрицательно на создании кормовой базы. Так, например, в колхозе «Правда» из 316 гектаров посевов кукурузы было посеяно квадратно-гнездовым способом только 69 гектаров. Подобные факты можно было наблюдать и в других колхозах района. Все это, конечно, не могло не привести к тому, что колхозы значительно недовыполнили план продажи молока государству. Так, если по плану колхозы должны продать государству в 1958 году 5.240.600 литров молока, то на 1 октября ими было продано только 3.920.600 литров.

Эти факты говорят о том, что инспекции следует уделить особое внимание созданию обильной кормовой базы в колхозах.

На примере Шебекинской инспекции по сельскому хозяйству можно видеть какую огромную помощь могут оказать инспекции колхозам, если работники инспекции правильно понимают возложенные на них задачи. Желательно, чтобы областные и республиканские сельскохозяйственные органы повседневно занимались обобщением работы инспекции с тем, чтобы в их деятельности допускалось меньше ошибок и просчетов.

Борьба за выполнение исторических решений XX съезда КПСС, сентябрьского, февральско-мартовского, январьского и февральского (1958 г.) Пленумов ЦК КПСС представляет собой новый этап в развитии сельского хозяйства страны и укреплении колхозного строя. Мероприятия Партии и Правительства привели к значительному улучшению экономики сельского хозяйства. ЦК КПСС неоднократно указывал на то, что для поднятия сельскохозяйственного производства надо серьезно улучшить руководство сельским хозяйством, нацелить

внимание наших кадров на вопросы экономики, на снижение трудовых затрат на производство сельскохозяйственной продукции. Учитывая важность поставленных ЦК КПСС задач в области сельского хозяйства, труженики полей Белгородской области, правильно поняв эти задачи, развернули широким фронтом социалистическое соревнование за дальнейшее развитие экономики колхозов и увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции. Итоги работы 1958 года наглядно показывают, каких громаднх успехов добились колхозы области. Денежные доходы колхозов возросли по сравнению с 1957 годом на 300 миллионов рублей. В 1958 году сдано государству хлеба больше чем в 1957 году на 3,7 миллиона пудов. Выращен богатый урожай сахарной свеклы. В среднем по области урожай сахарной свеклы достиг 227 центнеров с гектара и продано ее государству колхозами свыше 26 миллионов центнеров. Увеличено производство мяса, молока и создана прочная кормовая база.

Значительно увеличились доходы колхозов, так например, колхозы Белгородского района в 1957 году получили доходов 25.671 тысяч рублей, а в 1958 году доходы колхозов этого района выросли до 39.450 тысяч рублей. По колхозам Шебекинского района, доходы колхозов в 1957 году составляли 44.646 тысяч рублей, а в 1958 году доходы увеличились до 56.375 тысяч рублей. Особенно заметно увеличились доходы в тех колхозах, которые купили технику у МТС и самостоятельно используют ее. Опыт показал, что купленная колхозами техника используется более производительно, чем прежде. Сорок три колхоза в области по своему экономическому состоянию не могли купить технику весной 1958 года и обслуживались по-прежнему МТС. После окончания полевых работ эти колхозы убедились в том, что приобретение техники является необходимым и, чем быстрее будет куплена техника, тем быстрее будет поднята экономика колхозов.

Обобщение опыта работы Шебекинской районной инспекции по сельскому хозяйству наглядно показывает, какое огромное значение имеет в настоящее время деятельность этих инспекций. Колхозы в инспекциях видят хорошего помощника при решении производственных задач. После года своего существования инспекции как районное звено управления сельским хозяйством, своей

работой рассеяли все сомнения тех, кто ошибочно думал, будто районные инспекции вообще не нужны в системе управления сельским хозяйством. Короткое время показало, что сомнения по такому вопросу оказались напрасными. Инспекции, при правильной организации своей работы, могут принести огромную пользу делу организации всех работ в колхозах и РТС. Реорганизация машинно-тракторных станций и новая обстановка в работе колхозов возлагает на районное звено управления сельским хозяйством большие и разносторонние задачи. Это звено является одновременно и органом государственного планирования и органом оперативного руководства всем сельским хозяйством по району.

Ремонтно-технические станции не занимаются производственной деятельностью на полях колхозов, а следовательно и не занимаются непосредственным руководством деятельностью колхозов. РТС являются центром снабжения всеми видами сельскохозяйственных машин и запасными частями. В настоящее время уже сокращается и ремонтная функция РТС, т. к. колхозы строят свои ремонтные мастерские, что позволит производить ремонт самим колхозам. Все это приводит к тому, что на районные инспекции возлагается все больше и больше руководящих функций. Инспекция должна обеспечить единый план построения сельскохозяйственных работ и заботиться о том, чтобы все колхозы применяли передовые методы агротехники и наилучшие приемы организации животноводства. Для этих целей инспекциям следует создавать в колхозах широкий актив из числа агрономов, зоотехников, бригадиров и рядовых колхозников. Опираясь на актив они смогут беспрепятственно внедрять в колхозное производство новые научные методы по выращиванию высоких урожаев и по повышению продуктивности животноводства.

Важное место в работе инспекции должен занимать вопрос о работе с бригадирами полеводческих и комплексных бригад. После укрупнения колхозов роль бригадира значительно выросла. Бригада является самостоятельной производственной единицей, которая ведет многоотраслевое, высокомеханизированное хозяйство. При данных условиях бригадир должен оперативно и самостоятельно решать все производственные вопросы. Но для решения сложных производственных вопросов бригадир должен

быть грамотным в агротехническом отношении, быть в курсе дела всех достижений науки и техники в сельскохозяйственном производстве. В этом деле бригадирам инспекция может оказать большую помощь. Инспекциям необходимо организовать систематические занятия в виде семинаров с бригадирами, где следует проводить обмен опытом работы бригадиров и знакомить их с новыми достижениями науки и техники по вопросам сельского хозяйства. Такие семинары можно проводить один раз в месяц.

В настояще время в колхозах решается одна из важнейших проблем — это внедрение хозяйственного расчета. Хозяйственный расчет должен быть внедрен не только в артельное хозяйство в целом, но и в каждую бригаду. В решении этого вопроса инспекции могут оказать колхозам помощь как практического, а так же и теоретического характера. Прежде всего инспекции должны помочь наладить бухгалтерский учет в колхозах. Старые методы ведения бухгалтерского учета затрудняют точное определение себестоимости производимой продукции. А, как известно, при хозяйственном расчете самым важным является определение затрат на производимую продукцию. Инспекциям, очевидно, следует обратить внимание в своей работе и на этот важный вопрос. Они располагают высококвалифицированными работниками в лице инструкторов-бухгалтеров. Эти специалисты вполне могут оказать помощь в работе бухгалтерскому аппарату колхозов. Со счетными работниками в колхозах следует также проводить специальные семинары по вопросам экономики сельского хозяйства в целом и по вопросам улучшения счетного хозяйства в колхозах. Короче говоря, инспекции должны оказать действенную помощь в изменении бухгалтерского учета в колхозах.

В 1958 году в некоторых колхозах нашей страны появилась новая форма организации труда — механизированные звенья по выращиванию высоких урожаев зерновых культур. Эти звенья добились полной механизации всех видов работ, что привело к громадной экономии трудодней и рабочей силы. Так, например, тракторист Мануковский со своим напарником (Воронежская обл.) обработал двести гектаров кукурузы и получил на этой площади по 412 центнеров силосной массы кукурузы с

гектара. Для широкого внедрения этого метода в колхозное производство, инспекции должны широко внедрять опыт Мануковского и добиваться такого положения, чтобы механизированные звенья создавались в каждом колхозе.

Опыт работы районных инспекций по сельскому хозяйству, показывает, что по характеру своих полномочий они приобрели несколько своеобразные функции. В их работе все меньшее место занимают вопросы государственного администрирования. Во многом инспекция становится звеном ведающим консультационной работой. Специалисты работающие в инспекции не столько «приказывают», сколько советуют колхозам района, которые могут и самостоятельно решать ряд важных вопросов организации своего производства. Таким образом можно сделать вывод, что районные инспекции приобретают во многом значение органа экспертизы по вопросам ведения сельского хозяйства и обязаны рекомендовать колхозам лучшие формы работы по всем отраслям сельского хозяйства. Поэтому и вопросы комплектования состава районной инспекции специалистами должны решаться по иному, чем это было раньше. Инспекции нужны работники не для сбора сведений, а для авторитетных советов и руководства с глубоким знанием специфики дела.

В. П. ЕЖОВА

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ

XXI съезд КПСС наметил грандиозную программу развернутого строительства коммунизма. На базе развития промышленности и сельского хозяйства небывалого доселе уровня достигнет и социалистическая торговля. Увеличение производства товаров народного потребления, повышение доходов населения, требуют улучшения и развития торговли. Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли за семилетие увеличится примерно на 62%. Значительно расширится продажа населению пищевых продуктов, тканей, одежды, обуви. За семилетие намечено построить 90 тыс. магазинов и 64 тыс. предприятий обещественного питания [1]. В связи с быстрым ростом денежных доходов сельского населения товарооборот на селе будет развиваться более быстрыми темпами [2].

Связующим звеном между промышленностью и розничной торговлей является оптовая торговля. Основной функцией оптовой торговли является снабжение розничной торговой сети товарами, необходимыми для удовлетворения спроса населения. Для осуществления этой основной функции оптовая торговля организует завоз това-

[1] Из доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, материалы съезда, Госполитиздат, 1959 г. стр. 44.

[2] Контрольные цифры народного хозяйства СССР за 1959—1965 г.г., там же, стр. 237.

ров в области и районы страны, производит подсортировку товаров, формирует торговый ассортимент, хранит необходимые товарные запасы. От правильной организации оптовой торговли зависит развитие товарооборота между городом и деревней, областями и районами страны.

Оптовая торговля воздействует на промышленность с целью производства товаров требуемого потребителями ассортимента и качества и тем самым оказывает влияние на планирование производства.

Оптовая торговля всегда играла существенно важную роль в развитии социалистического хозяйства нашей страны. Процесс планомерного перемещения товарных масс из сферы производства в розничную сеть, организатором и участником которого выступает оптовая торговля, является неизменным условием расширенного социалистического воспроизводства, обеспечивающим его непрерывность.

Длительный период существования оптовой торговли в виде различных форм сбытовой деятельности промышленности был в 1953—1954 гг. завершен передачей оптовых функций Министерству торговли СССР. Опыт, накопленный с того времени, показал экономическую целесообразность этого мероприятия.

До средины 1953 г. оптовая торговля товарами народного потребления находилась в руках промышленных министерств и лишь частично — в системе Министерства торговли и в потребкооперации. Министерство торговли вело оптовую торговлю теми товарами, производство которых было распылено между большим количеством предприятий как союзного и республиканского подчинения, так и местной промышленности (галантерея, культтовары и др.). По этим товарам не было сбытовых организаций промышленности, и их функции взяла на себя торговая система.

Разрыв между розничными торговыми предприятиями и оптовыми торговыми организациями серьезно ухудшал состояние торговли в стране. Министерство торговли, не имея своих оптовых органов, ограничивалось только распределением фондов на товары для розничной торговли. Поэтому Министерство торговли не имело возможности конкретно руководить делом завоза товаров на места в розничную сеть, принимать оперативные меры к более

равномерному ее обеспечению товарами. Сбор информаций и жалоб, которым Министерство занималось, передача их в промышленность давали слишком незначительный эффект. Из-за узковедомственных интересов требования относительно улучшения качества, расширения и улучшения ассортимента товаров, предъявляемые розничной торговлей сбытовым органам промышленных министерств, не всегда доходили до промышленности и мало помогали делу улучшения качества и ассортимента товаров, так как сбытовые органы и промышленные предприятия были в одной системе. По той же причине сбытовые организации часто не выполняли и предварительных заказов торгующих организаций, что приводило к поступлению в торговую сеть товаров не в соответствии с заказами.

Искусственно оторванными от торговой системы оказались и инспекции по качеству, призванные осуществлять строгий контроль за качеством поступающих в торговую сеть продовольственных и промышленных товаров. Находясь в системе промышленности, эти инспекции не обеспечивали интересы органов розничной торговли, а тем самым и интересы потребителей.

Искусственно отделенными оказались не только организации оптовой торговли и инспекции по качеству, но и значительная сеть розничных специализированных магазинов по торговле текстилем, одеждой, обувью и другими товарами, находящихся в системе сбытовых органов промышленности (так называемые фирменные магазины). Это вело к тому, что, во-первых, Министерство торговли было лишено сети первоклассных показательных магазинов, могущих быть образцами для остальной торговой сети, а с другой стороны, такое положение создавало вредную конкуренцию между магазинами системы Министерства торговли и фирменными магазинами, так как последние, находясь в одной системе со сбытовыми организациями, разумеется, снабжались лучше в отношении и качества товаров и их ассортимента. Все эти недостатки требовали коренной перестройки в работе Министерства торговли, так как состояние советской торговли не отвечало требованиям современных условий.

Перестройка работы торговых органов началась с июня 1953 года, когда было признано необходимым сосредоточить оптовую торговлю продовольственными и про-

мышленными товарами народного потребления в системе Министерства торговли СССР. Министерство торговли СССР приняло от промышленных министерств 1859 баз, в том числе 614 промтоварных, 733 базы бакалейных товаров, 208 баз рыботоваров и 304 базы по торговле мясом и маслом.

Министерство торговли СССР создало на базе принимаемых сбытовых организаций главные управления и конторы оптовой торговли на хозрасчете, приняло меры к улучшению работы оптовых сбытовых организаций, имея в виду, прежде всего: расширение транзитных операций по отгрузке товаров непосредственно с предприятий в адреса торгующих организаций, обеспечение своевременного завоза товаров в области, края и республики в необходимых количествах и ассортименте, соответствующем спросу населения, создание на оптовых базах запасов товаров, необходимых для бесперебойного снабжения розничной торговой сети промышленными и продовольственными товарами и повышение роли и ответственности оптовых организаций в деле улучшения качества товаров и усиления борьбы с поставкой недоброкачественной продукции.

Осуществление оптовой и розничной торговли одним только министерством позволило улучшить планирование советской торговли, организовать систему изучения покупательского спроса, более эффективно воздействовать на промышленность в деле его удовлетворения. Единство руководства оптовой и розничной торговлей создало предпосылки для более равномерного и правильного обеспечения отдельных районов страны продовольственными и промышленными товарами.

Органы оптовой торговли были построены в масштабе всего Союза ССР с разделением на отрасли, соответствующие определенной номенклатуре товаров. Например, торговля текстильными товарами выделена в отдельную отрасль оптовой торговли, руководство ею осуществлял Главтекстильторг Министерства торговли СССР.

Приказом Министра внутренней и внешней торговли СССР от 5 июня 1953 года «Об организации оптовой торговли промышленными и продовольственными товарами в системе внутренней и внешней торговли

СССР» на базе принятых от промышленности сбытовых органов были созданы следующие главные управления на хозрасчете: Главтекстильторг, Главобувьторг, Главмясоторг, Главмаслоторг, Главрыбторг, Главсахаро-торг, Главторгвино, Главхолод, а также всесоюзные конторы оптовой торговли на хозрасчете: «Табакторг», «Солеторг» и «Парфюмерторг».

Свою деятельность Главные Управления осуществляли через сеть подведомственных им контор и баз. В непосредственном подчинении Главков Министерства торговли СССР имелись республиканские (в наиболее крупных республиках, например, в УССР), областные и межобластные конторы и крупнейшие оптовые базы. Республиканские конторы объединяли областные и межобластные конторы и базы республиканского значения.

В связи с перестройкой управления промышленностью и строительством, осуществленной на основе закона «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», принятого 10 мая 1957 года, коренной реорганизации подвергались и органы государственной торговли.

Переход от прежних форм управления промышленностью через отраслевые министерства к управлению по территориальному принципу привел к изменению связей главных управлений оптовой торговли с промышленностью. Связь с промышленностью стала осуществляться, прежде всего, через Советы Народного Хозяйства и непосредственно с предприятиями. Возросла роль и ответственность областных и краевых торговых оптовых баз, находящихся в экономических районах. В новых условиях они должны выступать подлинными организаторами оптовой торговли не только в данном экономическом районе, но и между экономическими районами.

Оптовые конторы и базы, местные торговые организации играют теперь решающую роль в размещении на промышленных предприятиях заказов на производство товаров народного потребления.

Централизованное согласование с промышленностью ассортимента товаров, поставляемых по заказам, и его размещение по предприятиям, сложный порядок обобщения потока бумаг в центре снижали роль и ответственность оптовых контор, баз, местных торговых организаций, не предоставляли им необходимой инициативы в

использовании производственных возможностей предприятий данной республики, края, области в целях увеличения производства необходимых товаров.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1958 года «Об упразднении союзно-республиканского Министерства торговли СССР» это министерство было ликвидировано; находившиеся в его ведении оптовые конторы, базы, склады, холодильники, ювелирные фабрики, а также предприятия розничной торговли на основании постановления Совета Министров СССР от 8 декабря 1958 года переданы в подчинение советов министров тех республик, на территории которых они находятся.

Обеспечение оптовой торговли продовольственными и промышленными товарами в республиках и межреспубликанских поставок этих товаров возложено на советы министров союзных республик. На советы министров союзных республик возложено также установление порядка работы предприятий торговли и общественного питания и осуществление контроля за качеством товаров, поставляемых в торговую сеть.

Планово-контрольные функции Министерства торговли СССР переданы Госплану СССР.

Для осуществления этих функций при Госплане СССР создано Главное Управление по межреспубликанским поставкам товаров народного потребления.

В связи с ликвидацией Министерства торговли СССР вся оптовая торговля на Украине передана в ведение республиканского Министерства торговли. Передача органов оптовой торговли в ведение союзных республик имеет принципиальное значение. Повысилась роль союзной республики в руководстве такой серьезной отраслью народного хозяйства как советская торговля. Руководя только розничными организациями и предприятиями, не имея оптового звена министерства торговли республик лишались возможности активно воздействовать на промышленность, добиваться непрерывного повышения качества, расширения и улучшения ассортимента товаров. Министерства торговли лишались возможности участвовать в разработке планов производства и потребления товаров. Сосредоточение в одном органе — Министерстве торговли республики — руководства всей торговлей и оптовой и розничной дает возможность ко-

ординировать и увязывать работу розничной торговли с работой оптовых организаций.

Приказом Министра торговли УССР от 21 января 1959 года созданы 8 республиканских контор по оптовой торговле: одеждой, текстильными товарами, обувью, галантереей, культтоварами, хозяйственными товарами, бакалеей, мясными и рыбными продуктами.

Украинская контора бывшего Главлесстройторга переименована в Укрлесстройторг. Организована республиканская контора Укрювелирторг, в которую входят Одесская, Харьковская и Львовская межобластные конторы с розничной сетью, а также Киевская, Одесская, Харьковская и Львовская ювелирные фабрики. Вновь образованному управлению Министерства торговли УССР — Укрторгоборудованию — подчинены Киевский и Харьковский заводы торгового машиностроения с их конструкторскими бюро, а также Киевский и Харьковский заводы торгового оборудования [1].

Эти конторы возглавляют системы государственных органов, осуществляющих оптовую торговлю товарами определенной номенклатуры (например, система Укробувьторг осуществляет оптовую торговлю обувью). Украинские конторы непосредственно объединяют областные и межобластные конторы и крупнейшие оптовые базы (например, контора Укрбакалея объединяет 8 областных и межобластных контор и 17 областных оптовых баз). В состав областных контор входят низовые звенья систем оптовой торговли — оптовые базы.

Таким образом, оптовые торговые предприятия управляются либо по 2-х звенной системе: база — республиканская контора, либо по 3-х звенной системе: база — областная (межобластная) контора — республиканская контора. Правовое положение каждого звена системы имеет свои особенности.

Правовое положение республиканских контор оптовой торговли определяется целью их деятельности. Республиканские конторы призваны организовать оптовую торговлю в республике, обеспечить межреспубликанские поставки товаров народного потребления, обеспечить за-

---

[1] Правовое положение промышленных предприятий и предприятий розничной торговли, подчиненных оптовым торговым организациям, в настоящей статье не излагается.

кладку государственных резервов, обеспечить бесперебойное снабжение розничной сети высококачественными товарами в широком ассортименте.

Республиканские конторы оптовой торговли являются самостоятельными хозяйственными организациями, подчиненными Министерству торговли республики. Республиканские конторы организуют товародвижение, создают сеть государственных органов оптовой торговли и осуществляют оперативное руководство ими. В целях выполнения возложенных задач, республиканские конторы осуществляют два рода функций: планово-регулирующего характера и оперативно-хозяйственные функции.

К функциям республиканских контор как органов планирования и организации оптового товарооборота относятся три группы полномочий.

Первую группу составляют полномочия республиканских контор по составлению проектов балансов и планов товарооборота и финансовых планов по своей системе, проектов планов перевозок товаров своей номенклатуры, осуществление контроля за выполнением утвержденных планов.

Вторую группу составляют полномочия по изучению и обобщению покупательского спроса, составлению сводных заказов и представлению их промышленности, участие в разработке промышленностью планов производства товаров своей номеклатуры, новых стандартов, оптовых и розничных цен.

К третьей группе относятся полномочия по распределению и перераспределению оборотных средств, прибылей и амортизационных отчислений между подчиненными организациями и предприятиями; полномочия по принятию оперативных мер по равномерному обеспечению планов поставки товаров торгующим орагнизациям и внерыночным потребителям.

На республиканские конторы возложена также задача по подбору, расстановке и воспитанию кадров. Сущность планово-регулирующих функций состоит в оперативном хозяйственном руководстве со стороны республиканских контор деятельностью областных (межобластных) контор и оптовых баз в целях наилучшего осуществления стоящих перед ними задач, в управлении частью государственной собственности, переданной данной конторе.

При осуществлении планово-регулирующих функций республиканские конторы выступают как хозяйствующие государственные органы, рационально организующие оптовую торговлю своими товарами.

Следует отметить, что в положениях о республиканских конторах оптовой торговли на управляющего конторой возлагается административная ответственность «за выполнение хозяйственного и финансового плана, соблюдение плановой, финансовой и договорной дисциплины, а также хозяйственное ведение дела и за целость и сохранность вверенного ему имущества» [1].

К хозяйственно-оперативным функциям относятся полномочия по:

1. Заключению генеральных и прямых договоров с покупателями и поставщиками товаров и руководству работой подчиненных организаций и предприятий по заключению локальных и прямых договоров с поставщиками и покупателями.

2. Организации материально-технического снабжения своей системы.

По положению, конторы сами участвуют в торговом процессе, заключая договора на получение и реализацию продукции своей номенклатуры.

В положениях о республиканских конторах не сформулировано, что они являются юридическими лицами. Однако, в функции контор входит «заключение договоров с поставщиками и покупателями на покупку и продажу товаров своей номенклатуры» [2].

Во всех положениях зафиксирована самостоятельная ответственность контор, ограниченная выделенным им имуществом: «По своим долгам и обязательствам контора отвечает в пределах выделенных ей оборотных средств и имущества»[3].

«Контора по своим обязательствам отвечает лишь тем своим имуществом, на которое по действующему законодательству может быть обращено взыскание»[4].

Таким образом, следует считать, что по положению

---

[1] Ст. 44 Положения об Укрбакалее, утв. 23/XI—54 г.

[2] Ст. 25. Положение об Укрбакалее.

[3] Ст. 3. Положения о Рособувьторге, утвержденного 19 июня 1957 г.

[4] Ст. 3. Положения о Росбакалее, утвержденного 18 октября 1957 г.

все республиканские конторы оптовой торговли являются юридическими лицами.

Управляющий республиканской конторой, согласно положению, осуществляет на основе единоначалия все права и обязанности, вытекающие из задач, возложенных на контору, распоряжается всеми средствами и имуществом конторы в пределах, установленных законом, и совершает от имени конторы все операции, входящие в круг его обязанности. В частности, управляющий республиканской конторой имеет право: совершать от имени республиканской конторы все денежные и кредитные операции в Госбанке и других кредитных учреждениях, заключать договоры, представительствовать от имени конторы во всех государственных, общественных и профсоюзных организациях, а также вести дела во всех судебных, арбитражных и административных организациях. Фактически же этих своих функций республиканские конторы не осуществляют. Выступления их в гражданском обороте крайне немногочисленны. Иначе говоря, права юридического лица, предоставленные республиканским конторам, фактически не используются. Республиканские конторы лишь иногда заключают генеральные договоры[1] и прямые разовые сделки по приобретению материально-технического оборудования для торговых предприятий своей системы. Кроме того, республиканские конторы способны к совершению ряда мелких сделок по хозяйственному обслуживанию себя как административного учреждения.

В целях внесения ясности в гражданский оборот следовало бы пересмотреть положения о республиканских конторах, исключить из них те функции, которые конторы фактически не осуществляют. Таким образом будет зафиксировано существующее положение республиканских контор как государственных органов, возглавляющих системы торговых предприятий и осуществляющих хозяйственное руководство ими по организации торгового оптового процесса.

Республиканские конторы фактически не осуществляют хозяйственно-оперативных функций, хотя по по-

[1] Следует иметь в виду, что генеральные договоры вследствие отсутствия каких-либо гражданско-правовых санкций являются не столько видом договора, сколько способом согласования планов.

ложению конторы действуют на основе хозяйственного расчета. «Контора действует на началах хозрасчета, имеет законченный самостоятельный баланс, объединяющий балансы подчиненных ей контор,баз и других предприятий»[1].

Аналогичные положения находим и в РСФСР: «контора действует на началах хозяйственного расчета, имеет законченный самостоятельный баланс, объединяющий балансы подчиненных ей организаций и предприятий...»[2].

«Республиканская контора находится на полном хозрасчете, имеет собственные оборотные средства, самостоятельный баланс, расчетный и другие счета в банках. Для осуществления своих торговых операций пользуется банковским кредитом. Содержание конторы и подчиненных ей торговых и выходных баз производится за счет утвержденных в установленном порядке отчислений»[3].

А. А. Пушкин высказал мысль о том, что хозрасчет Главного Управления оптовой торговли Министерства Торговли СССР как единой организации опосредствуется хозрасчетом его предприятий[4]. Это не совсем так. Хозрасчет **системы** оптовых органов **слагается** из хозрасчета его звеньев. При этом каждое звено имеет свои собственные основания для перевода его на хозяйственный расчет.

Хозрасчет республиканских контор по их положению должен оправдываться осуществлением оперативно-хозяйственных функций в полном объеме, предусматриваемом положением.

Однако, оперативно-хозяйственные функции, осуществлямые в форме гражданско-правовых сделок, фактически отпали. Таким образом перестала существовать та деятельность, которая основывается на хозяйственном расчете. Следует поэтому считать, что республиканские

---

[1] Статья 2 того же положения об Укрбакалее.

[2] Статья 2 Положения о Росбакалее, утвержденного приказом Министерства торговли СССР от 18/X—57 г.

[3] Ст. 3 Положения о Рособувьторге, утвержденного 19/IV—57 г.

[4] А. А. Пушкин, Правовое положение органов оптовой торговли, Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 7, 1956, стр. 72. В настоящее время Министерство торговли СССР ликвидировано. Организациями, возглавляющими систему оптовых органов, являются республиканские конторы, положение которых в рассматриваемом вопросе аналогично положению бывших Главных Управлений Министерства торговли СССР.

конторы оптовой торговли не являются хозрасчетными органами. Тот факт, что конторы не связаны с бюджетом и содержатся за счет отчисления подведомственных предприятий и организаций, не влияет на сделанный вывод. Выделение средств для покрытия административных расходов само по себе не означает перевод госоргана на хозрасчет, независимо от того, откуда выделяются средства: из бюджета или от подчиненных предприятий. Хозрасчет означает выделение средств для деятельности на началах самоокупаемости. Деятельность контор заключается в административно-правовом осуществлении планово-регулирующих функций, которое не связано с материальной заинтересованностью организации.

Из сказанного следует вывод: указание на хозрасчетную основу деятельности из положений о республиканских конторах должно быть исключено.

Тем не менее форма покрытия административно-управленческих расходов за счет отчислений от подведомственных предприятий вполне целесообразна.

Если бы конторы были на бюджетном финансировании, то эти расходы не включались бы в издержки обращения. При существующем положении административно-управленческие расходы всей системы включаются в издержки обращения, к максимальному снижению которых стремятся все предприятия. Поэтому содержание контор за счет отчислений от подведомственных предприятий создает стимул внутри самой системы к сокращению административно-управленческих расходов.

В подчинении республиканских контор оптовой торговли находятся областные и межобластные конторы. Областные и межобластные конторы различаются только тем, что областные действуют в пределах одной области, а межобластные охватывают своей деятельностью несколько областей. С точки зрения правового положения и осуществления функций различия между областными и межобластными конторами нет.

Областные конторы являются торгами в системе оптовой торговли.

Областные конторы в своем подчинении имеют предприятия оптовой торговли — хозрасчетные базы. В процессе осуществления руководства подчиненными базами областные конторы осуществляют полномочия, аналогичные полномочиям республиканских контор по админи-

стративно-хозяйственному руководству. На областные конторы возложено также составление проектов планов оптовой торговли по конторе в целом, осуществление контрольных функций за выполнением утвержденных торгово-финансовых планов складами и базами. Областные базы ведут основную работу по выявлению и обобщению потребительского спроса на товары своей номенклатуры.

Руководство хозрасчетными базами и другими предприятиями сочетается с осуществлением областными конторами непосредственного торгового процесса через свои склады, переведенные на внутренний хозрасчет.

После реорганизации управления промышленностью и строительством, ликвидации Министерства торговли СССР важнейшее значение имеют прямые договоры между промышленными предприятиями и оптовыми звеньями, в частности областными конторами.

В договорных отношениях с промышленными предприятиями и предприятиями розничной торговли областные конторы выступают как самостоятельные субъекты права. Предпосылками их самостоятельности являются:

1. Имущественная самостоятельность.

Все конторы действуют на основе полного хозяйственного расчета: «контора действует на началах хозяйственного расчета, имеет самостоятельный баланс, входящий в баланс Украинской республиканской конторы... и осуществляет свою деятельность в соответствии с плановыми заданиями Украинской республиканской конторы» — зафиксировано в положении о Харьковской конторе Укрбакалея [1]. Конторе выделено определенное имущество и оборотные средства, необходимые для выполнения планов товарооборота.

Причины перевода областных контор на хозрасчет заключаются в наличии у них планово-регулирующих функций (т. е. функций по хозяйственному руководству базами) и оперативно-хозяйственных функций (т. е. функций по непосредственному осуществлению торгового процесса).

2. Все конторы действуют на основании положений о них, утверждаемых республиканскими конторами.

[1] См. 2 Положения о Харьковской конторе, утвержденного в декабре 1954 г.

Следует однако отметить, что в положениях сформулирована самостоятельная правосубъектность контор, хотя и не сказано, что они являются юридическими лицами. Такой вывод можно сделать из следующего:

Во-первых, управляющему конторой предоставлено право заключать хозяйственные договоры **от имени конторы** [1], т. е. конторы самостоятельно выступают в гражданском обороте.

Во-вторых, в положениях устанавливается самостоятельная ответственность контор по своим обязательствам: «контора по своим обязательствам отвечает лишь тем своим имуществом, на которое по действующим законам можно обратить взыскание» [2].

Таким образом, областные конторы являются юридическими лицами.

Однако, в системе оптовых органов сохранился институт доверенности; управляющие областных контор получают доверенность от республиканских контор. В настоящее время такая доверенность практически не нужна. В самом деле: доверенность, например, выданная управляющим Украинской республиканской конторой Главбакалея управляющему Харьковской конторой Главбакалея уполномачивает последнего «совершать **от имени конторы»** ряд действий, в том числе «управлять и руководить деятельностью конторы». Это не доверенность в смысле ст. 264 ГК. Она свидетельствует только о том, что это лицо легитимируется в качестве управляющего.

До 1955 года доверенность была необходима для открытия расчетного счета в Госбанке. Согласно новой инструкции Госбанка Союза ССР № 15 расчетный счет предприятиям и организациям, в том числе торговым, открывается на основе справки о полномочиях, специально для этой цели выдаваемой.

Таким образом, доверенность потеряла всякое правовое значение. В целях более четкой организации договорных отношений следует отказаться от практики выдачи доверенности, а в положениях об областных конторах прямо указать, что они являются юридическими лицами.

---

[1] См. п. «В» ст. 38 Положения о Харьковской конторе Укрбакалея.

[2] Ст. 3. Положения о Луганской областной конторе Укрбакалея.

Предприятиями оптовой торговли, осуществляющими только оперативно-хозяйственную деятельность, являются оптовые базы.

В зависимости от особенностей выполняемых функций различаются выходные, торговые и торгово-выходные базы [1].

С точки зрения правового положения выходные, торговые и торгово-выходные базы различия не имеют, поэтому в дальнейшем речь будет итти о базе вообще, имея в виду то, что все сказанное применимо к любому виду базы.

Оптовая база — это низовое торговое предприятие оптовой торговли. На базу возложено непосредственное осуществление через свои склады [2] оптовой торговли товарами определенной номенклатуры. Базы обеспечивают своевременную поставку и планомерный завоз в районы деятельности товаров в необходимом количестве и в соответствующем спросу населения ассортименте. На складах баз создаются запасы товаров, необходимых для бесперебойного снабжения рыночных и внерыночных потребителей. Базы производят расфасовку отдельных товаров в соответствии с плановыми заданиями.

В целях выполнения поставленных задач оптовые базы производят заключение договоров с поставщиками и покупателями на покупку и продажу своих товаров, проводят закладку товаров в государственный резерв; организуют в районе деятельности базы склады по оптовой торговле и другие предприятия по фасовке товаров,

---

[1] Выходные базы располагаются в пунктах производства товаров, являются специализированными и направляют поступающие к ним товары торговым базам или непосредственно розничным торговым предприятиям.

Выходные базы организуют доставку товаров в магазины минуя склады торговой сети. Обеспечение торгового ассортимента и равномерность отгрузки — важнейшая задача выходных баз.

Торговые базы являются основным звеном в организации и осуществлении оптовой торговли. Они получают товары от выходных баз или непосредственно от изготовителей товаров и обеспечивают товарами городскую и сельскую сеть в районе своей деятельности.

Торгово-выходные базы организуют сбыт продукции промышленности своей распублики или области и осуществляют отгрузку той ее части, которая реализуется за этими пределами.

Подробнее об этом см. «Экономика Советской торговли» Учебное пособие М. 1958, раздел: «Оптовая торговля».

[2] Склады находятся на внутреннем хозрасчете.

проводят мероприятия по улучшению организации и техники оптовой торговли, по максимальному снижению издержек обращения на базе; изучают спрос потребителей и разрабатывают мероприятия по обеспечению спроса по количеству, качеству и ассортименту, путем составления и представления вышестоящей конторе заказов на товары для промышленности; участвуют совместно с местными органами Министерства торговли республики в разработке планов производства товаров своей номенклатуры предприятиями местной и кооперативной промышленности как для местного потребления, так и для вывоза.

Некоторое различие в правовом положении имеется между базами, подчиненными непосредственно республиканским конторами, и базами, входящими в состав областных контор. Первые являются автономными предприятиями оптовой торговли и действуют в соответствии с положением о торгах 1927 г. [1]. Управляющие автономными базами выступают от имени базы без доверенности, на основании положения о базе.

Базы, входящие в областные конторы, являются «трестированными» предприятиями оптовой торговли, которые Положением о торгах 1927 года не предусмотрены. Положение о торгах 1927 года в этой части серьезно устарело.

Деятельность оптовых баз построена на началах полного хозяйственного расчета. Базы имеют самостоятельный баланс. Основные фонды, имеющиеся у базы, находятся одновременно и на балансе вышестоящей конторы. Оборотными средствами, которыми базы наделяются на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 15 июля 1931 г., базы могут распоряжаться как «собственными» в пределах действующего законодательства в целях выполнения торгово-финансовых планов. Иначе говоря, оптовые базы являются экономически самостоятельными торговыми предприятиями и поэтому в смысле ст. 19 ГК РСФСР (ст. 19 ГК УССР) могут быть признаны юридическими лицами. Официальное название юридического лица имеют только некоторые базы, непосредственно подчиненные республиканским конторам—автономные базы. Большая часть баз, подчиненных областным конторам,

[1] СЗ 1927 г. № 49, ст. 502.

официально в положениях о них юридическим лицом не именуется. Тем не менее, следует считать, что и они официально признаны субъектами права. Это вытекает из тех же самых положений, предоставляющих право заведующему базой «на основании... положения и выдаваемой ему доверенности осуществлять на основе единоначалия все права и обязанности, вытекающие из задач, возложенных на базу, распоряжаться всеми средствами и имуществом базы в пределах, установленных законодательством и совершать **от имени базы** все операции, входящие в круг ее деятельности» [1]. В частности, заведующий базой имеет право руководить хозяйственной и финансовой деятельностью базы и ее складов, заключать всякого рода договоры, сделки и соглашения на покупку и продажу товаров своей номенклатуры, на строительство и аренду помещений, приобретение имущества и инвентаря в пределах утвержденных ассигнований и лимитов. Заведующий имеет право представительствовать от имени базы во всех государственных, общественных и профсоюзных организациях, а также вести дела во всех судебных, арбитражных и административных организациях [2].

Правоспособность базы как юридического лица ограничена двояко: во-первых, определенным кругом товаров, которые могут быть предметом торговых операций базы, во-вторых, определенной территорией, на которую распространяется сфера действия базы, иначе говоря,— база снабжает товарами рыночных и внерыночных потребителей, находящихся на этой территории.

---

[1] Заведующий базой снабжается доверенностью, выдаваемой вышестоящей конторой. Доверенности, выдаваемые заведующим базами, совершенно аналогичны доверенностям, которые получают управляющие областными конторами, поэтому все сказанное относительно доверенностей управляющим областными конторами справедливо и в данном случае применительно к доверенностям, получаемым заведующими базами. См. стр. 68.

[2] Взято из положения о Николаевской торговой базе Одесской конторы Укрбакалея, утвержденного 14/II—1955 г.

А. А. СЕРГИЕНКО.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ И ВИНЫ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН

Грандиозные задачи, намеченные историческим XXI съездом КПСС, требуют дальнейшего развития советского права и укрепления социалистической законности.

Развитие и совершенствование социалистической демократии, расширение прав общественных организаций, кодификация законодательства, усиление охраны прав и законных интересов граждан — вот тот путь, который характеризует в настоящее время укрепление социалистической законности.

В условиях развернутого строительства коммунизма правовые нормы, закрепляющие охрану здоровья граждан, естественно заслуживают особого внимания.

Трудно переоценить значение этих норм, правильность и стабильность их применения.

Правильное и стабильное применение правовых норм в судебной практике в значительной мере зависит от правильного разрешения ряда теоретических вопросов.

Прежде всего это относится к правовым нормам об охране здоровья граждан. Дело в том, что ряд условий, наличие которых необходимо для возложения гражданской ответственности за повреждение здоровья (причинная связь, вина, противоправность) являются теоретическими проблемами, а потому составляют предмет исследования не только судебной практики, но и науки права.

Данная работа и посвящается наиболее сложным, а потому наиболее важным как для науки гражданского права, так и для судебной практики вопросам, относящимся к обязательствам из причинения вреда, а именно: установлению причинной связи и вины при возложении ответственности за причинение вреда здоровью граждан.

* * *

Закон не дает определения понятия причинной связи и поэтому вопрос о том, какую причинную связь следует учитывать в праве, вызывает затруднения и требует тщательного исследования как в судебной практике, так и в теории права.

Одного общего положения о том, что ответственность в праве наступает при наличии причинной связи между поведением данного лица и вредоносным результатом, оказывается недостаточным. Необходимо выяснить характер причинной связи, дающей основания для возложения ответственности.

В теории гражданского и уголовного права было уделено большое внимание вопросу о причинности. Вместе с тем, нельзя не отметить, что во многих случаях мнения различных авторов о характере причинной связи, достаточной для возложения ответственности, были противоречивы и в ряде случаев дезориентировали судебную практику.

В свою очередь в судебной практике были предприняты неудачные попытки найти различные юридические критерии для установления характера причинной связи.

Вопрос о причинности в праве нельзя решить в отрыве от философского понятия причинности.

Ошибка многих юристов состоит в том, что они забывают это основное положение и увлекаются поисками специфических «юридических» критериев причинности в праве.

Но как справедливо писала редакция журнала «Вопросы философии»... «Вопрос о причинности исчерпывающе освещен в марксистской литературе и никакой «особой» причинности в... праве, разумеется, нет и быть не может» [1].

---

[1] «Вопросы философии» 1953 г., № 1, с. 97.

Конечно, нельзя забывать, что диалектический материализм изучает всеобщие законы развития природы и общества и в частности всеобщую объективную связь явлений в природе и в обществе, тогда как науку права и судебную практику интересует конкретная связь между поведением человека и наступившим вредоносным результатом. Но это соображение вовсе не означает, что наука права, суд не должны пользоваться общими положениями диалектического материализма. Наоборот, только исходя из общих положений диалектического материализма по вопросу о причинности, можно правильно решить вопрос о наличии или отсутствии причинной связи в данном конкретном случае.

Каковы же общие положения марксизма-ленинизма о причинности?

С точки зрения диалектического материализма взаимодействие в природе носит закономерный характер. Одной из сторон закономерности является причинность (каузальность), т. е. последовательность и обусловленность одних явлений другими. В отличие от идеалистов материалисты считают причинность объективной реальностью, существующей независимо от человеческого сознания.

«Каузальность, обычно нами понимаемая,— говорил В. И. Ленин,— есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективно реальной связи»[1].

Это общее положение имеет очень важное значение и для права, поскольку из него следует, что в понятие причинности нельзя вкладывать субъективное представление.

В окружающем нас мире то, что является причиной одного события, в то же время является следствием другого события. Причина и следствие постоянно меняются своими местами в силу их взаимодействия и существующей всеобщей связи явлений.

Отсюда следует, что для того:

«...чтобы понять отдельные явления мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированным образом, а в таком случае изменяющиеся

[1] В. И. Ленин «Философские тетради» 1947 г., с. 136.

движения являются перед нами — одно как причина, другое как следствие...» [1].

Значит, причина и следствие имеют значение только в применении к отдельному событию, или некоторому определенному ряду событий.

Это положение диалектического материализма полностью применимо и для права, поскольку право имеет дело с изолированными явлениями.

При рассмотрении конкретного дела суд устанавливает причину наступившего вредоносного результата, изолируя данное событие от других событий, не имеющих отношения к делу.

Для права особое значение приобретает анализ характера причинной связи, т. е. анализ взаимосвязи с точки зрения соотношения необходимости и случайности. В обязательствах из причинения вреда очень важно установить, необходимой или случайной является связь между действиями причинителя вреда и наступившим вредоносным результатом.

С точки зрения диалектического материализма необходимыми связями являются такие связи, которые с неизбежностью, обязательно вытекают из самой сущности вещей, из внутренней связи вещей, которые должны происходить так, а не иначе. Необходимые связи — это внутренние, устойчивые связи.

Случайные связи — это такие внешние, неустойчивые, привходящие, несущественные связи, которые не вытекают из внутренних отношений, которые могут возникнуть, а могут и не возникнуть, могут протекать и так, и по-другому [2].

В изолированном чередовании событий, исследуемых правом, всегда одни связи будут либо необходимы, либо случайны. Стало быть, для права имеет значение прежде всего то положение диалектического материализма, что необходимая связь является неизбежной, существенной, устойчивой связью, внутренне присущей данному явлению, тогда как случайная связь носит неустойчивый, привходящий, чисто внешний характер.

Нельзя не отметить, что на заре развития советской цивилистической мысли имели место попытки найти осо-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, с. 407—408.

[2] «Краткий философский словарь». Гос. Из-во политической литературы, 1954 г., Изд. 4-е, с. 397.

бые юридические критерии разграничения случайных и необходимых связей.

Подобные попытки предпринимали сторонники теории «необходимого условия» и теории «адэкватной причинности».

Советская правовая наука отвергла впоследствии эти теории ввиду их субъективизма [1].

Вместе с тем, в литературе советского уголовного права были предложены и иные юридические критерии разграничения причинных связей.

Так, А. А. Пионтковский полагал, что критерием для установления причинной связи, достаточной для возложения ответственности, является «реальная возможность» наступления вредоносного результата [2].

Т. В. Церетели предложила для этой же цели критерий «реальной возможности вмешательства», суть которого состоит в том, что причинная связь может быть признана достаточной для возложения ответственности только тогда, когда без данного действия вредоносный результат не имел бы места, если при этом в момент совершения поступка... «лицо имело реальную возможность вмешаться в объективный ход событий и своим вмешательством оказать воздействие на этот ход событий» [3].

Однако и эти юридические критерии были подвергнуты справедливой критике.

На непригодность критерия «реальной возможности» обратила внимание Т. В. Церетели, правильно указывая, что позиция А. А. Пионтковского в данном вопросе основывается на неверном отождествлении необходимости и закономерности. Положение А. А. Пионтковского о разграничении причинных связей при помощи категории

[1] Критику различных направлений в теории «адэкватной причинности» и теории «необходимого условия» см. у Б. С. Антимонова «Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении». М., 1950 г., с. 158—165, а также в его работе «К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве» — Труды научной сессии ВИЮН 1—6 июля 1946 г., М., 1948 г., с. 66—71. Решительно отвергая теорию «адэкватной причинности», Б. С. Антимонов справедливо называет ее «вдвойне субъективистской», поскольку субъективный момент в ней служит и для выявления «необходимого условия» и для выделения из круга условий «адэкватной» причины.

[2] «Уголовное право» общая часть, учебник для юридических вузов, 1948 г., 4-е изд., ст. 304.

[3] Т. В. Церетели «Причинная связь в уголовном праве» М., 1949 г., с. 7.

действительного и возможного было воспринято (хотя в несколько ином плане) и в цивилистической литературе, но как это будет показано ниже, категории действительного и возможного не могут служить цели установления характера причинной связи.

Что касается критерия «реальной возможности вмешательства», то обстоятельная критика этого понятия была дана Т. Л. Сергеевой, отметившей, в частности, что основанием введения указанного критерия послужило смешение необходимости и фатальности [1].

Наряду с указанными теориями, выдвинутыми в советской правовой науке, стремление найти критерии для установления наличия или отсутствия причинной связи появляется и в судебной практике.

Для этой цели в судебной практике были применены такие критерии, как «решающая» причина, «непосредственная» или «определяющая» причина, «первоначальная» причина и т. д.

Так, Верховный суд РСФСР по делу № 2178 (1924 г.) в своем определении указал на то, что «...достаточно установления непосредственной причинной связи между действием или бездействием ответственного лица или предприятия и последовавшим ущербом» [2].

По делу же № 3542 Верховным Судом РСФСР в определении было указано, что поведение потерпевшего, висевшего на прицепе во время движения поезда, было «...первоначальной причиной, создавшей условия, при которых личное поведение потерпевшего является непосредственной причиной следствия, т. е. причинения вреда» [3].

Однако и эти критерии практически оказались непригодными.

Нельзя говорить о «решающей причине» или «определяющей причине» поскольку из множества причин, которые приводят к вредоносным результатам, невозможно выделить эту одну «решающую» или «определяющую» причину.

---

[1] Т. Л. Сергеева «Вопросы причинной связи в судебной практике по уголовным делам Верховного Суда СССР» — «Советское государство и право», 1950 г., № 3, с. 30, 31.

[2] «Еженедельник советской юстиции», 1924 г., № 15, с. 360.

[3] «Судебная практика РСФСР» 1927 г., № 11, ст. 14.

Что касается понятия «первоначальной» причины, то оно еще более неприемлемо. Не всякое действие, предшествовавшее событиям, которые привели к вреду, является причиной вреда. Достаточно для этого вспомнить порочную теорию «необходимого условия».

Нельзя считать правильной ссылку и на «непосредственную» причину, так как не всякое последнее перед наступлением вреда событие или действие является действительной причиной вреда. Может оказаться так, что это последнее событие (действие) не имело существенного влияния на наступление вреда, который в действительности возник в результате ранее следовавших событий.

Мисаилов обратился в суд с иском к Крестоцкому лесопромхозу о возмещении ущерба, причиненного увечьем, ссылаясь на то, что 24 декабря 1950 г. при погрузке дров на паровоз он получил ушиб бедра поленом, в результате чего на месте удара образовалась опухоль и пришлось ампутировать ногу. Верховный суд СССР, отменив состоявшееся решение об удовлетворении иска, указал на необходимость проверки заявления ответчика о том, что Мисаилов и до ушиба ноги являлся инвалидом II группы, неоднократно освобождался от работы по болезни ноги и что последовавшее обострение болезни и ампутация ноги явились естественным продолжением болезни [1].

Таким образом, ушиб поленом (последнее событие) могло не иметь никакого влияния на ампутацию ноги у Мисаилова.

Вот почему указанные выше понятия и разграничения причинных связей на «непосредственную», «решающую», «первоначальную» причину не получили дальнейшего распространения в судебной практике и затем были отвергнуты ею, как и советской правовой наукой [2].

---

[1] «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1953 г., № 1, с. 40.

[2] Невозможно согласиться с Е. А. Флейшиц, что в 1955 г. Верховный Суд СССР возродил концепцию «единственной причины» вреда. (см. Е. А. Флейшиц «Возмещение имущественного вреда, соединенного с повреждением здоровья» — «Научный комментарий судебной практики за 1955 г.» ВИЮН, М. 1957 г., с. 46.)

К этому выводу автор приходит, анализируя определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по делу Потапова.

Основанием для такого вывода явилась ссылка в этом определении на то, что ...«в деле нет доказательств, что указанные выше

В начале сороковых годов в уголовном, а затем и в гражданском праве утверждается теория разграничения причинных связей на причинно-необходимые и причинно-случайные.

Какая же связь признается причинно-необходимой в праве?

Советские юристы исходят из общефилософского понятия необходимости, подчеркивая при этом специфические особенности необходимой связи.

Так Л. А. Лунц пишет, что... «Один факт находится в причинно-необходимой связи с другим фактом, если практически на опыте доказано, что факты первого рода влекут за собой результаты того же рода, к которому относится второй факт» [1].

Г. К. Матвеев подчеркивает такие особенности необходимой связи, как устойчивый характер, обязательность [2].

Эти определения необходимой связи хорошо дополняют друг друга.

Вряд ли можно ограничиться указанием только на такую особенность, как устойчивый характер связи.

Безусловно, основной специфической особенностью необходимой связи является ее неизбежность, обязательность, но к этой особенности следует присоединить также устойчивый и существенный характер связи.

Если вредоносный результат (увечье) был обусловлен действиями причинителя вреда, причем вред не мог не возникнуть из данных действий и являлся внутренне за-

---

обстоятельства (отсутствие приточной вентиляции — А. С.)... явились причиной заболевания истца, которое связано с рядом причин».

Однако из этого отнюдь не следует, что Верховный Суд возложение ответственности за профессиональное заболевание ставит в зависимость от «единственной» причины (отсутствие приточной вентиляции). Подобный вывод преждевременный, поскольку ниже в этом же определении указано, что... «данное заболевание связано и с целым рядом других причин, **устранение которых не зависело от администрации завода»** («Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г. № 2, с. 32).

Таким образом, основанием для отказа в иске Потапова послужило не отсутствие причинной связи, а отсутствие вины администрации в неустранении ряда причин, вызвавших заболевание.

[1] Л. А. Лунц и И. Б. Новицкий «Общее учение об обязательстве». Госюриздат М. 1950 г., с. 308.

[2] Г. К. Матвеев «Вина в советском гражданском праве» изд. КГУ, 1955 г. с. 61.

кономерным для этих действий, то налицо причинно-необходимая связь между действиями причинителя и наступившим вредом.

Несмотря на большое значение и явную целесообразность разграничения причинных связей в праве на необходимые и случайные, отдельные авторы возражают против такого разграничения и в настоящее время.

Так, в литературе по уголовному праву В. Н. Кудрявцевым было высказано мнение о том, что разграничение причинных связей на необходимые и случайные ничего не дает для решения вопроса об ответственности. Это положение В. Н. Кудрявцев обосновывает тем, что:

...«в определенной конкретной обстановке субъект вполне может в ряде случаев предвидеть вероятность наступления не только объективно необходимых, но и объективно случайных последствий своих действий» [1].

Вводя, таким образом, субъективный элемент в понятие причинности, В. Н. Кудрявцев считает, что в уголовном праве ответственность наступает только за вину, вне зависимости от решения вопроса о характере причинной связи.

Возражения криминалистов против деления причинных связей на необходимо-причинные и случайно-причинные обусловливается неверным представлением ими соотношения необходимого и случайного.

Как только мы берем изолированные явления, вырванные из всеобщей взаимосвязи и рассматриваемые в статике, а не динамике, то необходимое и случайное уже не могут меняться местами.

Это соображение как раз и упускается из виду.

В литературе по гражданскому праву против деления причинной связи на необходимую и случайную выступил О. С. Иоффе.

Критикуя теорию деления причинной связи на необходимую и случайную, О. С. Иоффе полагает, что основной причиной неуспеха этой теории является то обстоятельство, что:

«...Необходимость есть закономерность, внутренний закон развития данного явления, между тем как противо-

---

[1] В. Н. Кудрявцев «К вопросу о причинной связи в уголовном праве» — «Советское государство и право» 1959 г., № 1, с. 44.

правное поведение обычно не включается в закономерную часть общей системы взаимодействия»[1].

Однако с такой критикой теории необходимой и случайной причинной связи вряд ли можно согласиться. Утверждение О. С. Иоффе о том, что всякая необходимость закономерна, является ошибочным.

Хотя всякая закономерность необходима, не всякая необходимость закономерна. Закономерность — это не просто необходимая связь а в с е о б щ а я, повторяющаяся необходимая связь[2].

Отождествление необходимого с закономерным привело бы к отождествлению конкретных взаимоотношений единичных явлений со всеобщими связями.

Такое отождествление совершенно немыслимо в правовой сфере, ибо исследованию в праве подвергается не всеобщая взаимосвязь явлений природы и общества, а лишь изолированная частичка взаимосвязи.

Какое же решение предлагает О. С. Иоффе в вопросе причинности? Автор полагает, что применительно к праву следует исходить не из понятий необходимого и случайного, а из понятий действительного и возможного:

«Причинная связь между поведением человека и наступившим результатом приобретает правовое значение лишь при том условии, что это поведение вызвало действительность результата или, по крайней мере, создало конкретную возможность его наступления»[3].

Для того, чтобы определить, какое событие или действие является причиной наступившего результата (т. е. по О. С. Иоффе — вызвало действительность результата, либо создало конкретную возможность его наступления), автор предлагает пользоваться дополнительным критерием «объективно повторяющихся обстоятельств».

Всю свою конструкцию О. С. Иоффе иллюстрирует следующим примером из арбитражной практики в области обязательств из причинения вреда имуществу.

Лендормост использовал катки и тяжелые вибрацион-

---

[1] О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву», изд. ЛГУ, 1955 г., с. 223.

[2] Ф. Энгельс «Диалектика природы», Госполитиздат 1955 г., с. 186. В. И. Ленин «Философские тетради». 1947 г., с. 127—128.

[3] О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву», 1955 г., с. 233.

ные машины для асфальтирования улицы Воинова в г. Ленинграде, вследствие чего лопнули водопроводные трубы и вода затопила два магазина Пищеторга. Как затем было установлено, Ленгазсетьстрой, производивший до этого укладку газовых труб на этом участке, уменьшил по сравнению с требованиями технического проекта зазор между газовыми и водопроводными трубами (вместо 30 см. до 3 см.). Арбитраж возложил всю материальную ответственность на Ленгазсетьстрой.

Решение арбитража по мнению О. С. Иоффе правильно, так как Ленгазсетьстрой, нарушив технический проект, создал возможность вредоносного результата. Лендормост превратил эту возможность в действительность. Однако, несмотря на то, что Лендормост, а не Ленгазсетьстрой, вызвал действительность результата, последний создал конкретную возможность наступления этого результата, а не абстрактную возможность, чем и обусловил причинную связь «такой напряженности», которая достаточна для возложения ответственности. Эта конкретная возможность была создана потому, что появление на поверхности дороги движущихся предметов, оказывающих давление на подземные сооружения, относится к числу обстоятельств, «объективно повторяющихся при данной конкретной ситуации».

Нужно отметить, что О. С. Иоффе не разъясняет, всегда ли следует применять дополнительный объективный критерий «повторяющихся обстоятельств», обязателен ли этот критерий для установления характера возможности. А ведь это играет немаловажную роль во всей конструкции автора.

Если дополнительный критерий применим не всегда, то нужно указать, в каких же случаях он применим, а в каких не применим. Но, если в некоторых случаях дополнительный критерий не применим, то нужно указать, каким же образом тогда определяется «конкретная возможность»? При помощи каких других дополнительных критериев?

Если этих других критериев нет, то каким же образом можно определить, что абстрактная возможность превратилась в конкретную? Очевидно, что таким критерием в последнем случае будет являться только субъективная оценка лица, устанавливающего наличие причинной связи. Но тогда где же объективный критерий, единственно

приемлемый для определения наличия или отсутствия причинной связи?

Из положений О. С. Иоффе неясно также, кто должен нести ответственность: лицо, которое создало конкретную возможность наступления вреда, или лицо, которое превратило эту возможность в действительность?

Выяснение этого вопроса требует обращения к категориям необходимого и случайного, поскольку только с помощью этих категорий можно определить характер связи между действиями лица, создавшего конкретную возможность (или превратившего эту возможность в действительность) и наступившим вредом.

Ведь конкретная возможность может быть превращена в действительность также в результате случайности; с другой стороны поведение лица, превращающее конкретную возможность в действительность, тоже может находиться в случайной связи с возникшим вредом.

Ввиду этого для суда важно установить не наличие конкретной возможности наступления вреда или факт превращения конкретной возможности в действительность, а характер причинной связи.

Но характера причинной связи как раз и невозможно установить при помощи категорий действительного и возможного.

Прав В. Т. Смирнов, когда он, критикуя позицию О. С. Иоффе по данному вопросу, указывает, что категории действительного и возможного дают основание лишь для установления самого факта наличия причинной связи, но не для выяснения характера этой связи [1].

Таким образом, следует признать неудавшейся попытку найти иное решение вопроса о причинности в праве.

Задача юристов должна заключаться не в изыскании и введении юридических критериев, служащих определению характера причинной связи, а в правильном применении общих положений диалектического материализма о разграничении причинных связей на причинно-необходимые и причинно-случайные.

---

[1] В. Т. Смирнов «Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья или смерти работникам», Госюриздат, М., 1957 г., с. 41.

Устанавливая ответственность за повреждение здоровья в соответствии со ст. 413 ГК, суду приходится определять наличие причинной связи не только между поведением лица — причинителя вреда — и наступившим вредом, но также наличие иных причинных связей.

Установление причинной связи в свою очередь имеет особенности в зависимости от того, причинен ли вред действием «источника повышенной опасности» или обычной деятельностью.

А) В тех случаях, когда вред здоровью причинен обычной деятельностью, суд, устанавливая ответственность, должен выяснить вопрос о причинной связи не только между поведением причинителя вреда и наступившим ущербом, но и определить наличие промежуточных причинных связей.

Дело в том, что при стойкой утрате трудоспособности, к чему обычно сводится повреждение здоровья, работник может потерять свой заработок, возмещение которого за счет виновного причинителя и составляет задачу суда.

Но утрата заработка (либо его части) может зависеть не только от утраты трудоспособности, но и от других обстоятельств. Кроме того, утрата трудоспособности может произойти не в результате данной травмы или не только в результате данной травмы.

Поэтому для суда первостепенное значение приобретает вопрос о том, в какой мере утрата заработка потерпевшим связана с поведением причинителя вреда. Для того, чтобы установить это, суду во многих случаях приходится выяснять наличие целого ряда промежуточных звеньев причинных связей:

1) Между поведением причинителя вреда и несчастным случаем.

2) Между несчастным случаем и утратой трудоспособности потерпевшим.

3) Между утратой трудоспособности потерпевшим и потерей им заработка.

Все эти промежуточные причинные связи должны носить причинно-необходимый, а не причинно-случайный характер. В случае отсутствия любой промежуточной причинной связи, ответственность за вред возникнуть не может.

Как показывает анализ судебной практики, ошибки судов при возложении ответственности во многих случаях и обусловлены тем, что не выясняются все промежуточные причинные связи.

Так, решением народного суда 2 уч. Орджоникидзевского района г. Харькова был удовлетворен иск Дмитриевой в связи с травмой на производстве и утратой 100% профессиональной трудоспособности.

Однако областной суд отменил это решение, указав на то, что после травмы 19 сентября 1957 г. (ушиба головы) истица находилась в больнице всего два дня и выписана в хорошем состоянии. Из истории же болезни истицы видно, что до травмы она болела энцефалитом, а от клинического исследования состояния центральной нервной системы отказалась. Поскольку история болезни Дмитриевой не была предметом рассмотрения судебно-медицинской экспертизы, областной суд пришел к выводу, что народным судом в достаточной степени не исследован вопрос о наличии причинной связи между несчастным случаем и утратой трудоспособности у потерпевшей [1].

Особенную сложность для судебной практики представляют такие случаи, когда утрата трудоспособности вызывается наряду с травмой рядом «сопутствующих причин», т. е. другими заболеваниями или другой травмой. В таких случаях очень важно выяснить характер этой «сопутствующей причины» и определить ее влияние на утрату трудоспособности. Конечно, в данном вопросе значительную помощь суду оказывает заключение врачебной экспертизы, однако это вовсе не снимает с суда обязанность оценки указанного заключения. Иногда же оказывается, что врачебная экспертиза не может определенно решить вопрос о том влиянии, какое оказала (и в какой степени) та или иная «сопутствующая причина» на утрату трудоспособности.

Тогда суду приходится самому принимать соответствующее решение о возложении ответственности, либо об отказе в иске.

Причины, «сопутствующие» утрате трудоспособности могут быть различного рода:

---

[1] Определение Харьковского областного суда по делу № 218 5/58 г. по иску Дмитриевой к Харьковскому Тракторному заводу.

1) Ведущие к утрате трудоспособности вне зависимости от наступления данной травмы.

2) Увеличивающие степень утраты трудоспособности, но и при отсутствии которых данная травма ведет к утрате трудоспособности.

3) Увеличивающие степень утраты трудоспособности, но при отсутствии которых данная травма возможно не привела бы к утрате трудоспособности.

При «сопутствующих» причинах указанных трех родов следует выяснять две линии причинных связей:

а) между этими «сопутствующими» причинами и утратой трудоспособности:

б) между травмой и утратой трудоспособности.

При «сопутствующих» причинах первого рода отсутствует вовсе (даже случайная) причинная связь между травмой и утратой трудоспособности.

В то же время между «сопутствующей» причиной и утратой трудоспособности имеется причинно-необходимая связь.

Естественно, что в такого рода случаях ответственность не должна наступать, ввиду отсутствия причинной связи между травмой и утратой трудоспособности, если, конечно, «сопутствующие» причины не обусловлены виновным поведением причинителя вреда.

При «сопутствующих» причинах второго рода между травмой и утратой трудоспособности существует причинно-необходимая связь, а между «сопутствующими» причинами и утратой трудоспособности либо вовсе отсутствует причинная связь, либо имеется причинно-случайная связь.

Поэтому в данных случаях должна наступать ответственность в полном объеме ущерба.

При «сопутствующих» причинах третьего рода утрата трудоспособности обусловлена в равной мере как «сопутствующими» причинами, так и данной травмой. Выяснить раздельно характер причинной связи между травмой и утратой трудоспособности, а также между «сопутствующими» причинами и утратой трудоспособности невозможно. Вероятно, что между травмой и утратой трудоспособности существует причинно-случайная связь, а между «сопутствующими» причинам и утратой трудоспособности причинно-необходимая связь. Но с такой же степенью вероятности возможно, что между травмой и

утратой трудоспособности существует причинно-необходимая связь, а между «сопутствующими» причинами и утратой трудоспособности — причинно-случайная связь.

В подобных случаях, как мы полагаем, должна наступать ответственность, если даже «сопутствующие» причины и не обусловлены виновным поведением причинителя вреда.

Основанием установления ответственности при «сопутствующих» причинах третьего рода должен служить принцип «наибольшего благоприятствования», проводимый по отношению к потерпевшему в обязательствах из причинения вреда (презумпция виновности причинителя вреда, презумпция возможности выполнения потерпевшим лишь неквалифицированного труда, если полностью утрачена профессиональная трудоспособность и т. д.).

Поэтому, если возможны с одинаковой степенью вероятности два суждения, согласно которым травма сама по себе могла с неизбежностью привести к утрате трудоспособности или возможно могла привести к этой утрате, то следует полагать, что данная травма привела к утрате трудоспособности.

Иной вывод был бы несправедливым по отношению к потерпевшему.

Что касается объема ответственности при «сопутствующих» причинах третьего рода, то как и при «сопутствующих» причинах второго рода, его уменьшение не должно быть допущено по мотивам наличия этих «сопутствующих» причин.

На это обстоятельство совершенно справедливо указал Верховный Суд СССР еще в 1940 г. по известному делу Гаврилова, признав неправильным уменьшение судами размера возмещения наполовину только на том основании, что до травмы Гаврилов имел ряд общих заболеваний [1].

Вопрос о причинении вреда здоровью бездействием (но не владельцем «источника повышенной опасности»)

---

[1] Определение Верховного Суда СССР по делу № 286 — «Сборник Постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного Суда СССР за 1940 г.». М. 1941 г., с. 230.

следует решать таким же образом, как и вопрос о причинении вреда действием [1].

Б) В тех случаях, когда вред здоровью причинен действием «источника повышенной опасности», установление причинной связи имеет и другие особенности.

Прежде всего расширяется круг промежуточных причинных связей. Суду приходится устанавливать не только причинную связь между действием «источника повышенной опасности» и вредом, но и между поведением владельца «источника повышенной опасности» и наступившей утратой трудоспособности, поскольку в силу ст. 404 ГК и ст. 413 ГК ответственность возлагается на виновного владельца «источника повышенной опасности».

Отыскание причинной связи между виновным поведением администрации-владельца «источника повышенной опасности» и утратой трудоспособности потерпевшим немыслимо без представления о том, что понимается под «виной администрации». Вина директора или коллегиального органа юридического лица, или рядовых работников данного юридического лица?

В зависимости от решения этого вопроса решается и вопрос о том, поведение каких лиц должно быть учтено при установлении причинной связи.

Понимая под виной администрации также вину рабочих и служащих данного юридического лица, о чем речь будет итти ниже, мы в то же время должны отметить, что не всегда можно ограничиться установлением причинной связи между поведением конкретного причинителя (рабочего или служащего) и утратой трудоспособности.

Бригадир котельного цеха Волошин при осмотре котла получил травму в связи с тем, что рабочий Шарупа неправильно (в обратную сторону) включил пневматическую машинку при сверлении отверстий в котле и труба, (служившая упором во время сверления) ударила Волошина по голове.

Установив причинную связь между поведением рабочего Шарупа и травмой истца, народный суд, разбирав-

[1] За недостатком места мы не останавливаемся на спорной проблеме «каузальности бездействия» в целом. Правильной позиции в данном вопросе придерживаются в уголовном праве А. А. Пионтковский, а в гражданском праве — О. С. Иоффе, работы которых уже цитировались нами выше.

ший дело по иску потерпевшего к заводу, не ограничился только установлением данной причинной связи. Суд отметил, что в причинении травмы Волошину имеется вина администрации, ибо начальник цеха не обеспечил безопасности работ с пневматическими машинками, которые не были снабжены специальными приспособлениями, а поэтому рабочие вынуждены были надевать на одну из рукояток этой машинки кусок трубы [1].

Таким образом, суд устанавливал не только причинную связь между поведением (действием) рабочего Шарупа и травмой, но и между поведением (бездействием) представителя администрации и травмой, причиненной Волошину.

Анализ судебной практики показывает, что в аналогичных случаях цепочка причинных связей бывает тем длиннее, чем выше по своему должностному положению данное конкретное виновное должностное лицо.

В таких случаях особенно важно выяснить характер причинных связей, достаточных для возложения ответственности.

Если вред (травма) причинен действием конкретного работника, то между действием этого работника и вредом должна иметься причинно-необходимая связь. Если данный конкретный работник к тому же виновен, то есть все основания для возложения ответственности.

Когда же указанный работник оказывается невиновным, тогда необходимо исследовать причинную связь между бездействием администрации и наступившим вредом, как и в приведенном деле Волошина. Причинная связь при бездействии не обязательно может носить причинно-необходимый характер, но может быть и причинно-случайной, однако это, как мы полагаем, не должно влиять на решение вопроса об ответственности по ст. 413 ГК администрации — владельца «источника повышенной опасности».

Невозможно согласиться с соображением В. Т. Смирнова о том, что при возложении такой ответственности

---

[1] Решение народного суда 4 уч. Ленинского района г. Харькова по делу № 2—6/58 г. по иску Волошина к Харьковскому Электромеханическому заводу.

требуется установление лишь причинно-необходимой связи между бездействием администрации и вредом [1].

Судебная практика, в том числе судебная практика Верховного Суда СССР, отвергает это мнение.

Е. А. Флейшиц правильно обратила внимание на то, что еще в 1929 г. Верховный Суд РСФСР, а затем и Верховный Суд СССР, возлагали ответственность на предприятия за повреждения здоровья, возникавшие в связи с тем, что рабочие не надевали очки, а администрация не следила за этим, что рабочие не были проинструктированы перед допуском к работе, что к работе допускались лица, которым по состоянию здоровья данная работа была противопоказана и т. д. [2].

В настоящее время судебная практика Верховного Суда СССР и других судов также идет по линии широкого толкования вины администрации, что безусловно является правильным.

Но в этом и подобных случаях вряд ли можно говорить о том, что для возложения ответственности требуется только причинно-необходимая связь между бездействием администрации и вредом.

Очевидно, что отсутствие трудовой дисциплины — это фактор, который мог привести, а мог и не привести к несчастному случаю. Но тогда ясно, что между бездействием администрации и вредом имеется лишь причинно-случайная связь.

Анализ судебной практики показывает, что во многих случаях производственный травматизм вызывается именно бездействием, а не действием администрации, причем не всегда это бездействие ведет с неизбежностью к наступлению несчастного случая, последний зачастую выступает лишь как случайное следствие такого бездействия.

Предложение В. Т. Смирнова об установлении ответственности только при наличии причинно-необходимой связи между бездействием администрации и вредом существенно нарушало бы интересы лиц, потерпевших увечье. На это пойти нельзя.

Другое дело, что иногда бездействие администрации может находиться и в причинно-необходимой связи с на-

[1] В. Т. Смирнов названная работа, с. 50.

[2] Е. А. Флейшиц, «Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья» — Ученые записки ВИЮН вып. I, 1955 г., с. 16.

ступившим вредом. Это обстоятельство может явиться следствием различного характера тех факторов, которые обусловили наступление вреда.

Стронов предъявил иск к заводу малоагрегатных станков г. Харькова в связи с тем, что во время опускания груза сорвался трос и упавшая деталь повредила ему руку.

Иск был удовлетворен судебными органами со ссылкой на то, что причиной несчастного случая являлась неисправность лебедки, которая не имела на барабане ограничителя для предотвращения сползания троса [1].

Очевидно, что устранение неисправности лебедки предотвратило бы с неизбежностью наступление вредоносного результата, а поэтому в таком и аналогичных случаях имеется причинно-необходимая связь между бездействием администрации и вредом.

Сказанное о характере причинных связей, достаточных для возложения ответственности при бездействии администрации, относится только к поведению администрации — владельца «источника повышенной опасности».

Что касается причинной связи между действием «источника повышенной опасности» и вредом, то здесь следует, во-первых, говорить лишь о действии (бездействующий «источник повышенной опасности» вреда причинить не может), а во-вторых, для возложения ответственности на его владельца должна быть установлена только причинно-необходимая связь между действием этого «источника повышенной опасности» и вредом [2].

Таким образом, деление причинных связей на необходимые и случайные имеет исключительное значение для решения вопроса о возложении ответственности за повреждение здоровья.

Поэтому нельзя согласиться как с мнением тех авторов, которые полагают, что причинно-случайная связь безразлична для права [3], так и с мнением тех авторов,

---

[1] Определение Харьковского областного суда по делу № 2858—58 г.

[2] Мы не касаемся специального случая ответственности по ст. 78 Воздушного кодекса СССР, когда такая ответственность наступает и при причинно-случайной связи между действием «источника повышенной опасности» и вредом.

[3] Л. А. Лунц, цитированная работа, с. 308; А. К. Сергун — «Обязательства, возникающие вследствие повреждения здоровья или причинения смерти», автореферат кандидатской диссертации, МЮИ, 1952 г. с. 3—4; В. Т. Смирнов, указанная работа, с. 50.

которые считают, что ответственность всегда наступает за всякое, в том числе и причинно-случайное причинение [1].

* * *

В связи с тем, что вина, наряду с наличием причинной связи, является, как правило, обязательным условием всех видов правовой ответственности, в праве существует общее понятие вины как психического отношения правонарушителя к своему противоправному поведению и его результату в форме умысла или неосторожности.

Психическое отношение лица к своему поведению невозможно представить без участия воли и сознания человека, как двух сторон единого психического процесса.

Поэтому обоснование ответственности за вину следует искать в обусловленности поведения данного лица его волей и сознанием.

В работе «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс подчеркивает, что нельзя рассуждать о праве, морали, не касаясь вопроса о свободе воли [2].

Свобода воли лица, нарушающего правопорядок, является одной из предпосылок, без которых не может стоять вопрос о его виновности.

Но свободу воли можно понимать по-разному, в зависимости от того, какое содержание вкладывать в понятие свободы.

Философы материалисты под свободой понимают власть, господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид; философы же идеалисты под свободой разумеют самоопределение, избавление от действительного мира, мнимую свободу духа.

Исходя из идеалистического представления о свободе, буржуазные философы не могли правильно разрешить вопрос о соотношении свободы воли и необходимости, вопроса, имеющего решающее значение для обоснования ответственности за вину.

Что же такое свобода с точки зрения марксизма-ленинизма?

Материалистическая диалектика единственно научно

---

[1] В. А. Туманов «Понятие непреодолимой силы в советском гражданском праве.— «Вопросы советского гражданского права», Госюриздат, 1955 г., с. 111.

[2] Ф. Энгельс «Анти-Дюринг» 1952 г., с. 107.

разрешает этот вопрос, считая свободу познанной необходимостью.

«...Свобода,— писал Ф. Энгельс,— господство человека над собой... основанное на познании естественной необходимости...» [1].

Такое понимание свободы дает единственно правильное представление и о свободе воли.

«Свобода воли означает,— говорил Ф. Энгельс,— не что иное, как способность принимать решение со знанием дела...» [2].

Свобода — это не просто естественное свойство человеческой воли, это исторический продукт, поскольку свобода личности осуществляется лишь в меру развития общественной свободы.

При социализме человек полностью освобожден от отрицательного влияния таких внешних условий как эксплоатация, безработица, голод, которые толкают его на преступление.

В условиях социализма свобода воли, как господство над самим собой, находит яркое выражение в развитии коммунистической морали, в коммунистическом отношении к труду.

Любой член социалистического общества может действовать в соответствии с познанными законами, т. е. способствовать социалистическому развитию; он может преодолеть внутренние препятствия в виде, например, пережитков капитализма в своем сознании, и в этом заключается его подлинная, общественная свобода.

В то же время бывают случаи, когда он действует вопреки законам общественного развития, законам социализма, направляет свое сознание и волю на путь правонарушений.

Тогда то и возникает вопрос об ответственности.

Конечно, гражданская ответственность может возникнуть только за такое поведение, которое является противоправным, т. е. нарушает норму права [3]. Не является

---

[1] Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», там же.

[2] Ф. Энгельс, там же.

[3] В литературе было высказано мнение, что противоправным является также поведение лица, нарушающее правила социалистического общежития (М. М. Агарков «Обязательства из причинения вреда».— «Проблемы социалистического права» 1939 г. № 1, с. 58; Т. С. Хаскина «Основные начала ответственности за внедого-

виновным и не влечет ответственности такое поведение, которое было правомерным. В этом смысле вина и противоправность тесно связаны между собой, как и другие условия ответственности (причинная связь, наличие вреда).

В то же время недопустимо и отождествление вины с противоправностью [1].

Противоправность является внешним, объективным условием ответственности, тогда как вина — внутреннее, субъективное условие такой ответственности. Сведение вины только к противоправному поведению будет означать сведение на нет воспитательной роли права.

Гражданское право имеет дело с правонарушениями, обычно совершаемыми неосторожно, в связи с чем вопрос об обосновании ответственности за неосторожную вину приобретает особенно важное значение.

В отличие от умысла, где лицо не только осознает (предвидит) наступление вредоносного результата, но и желает (при прямом умысле) или сознательно допускает (при косвенном умысле) наступление этого результата, при неосторожности (в виде небрежности) причинитель вреда не только не желает, не допускает, но и не предвидит последствий своего поведения.

Поэтому одного лишь общего суждения о том, что лицо направляет свое сознание и волю на путь правонарушения, недостаточно для обоснования ответственности за небрежную вину.

Трудность данной проблемы обуславливается тем, что при небрежности вина, казалось бы, лишена своего психического содержания.

ворный вред по советскому гражданскому праву», автореферат кандидатской диссертации, М. 1949 г., с. 6).

Однако, как правильно было отмечено Е. А. Флейшиц, правила социалистического общежития имеют значение лишь при применении норм права. Нарушение правил социалистического общежития само по себе не может являться противоправным, если это нарушение не связано с нарушением норм права. (См. её работу «Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения». Госюриздат, М., 1951 г., с. 40—43).

[1] Такое отождествление допускает в гражданском праве Х. И. Шварц (см. его работу «Значение вины в обязательствах из причинения вреда», 1939 г., с. 43), а в уголовном праве М. А. Чельцов, (см. его работу «Спорные вопросы учения о преступлении» — «Социалистическая законность» 1947 г., № 4, с. 8).

Если лицо не только не желает причинить вред, не допускает этого, но и не предвидит наступления вреда, то за что же в таком случае возлагать ответственность?

Ряд авторов связывали вину лица, действовавшего неосторожно, с «порочностью», «упречностью» его воли или сознания.

В уголовном праве такие попытки были предприняты Б. С. Ошеровичем [1], В. Макашвили и Т. Церетели [2], а в гражданском праве М. М. Агарковым, который, противопоставляя волю и сознание, строил на этом различие форм вины:

«Умысел можно характеризовать как упречное состояние воли, неосторожность — упречное состояние интеллекта»[3].

Основной недостаток этих попыток заключался в том, что «порочность воли» или «упречность сознания» рассматривались как решающие признаки небрежности.

С нашей точки зрения правильную позицию заняли те криминалисты и цивилисты, которые видят момент вины при небрежности в сознательном пренебрежении лица своей обязанностью быть осмотрительным, внимательным, осторожным, чтобы не причинять вред.

Отсутствие должной предусмотрительности, заботливости, осторожности,— вот тот отрицательный момент, который характеризует психическое состояние причинителя вреда при небрежности.

Подобное мнение, основанное на активной роли человеческой воли и сознания, было высказано в уголовном праве Б. С. Маньковским [4], Б. С. Утевским [5], А. С. Ники-

---

[1] Б. С. Ошерович «Формы виновности» — «Ученые записки ВИЮН» 1940 г., вып. I, с. 69.

[2] В. Макашвили и Т. Церетели «О неосторожности по советскому уголовному праву» — «Проблемы социалистического права» 1939 г. № 4—5, с. 101.

[3] «Гражданское право», учебник для юридических вузов, ч. II. Юриздат, 1938 г., с. 392. Это положение М. М. Агаркова о неосторожной вине было подвергнуто справедливой критике Б. С. Антимоновым — см. его работу «Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении», Госюриздат, 1950 г., с. 94.

[4] Б. С. Маньковский «Проблема ответственности в уголовном праве», изд. АН. СССР 1949 г., с. 61—62.

[5] Б. С. Утевский «Вина в советском уголовном праве» Госюриздат, 1950 г., с. 280—282.

форовым [1] и др., в гражданском праве — Г. К. Матвеевым [2], В. Т. Смирновым [3] и др.

Наряду с этим в цивилистической литературе была предпринята попытка найти иное обоснование ответственности за небрежную вину.

Б. С. Антимоновым была предложена теория «предшествующей вины», сущность которой показана автором на таких примерах:

Если, не умея ездить верхом, А. все же сел на горячую лошадь и причинил увечья В., то А. виновен в том, что не научившись ездить верхом, он сел на лошадь.

Если студент-медик вместо оказания первой помощи потерпевшему увечье, сделал операцию, но неудачно, то он виновен в том, что взялся за дело, которое достаточно не знал.

Если пьяный попал под трамвай, то он виновен в том, что довел себя до такого состояния, когда потерял способность понимать окружающее.

Во всех этих и подобных случаях вина «предшествует» совершенному действию, а потому является «предшествующей» виной.

Таким образом, теория «предшествующей вины» предлагает такой выход для определения упречности воли или сознания при небрежности: если нельзя упрекнуть в чем-либо причинителя в момент причинения вреда, нужно посмотреть, в чем его можно упрекнуть в прошлом.

Хотя подобная попытка объяснения природы небрежности дает известное обоснование ответственности при небрежной вине, однако при помощи «предшествующей вины» нельзя объяснить все случаи ответственности за небрежную вину.

Ссылкой на «предшествующую вину» невозможно обосновать возложение ответственности за небрежную вину, если причинителя вреда нельзя упрекнуть в незнании либо плохом знании того дела, за которое он взялся. И хороший наездник, и хороший врач, и хороший мото-

---

[1] А. С. Никифоров «Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности».— Ученые записки ВИЮН, вып. I, 1955 г., с. 148—151.

[2] Г. К. Матвеев «Вина в советском гражданском праве». Изд. Киевского Гос. Университ. 1955 г., с. 277—279.

[3] В. Т. Смирнов, цитированная работа, с. 56—57.

циклист могут совершить правонарушение по небрежности.

Наряду с попыткой Б. С. Антимонова найти положительное содержание психики при небрежности, аналогичная попытка, но несколько иного рода была предпринята О. С. Иоффе.

Неосторожно-небрежная вина по О. С. Иоффе характеризуется не только отрицательным моментом «не знал», относящимся к конкретным событиям, но и положительным содержанием, выражающимся в абстрактном предвидении причинной связи между поведением лица и наступившим результатом. Эту мысль автор иллюстрирует на следующих примерах.

М., помощник машиниста паровозного депо, производил замер нефти в баке, пользуясь для освещения керосиновой коптилкой, в связи с чем от взрыва получил увечье.

Л. подверглась операции, но по небрежности хирурга в ране был оставлен тампон, вследствие чего возникла небходимость повторной операции [1].

По мнению О. С. Иоффе — администрация, предоставившая своим работникам керосиновые коптилки, не могла не иметь абстрактного предвидения о том, что возможно наступление несчастного случая (взрыва). Такое же абстрактное предвидение возможности оставления тампона имелось,— по мнению автора,— и у хирурга.

Отсюда делается вывод, что абстрактное предвидение причинной связи между неправомерным поведением и возможным результатом — это и есть основание ответственности при небрежной вине.

С этим мнением частично солидаризуется В. Т. Смирнов, который полагает, что об абстрактном характере предвидения при небрежно-неосторожной вине можно говорить лишь при грубой неосторожности [2].

Ни с мнением О. С. Иоффе, ни с мнением В. Т. Смирнова полностью согласиться нельзя.

Ни о каком предвидении, в том числе и абстрактном, не может итти речь при небрежности. Небрежная вина тем и отличается от других форм и видов вины, что

---

[1] О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву», изд. ЛГУ, 1955 г., с. 121—123.

[2] В. Т. Смирнов, цитированная работа, с. 60—61.

субъект не предвидит, хотя мог и должен был предвидеть последствия своего поведения.

В самом деле, разве можно говорить, что у хирурга, оставившего тампон в ране оперируемой им Л., было абстрактное предвидение? Конечно, нет. Если бы у хирурга имелось это абстрактное предвидение, то он, очевидно, принял бы все меры к тому, чтобы не допустить наступления вреда. В противном случае в его действиях можно было бы усмотреть косвенный умысел. Все дело в том, что в данном случае у хирурга отсутствовало предвидение возможных последствий, хотя он мог и должен был их предвидеть.

Несколько сложнее обстоит дело с другим примером, приведенным О. С. Иоффе.

Здесь действительно может оказаться так, что у администрации, выдавшей керосиновые коптилки паровозной бригаде, возможно имелось абстрактное предвидение наступления несчастного случая.

Но тогда вина администрации перестает быть небрежной виной.

С точки зрения уголовного права в данном случае возможно было бы говорить либо о самонадеянности, либо о косвенном умысле, в зависимости от того, как относилась администрация к возможности наступления вреда: надеялась ли, что этот вред не наступит в силу ряда конкретных обстоятельств; либо же пренебрежительно относилась к такой возможности наступления несчастного случая.

Пытаясь обосновать наличие абстрактного предвидения при небрежности, О. С. Иоффе далее утверждает, что при самонадеянности всегда имеется конкретное предвидение причинной связи.

«При самонадеянности,— пишет автор,— правонарушитель рассчитывает своими (разрядка наша — А. С.) действиями предотвратить наступление вредных последствий, а для того, чтобы иметь возможность это сделать, необходимо представлять себе конкретное развитие причинно-следственных связей между неправомерным поведением и возможным результатом» [1].

При такой трактовке понятия «самонадеянности» вывод О. С. Иоффе является безусловно правильным.

---

[1] О. С. Иоффе, названная работа, с. 122.

Но дело все в том, что понятие «самонадеянности» значительно шире и включает не только надежду лица на его личное вмешательство в ход событий, но и надежду на иные обстоятельства (вмешательство третьих лиц; личные качества лица, которое подвергается опасности; особые свойства вещей и т. д.), лежащие вне сферы деятельности данного лица.

Следует отметить, что известное основание для введения термина «самонадеянность» давала ст. 10 УК РСФСР, где было сказано, что под неосторожностью понимаются такие действия, когда лица «...не предвидели последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить (разрядка наша — А. С.) такие последствия».

Однако, в настоящее время эта неточность формулировки «самонадеянности» устранена.

«Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», принятые в качестве Закона Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 года, содержат следующее определение понятия неосторожности:

«Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение (разрядка наша — А. С.), либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть» [1].

Таким образом, в настоящее время становится особенно очевидным, что термин «самонадеянность» устарел и нуждается в замене другим термином, поскольку при этом виде неосторожности лицо надеется не только на себя (откуда и происходит термин «самонадеянность»), но и на иные обстоятельства, как средства устранения возможных вредоносных последствий.

По нашему мнению вместо термина «самонадеянность» следовало бы употреблять термин «осознанная неосторожность». Тогда небрежность следовало бы именовать «неосознанной неосторожностью».

Эти термины отнюдь не являются нововведением.

---

[1] Статья 9 указанных «Основ» — «Ведомости Верховного Совета СССР» 1959 г., № 1, с. 25.

Ссылку на «неосознанную неосторожность» можно встретить в учебной литературе[1].

Потребность в введении иных терминов для разграничения видов неосторожной вины в гражданском праве признается рядом авторов. Так О. С. Иоффе и В. Т. Смирнов прибегают в своих доводах к такому термину, как «небрежно-неосторожная» вина. Но этот термин ничего нового не говорит и может быть воспринят как тавтология, поскольку неосторожность и небрежность в судебной практике считаются равноценными понятиями.

Введение же терминов «осознанной» и «неосознанной» неосторожности внесло бы ясность в вопрос о том, в каких случаях имеется, а в каких случаях отсутствует сознание (предвидение) возможности наступления вредоносного результата, что имело бы большое положительное значение.

Термин «осознанная» неосторожность более четко выражает характер предвидения при этом виде неосторожной вины.

Конкретное предвидение развития причинной связи имеет место не при всех случаях осознанной неосторожности, как это полагает, например, О. С. Иоффе.

Подобное предвидение имеется только в тех случаях, когда лицо легкомысленно надеется предотвратить наступление вредоносного результата своими действиями, ибо невозможно пытаться предотвратить вред без конкретного предвидения того, что может произойти.

Если шофер автомашины решается «проскочить» через железнодорожный переезд ранее мчащегося поезда, то он надеется с в о и м и д е й с т в и я м и не допустить столкновения с поездом. Безусловно, у шофера имеется конкретное предвидение возможных последствий своих действий.

Предвидение может носить и иной характер, если лицо надеется на предотвращение вредоносного результата не в связи с е г о д е й с т в и я м и, а в связи с действиями других лиц, действиями сил природы и т. д.

В подобных случаях у лица может иметься лишь абстрактное предвидение возможности наступления вредоносного результата.

---

[1] «Уголовное право» общая часть, учебник для юридических вузов, Юриздат, М. 1948 г., с. 345.

Абстрактное, а не конкретное предвидение особенно часто может иметь место в случаях бездействия администрации, когда бездействие выражается в неосуществлении общих мероприятий по соблюдению дисциплины и условий труда, техники безопасности, промышленной санитарии и гигиены, т. е. в тех случаях, когда администрация сознательно ставит работника в заведомо опасные условия.

В приведенном О. С. Иоффе случае с помощником машиниста М. администрация депо, выдавшая керосиновые коптилки, имела предвидение возможности наступления вредоносного результата, хотя не могла предвидеть, что несчастный случай произойдет именно с М., а поэтому ее предвидение носило абстрактный характер.

Почти аналогичный случай имел место по другому делу с машинистом Копыловым, который получил ожоги при ночном осмотре паровоза с помощью факелов. Впоследствии оказалось, что администрация выдала в пользование паровозной бригады горючую смесь, обладавшую повышенной воспламеняемостью, что и явилось причиной несчастного случая.

Монтажник Донченко при работе на высотах не был снабжен предохранительным поясом, в результате чего потерпел увечье [1].

Коваленко получил травму ввиду захламленности прохода между станками металлоломом [2].

Курило утратил глаз, ибо подобно другим рабочим не пользовался защитными очками вследствие отсутствия должной производственной дисциплины [3].

В этих и во многих аналогичных случаях администрация, зная о том, что горючая смесь имеет повышенную воспламеняемость, что на высоте люди работают без предохранительного пояса, что проходы между станками захламлены, что работники не пользуются защитными средствами и т. д., имела абстрактное предвидение возможности наступления несчастных случаев.

Таким образом, при осознанной неосторожности пред-

---

[1] Определение Харьковского областного суда по делу № 1748/58 г. по иску Донченко к домоуправлению № 0527 г. Харькова.

[2] Определение Харьковского областного суда по делу № 2838/58 г. по иску Коваленко к Харьковскому канатному заводу.

[3] Определение Харьковского областного суда по делу № 1915/58 г. по иску Курило к Харьковскому Коксохимическому заводу.

видение возможности вредоносных последствий может носить в одних случаях конкретный, а в других случаях — абстрактный характер.

Что касается неосознанной неосторожности, то этот вид неосторожной вины тем и характерен, что предвидение (конкретное или абстрактное) отсутствует. Не меняет положения и степень неосознанной неосторожности.

Вывод В. Т. Смирнова о том, что при грубой небрежности существует абстрактное предвидение, нельзя признать правильным.

Известный повод для такого вывода дает неверное утверждение автора о том, что при неосторожности (в отличие от умысла) сознание охватывает лишь совершенное действие, и не охватывает результата этого действия.

В действительности, для права осознание действия не имеет значения, если это действие не ведет к вредоносному результату. Это положение для гражданского права имеет особенное значение, ибо ответственность по нормам ГК наступает только при наличии вредоносного результата [1]. Поэтому для возложения гражданской ответственности необходимо выяснить психическое отношение данного лица именно к вредоносному результату, а не только к самим действиям лица.

Вопрос об установлении виновного поведения причинителя вреда при повреждении здоровья имеет свою специфику.

В подавляющем большинстве случаев причинение увечья работнику происходит в связи с деятельностью предприятия, а потому возникает вопрос о понятии вины юридического лица.

Вопрос о вине юридического лица претерпел в советской цивилистической литературе значительную эволюцию. Вплоть до недавнего времени было распространено мнение, что юридическое лицо отвечает за вред, причиненный его органами, как за свои виновные действия. Вина рядовых работников данного юридического лица не считалась виной юридического лица. За действия своего работника, не являющегося органом юридического лица,

[1] По мнению А. С. Никифорова в уголовном праве также можно говорить лишь о психическом отношении данного лица к вредоносному результату, но не к его действиям — см. А. С. Никифоров, цитированная работа, с. 143, 149.

юридическое лицо несло ответственность лишь в том случае, если последнее было виновно в выборе этого работника, либо в надзоре за его работой.

Таким образом, юридическое лицо несло ответственность за вред, причиненный в связи с действием (бездействием) мастера, начальника цеха, главного инженера и других должностных лиц.

Такого мнения придерживался, например, М. М. Агарков, который в подтверждение своей точки зрения ссылался лишь на один пример из судебной практики Верховного Суда СССР за 1939 г.[1].

Основанием для такого вывода является представление о том, что деятельность юридического лица необходимо отличать от организации этой деятельности. Однако, как справедливо отметил С. Н. Братусь, задачей юридического лица является не только организация деятельности, но и сама деятельность [2].

Под деятельностью же юридического лица следует понимать всякое служебное действие (или бездействие) его органов, а также всех работников юридического лица [3].

Отсюда и правонарушения, совершаемые по вине работников юридического лица или его органов в процессе осуществления этой деятельности, являются виной самого юридического лица.

Подобное решение вопроса о деликтоспособности юридического лица вытекает из того очевидного факта, что в отличие от сделкоспособности никакой управомоченности на совершение правонарушения быть не может. Если при совершении правомерных действий (заключение сделок) волю юридического лица выражают лишь управомоченные на то органы юридического лица, либо его представители, то при совершении неправомерных

---

[1] М. М. Агарков «К вопросу о договорной ответственности», Сборник «Вопросы советского гражданского права». Изд. Академии Наук СССР, 1945 г., с. 147.

[2] С. Н. Братусь «Субъекты гражданского права», Госюриздат 1950 г., с. 211.

[3] Б. Б. Черепахин «Волеобразование и волеизъявление юридического лица» — Известия высших учебных заведений — «Правоведение», 1958 г., № 2, с. 47.

Подобное представление о деятельности юридического лица исходит из теории коллектива, а не теории органа юридического лица.

действий (деликтов) волю юридического лица выражают не только органы юридического лица, но и все его рабочие и служащие [1].

Утверждение о том, что в социалистическом гражданском обороте только органы юридического лица выражают его волю [2] может быть отнесено лишь к сделкоспособности, но не к деликтоспособности юридического лица.

Поэтому мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые полагают, что юридическое лицо отвечает за вред, виновно причиненный его рабочим или служащим, как за свои, а не за чужие действия [3].

Общее направление судебной практики Верховного Суда СССР [4] как и местной судебной практики подтверждает это мнение.

Рабочий Сосницкий и Сиканенко затеяли на производстве борьбу между собой, перевернули щит, который повалил другие щиты, упавшие на голову Маникова. Харьковский областной суд, изменяя решение народного суда об отказе в иске о выплате недоплаченных сумм по больничным листам, исходил из того, что в данном случае имеется вина администрации, не обеспечившей должной дисциплины на производстве [5].

---

[1] Б. Б. Черепахин совершенно прав, когда он утверждает, что подобное правило применимо лишь к государственным предприятиям. Что же касается кооперативных организаций, то здесь следует говорить о волеизъявлении (при противоправных действиях) не всего коллектива (членов кооперативной организации), а только действующего коллектива (орган, рабочие и служащие, но не его члены, как таковые) — см. указанную работу — с 49.

[2] Р. О. Халфина «Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве». Изд. А Н СССР, 1954 г., с. 60.

[3] Б. С. Антимонов «Гражданская ответственность за вред, причиненный действием «источника повышенной опасности», 1952 г., с. 213. С. Н. Братусь «Субъекты гражданского права» М., с. 206. И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц — цитированное сочинение, с. 351. Е. А. Флейшиц «Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения» М. с. 110. Е. А. Флейшиц «Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья»—*Ученые записки* ВИЮН вып. I, 1955 г., с. 33. В. Т. Смирнов, цитированная работа, с. 68. Б. Б. Черепахин «Волеобразование и волеизъявление юридического лица» «Известия высших учебных заведений.— «Правоведение» 1958 г., № 2, с. 50.

[4] См. Определения Верховного Суда СССР по делу колхоза «Дружба» и другие, приведенные в цитированных работах С. Н. Братуся, Б. С. Антимонова, Е. А. Флейшиц.

[5] Определение Харьковского областного суда по делу № 5107/54 г.

По другому делу было установлено, что кочегар паровоза выронил гаечный ключ, причинив травму машинисту Гура. Вина кочегара была признана виной юридического лица [1].

Если расширение ответственности предприятий и учреждений за повреждение здоровья ввиду подобного понимания вины юридического лица является целиком обоснованным, нельзя признать правильным расширение такой ответственности по иному основанию: отождествлению понятий вины и противоправности. Между тем в судебной практике это расширение ответственности происходит зачастую в связи с тем, что устанавливается лишь сам факт противоправного поведения причинителя вреда, а не его вина.

В подтверждение этого вывода можно сослаться и на местную судебную практику.

Так, по делу Мигдаль Харьковский областной суд указал, что вина домоуправления № 059 Киевского РЖУ г. Харькова состояла в том, что дом, находившийся в ведении управления, не ремонтировался, вследствие чего обвалившаяся с дома штукатурка причинила травму Мигдаль [2].

По делу Сухорукова Харьковский областной суд отметил, что администрация завода ХТЗ виновна в том, что потерпевший не был проинструктирован, каким образом снимать рештовку [3].

По делу Бушева несчастный случай произошел в связи с тем, что во время заточки диска циркулярной пилы наждачным камнем произошел разрыв диска и куском камня разбило стекла очков, в результате чего истцу был выбит глаз. Харьковский областной суд признал вину администрации в том, что потерпевшему были выданы очки с бьющимися стеклами [4].

Все эти и многие другие примеры свидетельствуют о том, что, устанавливая вину администрации при без-

---

[1] Решение народного суда 4 уч. Ленинского района г. Харькова по делу № 2—282/58 г. по иску Гура к Харьковскому Электроаппаратному заводу.

[2] Определение Харьковского областного суда по делу № 5389/53 г.

[3] Определение Харьковского областного суда по делу № 1648—54 г.

[4] Определение Харьковского областного суда по делу № 75—55 г.

действии, суды в большинстве случаев рассматривают фактически вопрос о противоправности, так как, установив факт, что дом не ремонтируется, что очки с небьющимися стеклами не выдаются, что инструктаж потерпевшего не проводится и т. д., суды не занимаются выяснением вопроса о том, имелась ли возможность отремонтировать дом, выдать очки, проинструктировать в данное время потерпевшего и т. д. и виновно ли не совершены указанные действия.

Конечно, можно ссылаться на то, что в силу ст. 413 ГК вина причинителя вреда предполагается[1], а поэтому суду и не следует «устанавливать» вину администрации.

Однако, здесь речь идет о другом: поскольку неопровержимых презумпций в советском праве нет, то презумпция вины причинителя может быть опровергнута. Иначе говоря, администрация может доказывать, что она не могла совершить то действие, несовершение которого привело затем к вреду (не могла отремонтировать дом, выдать очки, проинструктировать потерпевшего и т. д.).

Чтобы избежать подобных нежелательных последствий,— чрезмерного расширения ответственности причинителя вреда,— суды должны производить оценку доказательств, опровергающих презумпцию вины причинителя.

Расширение ответственности предприятий и учреждений, как показывает анализ судебной практики, идет также по линии широкого понимания правила, изложенного в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г.

«Несоблюдение действующих правил об охране труда» администрацией предприятия, за что в силу указанного п. 18 и должна наступать ответственность, толкуется

---

[1] Этой точки зрения придерживаются большинство авторов. Однако К. С. Юдельсон в своей работе «Проблема доказывания в советском гражданском процессе», Госюриздат 1951 г., с. 290 утверждает, что проблемы бремени доказывания не существует, поскольку имеется принцип активного содействия суда сторонам в сборе доказательств (ст. ст. 5, 118 ГПК). Аналогичное мнение было высказано Л. А. Майданик в работе «Регрессные иски профсоюзов и иски потерпевших к предприятиям», Профиздат 1946 г., с. 21. С этим суждением согласиться нельзя, поскольку оно основано на неверном противопоставлении способов доказывания вины с предположением о наличии вины.

судами иначе, а именно как несоблюдение любых правил, хотя и не действующих, не изданных, но принятие которых необходимо для безопасности работников.

Так, по делу Латкина народный суд 3 уч. Кировского района г. Сталино отказал в иске на том основании, что крепление кровли в том месте, где работал Латкин, было сделано по паспорту, а потому вина предприятия в несчастном случае с потерпевшим отсутствует.

Однако, отменяя это решение, Верховный Суд УССР указал:

«При новом рассмотрении дела следует иметь в виду, что предприятие должно нести материальную ответственность, если будет установлено, что крепление кровли не обеспечило безопасность работы рабочего Латкина» [1].

Аналогичный вывод сделан по делу Гольдина Харьковским областным судом [2].

Такое распространительное толкование понятия «несоблюдения действующих правил об охране труда» нельзя признать правильным, поскольку оно ведет к отождествлению вины с противоправностью. Для возложения ответственности необходимо, чтобы администрация предвидела или могла предвидеть, что данное нарушение (упущение) может привести к несчастному случаю.

Именно на это обращает внимание и Верховный Суд СССР.

Так, Грядкин получил заболевание во время работы на Крайнем Севере (авитаминоз), в связи с чем прекратил работу. Грядкин просил взыскать возмещение ввиду утраты заработка, ссылаясь на то, что «Главсевморпуть» не обеспечивал его необходимыми продуктами питания, содержащими достаточное количество витаминов.

Верховный Суд СССР, отменяя все решения и определения об удовлетворении иска, указал на то, что снабжение продуктами Нордвикского узла, где работал Грядкин, производилось в соответствии с нормами, а сам по себе факт недостаточного витаминного питания и нерегулярного снабжения не мог быть поставлен в вину администрации, так как перерывы в снабжении были из-за

---

[1] Определение Верховного Суда УССР по делу № 06—1282—52 г.

[2] Определение Харьковского областного суда по делу № 5448—54 г.

обстоятельств, которые от администрации не зависели [1].

По ряду других дел Верховный Суд СССР указывал также на то, что для возложения ответственности за повреждение здоровья необходимо установить, какие конкретные нормы и правила по технике безопасности были нарушены администрацией [2].

Так обстоит вопрос с виной администрации предприятия (учреждения) при возложении ответственности по ст. 413 ГК.

В тех случаях, когда предприятие или учреждение не является страхователем потерпевшего, ответственность может наступать и при отсутствии вины, если вред причинен «источником повышенной опасности» (ст. ст. 414 и 404 ГК).

Это, однако, не означает, что наличие или отсутствие вины причинителя вреда вовсе не имеет значения при возложении ответственности по ст. ст. 414, 404 ГК.

Анализ судебной практики показывает, что в таких случаях вина администрации может иметь значение для решения вопроса о том, на кого из владельцев двух «источников повышенной опасности» возлагать ответственность.

Калашник следовала как пассажир в автомашине, принадлежавшей Ясиноватской автобазе Донецкой железной дороги и потерпела увечье в связи с тем, что автомашина выехала через закрытый шлагбаум на железнодорожный путь, где столкнулась с поездом. Харьковский областной суд указал на то, что ответственность должна быть возложена не на Управление Донецкой железной дороги, а на владельца автомашины, поскольку в аварии виновен шофер автомашины, а не машинист поезда [3].

Аналогичное решение вынесено было по иску Харьковского автопарка к Мирошниченко и УНР-200 автобазы № 389 [4].

---

[1] См. «Социалистическая законность» 1955 г., № 12, с. 76.

[2] Определение Верховного суда СССР по делу Колганова — «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г., № 4, с. 37. Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Молчанина — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1958 г., № 6, с. 13—15.

[3] Определение Харьковского областного суда по делу № 4430/53 г.

[4] Решение народного суда 3 уч. Краснозаводского района г. Харькова по делу № 2—392/58 г.

Таким образом, наличие вины одного из причинителей вреда решает в подобных случаях вопрос о возложении ответственности на виновного владельца «источника повышенной опасности».

Но не только в этом имеет значение установление вины причинителя вреда при возложении ответственности по ст. ст. 414, 404 ГК.

Анализ судебной практики показывает, что вина причинителя вреда имеет значение также в тех случаях, когда «источник повышенной опасности» выбыл из обладания владельца помимо его воли.

Шеголева во время работы стрелочницы была сбита автомашиной, принадлежащей Харьковскому Горплодоовощторгу, получив тяжелые увечья. Народный суд иск удовлетворил полностью. Харьковский Горплодоовощторг в кассационной жалобе ссылался на то, что шофер Нежурин взял автомашину без согласия дирекции. Областной суд, отклоняя кассационную жалобу ответчика, указал, что владелец «источника повышенной опасности» может быть освобожден от ответственности только в том случае, когда этот «источник» выбыл из обладания владельца помимо его воли и не по его вине. В данном же случае шофер ответчика Нежурин взял автомашину из гаража, ключи от которого находились постоянно у сторожа, а поэтому хотя автомашина и оказалась у Нежурина помимо воли ее владельца, но по вине этого владельца [1].

Подобное же суждение высказано было Верховным Судом РСФСР по делу Кузнецова [2].

Отсюда следует сделать вывод, что вина причинителя вреда имеет определенное значение и для возложения ответственности по ст. 414 ГК, но не только для возложения ответственности по ст. 413 ГК, хотя бы вред был причинен «источником повышенной опасности».

---

[1] Определение Харьковского областного суда по делу № 3247—58 г.

[2] Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР по делу Кузнецова — «Советская Юстиция», 1958 г., № 6, с. 82—83.

И. М. ПОЛУНОВ.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ТРУД

1. Согласно ст. 118 Конституции СССР право гражданина на труд — это право на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством. Право на получение работы предполагает не только доступ к ней, но и ее дальнейшее устойчивое осуществление в обусловленном месте по соответствующей профессии и специальности работника.

Устойчивость трудовых правоотношений является предпосылкой создания постоянных кадров на производстве и тем самым одним из существенных условий повышения производительности труда.

Производительность труда—как указал В. И. Ленин—это, в последнем счете, самое важное для победы нового общественного строя [1]. Руководствуясь этим положением, партия добивалась и впредь будет добиваться неуклонного повышения производительности труда на базе технического прогресса [2].

«Коммунизм можно осуществить лишь при условии, если мы превзойдем уровень производства развитых капиталистических стран, обеспечим новую, гораздо более высокую, чем при капитализме, производительность труда» [3].

[1] В. И. Ленин. Соч., 4-ое издание, т. 29, стр. 394.

[2] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, Госполитиздат, 1956 г., стр. 56.

[3] Н. С. Хрущев. Доклад внеочередному XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 г.г.» — газета «Правда» 28 января 1959 г., стр. 8.

Росту производительности труда мешает еще имеющаяся на предприятиях и особенно на стройках так называемая «текучесть» рабочей силы.

Отрицательные последствия текучести рабочей силы сказываются одновременно и на производстве и на работнике производства. Администрация лишается возможности изучать кадры, правильно расставлять их на рабочих местах. Работники лишаются возможности накоплять опыт определенной работы на данном производстве.

Нормы советского социалистического трудового права охраняют устойчивость трудового правоотношения путем определения в законе точных оснований его прекращения, закрепляют благоприятные для работников условия труда и быта, обеспечивают определенность трудовой функции и использование работника по его профессии, специальности и квалификации.

Защита права на устойчивый труд работников, осуществляемая в согласительном, профсоюзном и судебном порядке, а также в порядке подчиненности, служат одновременно целям борьбы с текучестью рабочей силы и целям охраны интересов работников.

Классификация оснований увольнения рабочих и служащих по признаку волеизъявления сторон трудового правоотношения или управомоченных на то законом третьих лиц является последовательной.

Классификация по этому признаку применима также к основаниям прекращения трудовых правоотношений между артелью и ее членом. Отношения членства прекращаются либо путем выхода данного лица в установленном порядке из членов артели, либо путем исключения его из членов артели по инициативе правления и волеизъявлению общего собрания артели [1].

Трудовой договор является фактом, порождающим трудовое правоотношение, формой регулирования содержания трудовых правоотношений в пределах, допускаемых законом, и базой для существования самого трудового правоотношения. Поэтому изменение условий трудового договора влечет, как правило, изменение трудового провотношения, а прекращение действия трудового дого-

[1] Я. Л. Киселев. «Особенности правового регулирования труда членов промысловых артелей», «Социалистическая законность», 1954 г., № 8, стр. 25; также Я. Л. Киселев. «Трудовые права членов артелей промысловой кооперации», Госюриздат, 1955 г., стр. 20—21.

вора означает, как правило, прекращение самого трудового правоотношения.

Общие основания прекращения трудового договора указаны в ст. 44 КЗОТ [1]. Перечень этих оснований исходит из двух критериев: а) наступления условий договора и б) волеизъявления сторон, направленного к прекращению трудового договора: согласованного или односторонне обязательного. Помимо оснований, перечисленных в ст. 44 КЗОТ, трудовой договор прекращается в силу наступления факта — события, делающего невозможным исполнение условий трудового договора независимо от воли сторон (смерть работника, гибель предприятия в результате действия стихийных сил и т. п.). Он может быть также расторгнут по волеизъявлению определенных органов, не являющихся стороной трудового договора, по основаниям, предусмотренным законом.

Кладя в основу классификации оснований прекращения и расторжения трудового договора волеизъявление сторон или третьих лиц, следует учитывать, что расторжение трудового договора, на основе этого волеизъявления, может иметь место только по основаниям и в порядке, указанном в законе. В судебной защите права советского гражданина на устойчивый труд особое значение приобретают основания увольнения работника по волеизъявлению администрации.

Эти основания представляется возможным свести к двум группам, в зависимости от причин увольнения.

Первая группа включает случаи увольнения работника по причинам организационно-хозяйственного характера.

К этой группе относятся случаи увольнения работника по основаниям, предусмотренным в п. п. «а» и «б» ст. 47 КЗОТ; в п. «з» ст. 47 КЗОТ (п. «и» ст. 47 КЗОТ УССР) и применительно к этому пункту, а также в ст. 37 КЗОТ.

Вторая группа включает случаи увольнения работника по причинам, связанным непосредственно с личностью работника.

Эту группу можно подразделить на две подгруппы:

Первая подгруппа включает случаи увольнения

---

[1] Ссылки делаются на КЗОТ РСФСР.

работника, в связи с необеспечением требований производства, без наличия в этом вины работника.

Сюда следует отнести случаи увольнения по основаниям, предусмотренным в ст. 39 КЗОТ и в п. п. «в» и «ж» ст. 47 КЗОТ.

Вторая подгруппа включает случаи увольнения работника в связи с необеспечением требований производства по вине работника.

Сюда следует отнести случаи увольнения по основаниям, предусмотренным в п. п. «г» и «д» ст. 47 КЗОТ, в п. «е» ст. 47 КЗОТ, восстановленном в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. (за прогул), в постановлении ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. (за дисциплинарный проступок) [1], в постановлении НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. (в случае утраты доверия администрации к работнику, обслуживающему денежные или товарные ценности) [2], в постановлении НКТ СССР от 29 октября 1930 г. (в случае отказа материально-ответственного лица заключить договор о полной материальной ответственности, требуемый администрацией в соответствии с законом) [3].

Сюда же можно отнести увольнение в связи с нарушением постановления СНК СССР от 11 марта 1933 г. (о совместительстве) [4] и в связи с нарушением Постановления СНК УССР от 4 июня 1933 г. (о совместительстве и совместной службе родственников) [5].

Осуществление судом защиты права советского гражданина на устойчивый труд связано с установлением действительных взаимоотношений между сторонами и анализом условий правомерности увольнения по тому конкретному основанию, применение которого повлекло обращение трудящегося в суд.

В настоящей статье исследуются некоторые основания увольнения по причинам организационно-хозяйственного характера (п. п. «б» и «з» ст. 47 КЗОТ) и некоторые основания увольнения, связанные с необеспечением тре-

---

[1] СЗ СССР, 1929 г. № 71, ст. 670.

[2] Известия НКТ СССР, 1930 г., № 31—32.

[3] Известия НКТ СССР, 1930 г., № 31—32, стр. 663.

[4] СЗ СССР, 1933 г., № 19, ст. 110.

[5] СУ РСФСР, 1923 г., № 1, ст. 8; СЗ УССР, 1933 г., № 32, ст. 413.

бований производства без наличия в этом вины работника (п. п. «в» и «ж» ст. 47 и ст. 39 КЗОТ).

2. Случаи увольнения работников, вследствие приостановки работ на срок более одного месяца по причинам производственного характера встречаются редко. Непрерывный рост и развитие нашего народного хозяйства их почти исключает. Они встречаются лишь в деятельности отдельных учреждений и организаций, связанной с определенными сезонами работы; например, в деятельности зрелищных предприятий, летних санаториев, холодильных установок, водных станций и т. п. В случае приостановки деятельности всего предприятия (учреждения) на срок свыше одного месяца и увольнения, в связи с этим, всего штата, контингента работников — споры, как правило, не возникают. Споры появляются в тех случаях, когда приостанавливает работу не все предприятие (учреждение) в целом, а какая-нибудь его структурная часть, т. е. когда увольняются не все работники. Содержанием исков лиц, уволенных по этому основанию, является обычно требование об их оставлении на работе по мотивам преимущественного перед другими права по квалификации и т. п. признакам. Содержанием таких исков является также требование о переводе на иную работу в другие части предприятия (учреждения) на период приостановки работы данной его части. При разрешении этих исков возникает вопрос: о соотношении между основаниями и условиями увольнения по п. «а» ст. 47 КЗОТ и по п. «б» ст. 47 КЗОТ.

Пункт «а» ст. 47 КЗОТ предусматривает сокращение объема работы, т. е. его отсутствие на будущее время; пункт «б» ст. 47 КЗОТ имеет ввиду лишь временное приостановление работ.

Пункт «б» ст. 47 КЗОТ не содержит указания на приостановку деятельности всего предприятия (учреждения) в целом. Поэтому он может служить основанием увольнения работника также и в случае приостановки работ на срок более одного месяца в отдельных структурных частях предприятия (учреждения).

Всякая приостановка работ на отдельных участках предприятия (учреждения) или даже во всем предприятии (учреждении) по причинам производственного характера — образует явление простоя. В случае простоя, администрация вправе (и обязана) переводить работни-

ков, освободившихся вследствие простоя, на другую работу [1].

В случае приостановки работ (т. е. простоя) по причинам производственного характера на срок более одного месяца — администрация, помимо того, приобретает право уволить всех или определенную часть работников по п. «б» ст. 47 КЗОТ. Она оставляет обычно лишь работников, необходимых для охраны предприятия (учреждения) или для выполнения функций, осуществление которых не приостановлено.

Право администрации на увольнение работника по п. «б» ст. 47 КЗОТ можно формулировать, как право на увольнение работника в случае приостановки работ, вызывающей простой на срок свыше одного месяца по причинам производственного характера, при отсутствии возможности перевода работника на другую работу в том же или в другом предприятии (учреждении). Приведенная формулировка предусматривает дополнительные гарантии для работника, отсутствующие в редакции п. «б» ст. 47 КЗОТ (увольнение лишь в случае невозможности перевода работника на другую работу на время приостановки работ).

При возобновлении приостановленных работ — работник, уволенный по п. «б» ст. 47 КЗОТ, не состоящий в трудовых правоотношениях с какой-либо другой организацией,— должен иметь преимущественное право на получение работы, выполняемой им до увольнения. В этом направлении следует произвести уточнение норм, регулирующих увольнение по п. «б» ст. 47 КЗОТ.

В судебной практике увольнение по п. «б» ст. 47 КЗОТ иногда обосновывается не фактом приостановления работы, а фактом сокращения объема работ, дающим основание для увольнения по п. «а» ст. 47 КЗОТ. Такое смешивание оснований увольнения явно неправильно. Приостановление работ на срок свыше одного месяца, как правило, не влечет сокращения штата, регистрируемого в финансовых органах, а лишь приостанавливает отпуск средств по соответствующим должностям на период пока работы не производятся.

Поэтому из числа условий, необходимых для возмож-

[1] Ст. 37—1 КЗОТ; ст. 4 Постановления НКТ СССР № 31 от 25.II—1932 г., Известия НКТ 1932 г., № 22—23, а также ст. 5. Постановления НКТ СССР № 93 от 22—X—1932 г. Известия НКТ 1932 г., № 30.

ности увольнения работника по п. «а» ст. 47 КЗОТ, будет отсутствовать первое условие — действительность сокращения штата (или объема работы). Данное обстоятельство подтверждает правильность положения о том, что увольнение по п. «б» ст. 47 КЗОТ может иметь место при приостановке работ не только во всем предприятии (учреждении), но и в его отдельных частях.

Примером может служить дело по иску Морозова П. К. к Сумскому колхозному рынку в г. Харькове о восстановлении на работе. Морозов работал в указанном рынке в должности механика холодильной установки. Он был уволен по п. «б» ст. 47 КЗОТ в связи с приостановкою работы холодильной установки до наступления весенне-летнего периода. Морозов обратился в суд с иском о восстановлении на работе, указав, что до возобновления деятельности холодильника он согласен на другую работу, имеющуюся на Сумском рынке, в частности, на работу в качестве контролера или рубщика мяса. Суд в иске отказал, отметив в решении, что администрация была вправе уволить Морозова по п. «б» ст. 47 КЗОТ, так как работа холодильной установки была приостановлена до мая и других свободных вакансий в управлении Сумским рынком не было [1].

3. Гарантия устойчивости трудовых правоотношений выражена непосредственно в норме, изложенной в п. «з» ст. 47. КЗОТ (п. «и» ст. 47 КЗОТ УССР [2]), предусматривающей возможность увольнения работника в случае восстановления на работе в установленном законом порядке рабочего или служащего, ранее выполнявшего эту работу.

Статья 47 КЗОТ предусматривает, что трудовой договор «...м о ж е т б ы т ь расторгнут по требованию администрации в следующих случаях» и далее излагаются соответствующие пункты ст. 47 КЗОТ. Такая формулировка определяет право (но не обязанность) администрации на увольнение работника по основаниям ст. 47 КЗОТ.

Однако, при наличии определенных условий, право администрации на увольнение работника превращается в ее обязанность. Например, при осуждении работника

---

[1] Решение народного суда 2 участка Киевского района г. Харькова, 21.II—1955 г.

[2] В редакции Указа Президиума Верховного Совета УССР от 24 сентября 1958 г.

за совершенное им преступление, связанное с работой к мере наказания в виде лишения свободы (п. «д» ст. 47 КЗОТ), при сокращении штата и одновременном отсутствии работы, на которую согласен перейти работник, подлежащий сокращению (п. «а» ст. 47 КЗОТ).

В отношении увольнения по п. «з» ст. 47 возникает кажущееся несоответствие между диспозитивным характером нормы, выраженной в ст. 47 КЗОТ (право на увольнение вновь принятого работника) и императивной силой решения Комиссии по трудовым спорам, ФЗМК и суда о восстановлении на данной работе, лица ранее работавшего.

Следует учесть, что администрация вправе использовать работника по его специальности или в определенной должности в пределах всего предприятия (учреждения). Она вправе, в случае необходимости, перемещать работника на другие рабочие места, в другие отделы и цехи предприятия (учреждения) для работы по обусловленной специальности, квалификации, должности.

Поэтому в решениях о восстановлении работника на работе в определенной должности, специальности, суд не должен указывать отдела или цеха предприятия (учреждения) [1].

Следует полагать, что, выполняя решение Комиссии по трудовым спорам [2], фабзавкома или суда, администрация вправе предоставить лицу, восстановленному на работе, соответствующую должность или работу в другом отделе, цехе предприятия (учреждения) без нарушения его интересов с точки зрения квалификации, оплаты и т. д.

Необходимо учесть, что в результате применения п. «з» ст. 47 КЗОТ — нарушенное право на труд незаконно уволенного лица восстанавливается за счет нарушения права на труд лица, принятого после его увольнения.

Трудовой договор, заключенный последним, сам по себе является законным, его неустойчивость в данном случае может возникнуть лишь в результате признанной

---

[1] См., например, определение Верховного суда СССР № 36/14 по иску Маршалко к заводу о восстановлении на работе, Судебная практика Верховного суда СССР, 1951 г., № 7, стр. 28—29.

[2] В дальнейшем Комиссия по трудовым спорам будет именоваться в данной статье сокращенно — КТС.

КТС, ФЗМК или судом вины администрации, незаконно уволившей предшественника данного лица.

Поэтому необходимо исходить из наличия права на труд обоих работников, с преимущественным правом на работу незаконно уволенного лица.

Из этого положения вытекает обязанность администрации предприятия (учреждения) принять все возможные меры к предоставлению второму работнику работы, соответствующей его квалификации (специальности, должности). Подтверждением этой обязанности, в частности, является требование нормы, закрепленной в п. 6 Постановления НКТ СССР от 18 октября 1929 г. № 339 «О порядке увольнения и восстановления в должности ответственных работников», предусматривающей, что если должность, которую должен вновь занять восстанавливаемый работник, занята другим работником,— последний должен быть переведен на другую соответствующую его квалификации должность. При отсутствии такой должности работник может быть уволен с выдачей выходного пособия...» [1].

Только в том случае, если позже принятый работник не даст согласия на работу по иной вакантной должности или специальности — возникает необходимость и неизбежность его увольнения по п. «з» ст. 47 КЗОТ.

Формулировка п. «з» ст. 47 КЗОТ как права, а не обязанности администрации уволить позже принятого работника соответствует задаче охраны устойчивости трудовых правоотношений.

Однако эта формулировка прямо не предусматривает наличия у позже принятого работника права требовать оставления его на вакантной должности или работе, соответствующей его способности к труду.

Поэтому п. «з» ст. 47 КЗОТ, по нашему мнению, необходимо изложить в следующей редакции: «...в) в случае восстановления на работе в установленном законом порядке рабочего или служащего, ранее выполнявшего эту работу, при отсутствии в предприятии (учреждении) иной работы, на которую согласен перейти позже принятый работник».

Следует признать неправильным безоговорочное увольнение администрацией предприятия (учреждения)

---

[1] Известия НКТ, 1930 г., № 1—2.

позже принятого рядового работника в силу распоряжения вышестоящего органа о восстановлении на работе уволенного предшественника. Примером может служить дело по иску Потапова к воинскому учреждению о восстановлении на работе.

По приказу нач. учреждения от 6 марта 1953 г. был уволен с работы Явич А. И.

В июле 1954 г. Явич подал жалобу о неправильности его увольнения. Нач. учреждения предложено восстановить Явича в должности. Во исполнение этого 31 августа 1954 г. Явич был восстановлен на работе, а принятый на его место в марте 1953 г. Потапов уволен по п. «з» ст. 47 КЗОТ. Между тем Явич до июля 1954 г. никаких действий по восстановлению на работе не предпринимал, срок давности на обращение в конфликтные и судебные органы истек, а у Потапова же за период с 6 марта 1953 г. по 1 сентября 1954 г. сложились устойчивые трудовые правоотношения. Распоряжение, безоговорочно выполненное в порядке служебной дисциплины, нарушило право Потапова на труд.

Суд правильно удовлетворил иск Потапова о восстановлении на работе.

При применении п. «з» ст. 47 КЗОТ необходимо учитывать установленные законом специальные гарантии, которыми в ряде случаев пользуются работники, принятые на место незаконно уволенных лиц. Администрация предприятия (учреждения) обязана выполнить решение КТС, ФЗМК или суда о восстановлении на работе незаконно уволенного лица, но в то же время не вправе нарушать специальных гарантий, установленных для определенного круга лиц.

Примером может служить дело по иску уволенной по п. «з» ст. 47 КЗОТ Сонечкиной Н. к Харьковскому рыбообрабатывающему заводу «Главрыбторг» о восстановлении на работе [1].

Гр-ка Витенштейн работала на заводе в должности

---

[1] Дело нарсуда 3 участка Дзержинского района г. Харькова № 2—79/54 г., решение н/с 19.II—1954 г. и определение Харьковского облсуда № 1012 от 12.III 1954 г., а также дело н/с 3 участка Краснозаводского района, 1953 г. по иску Витенштейн к заводу о восстановлении на работе и решение н/с 24—25.XII—53 г.

нормировщика. Она была направлена в распоряжение отдела кадров как лицо, имеющее высшее планово-экономическое образование для использования на работе согласно квалификации. Витенштейн с таким «выдвижением» не согласилась.

По решению суда она была восстановлена на работе в прежней должности. Принятая на ее место гр-ка Сонечкина, проработавши 4,5 месяца, была уволена с завода по п. «з» ст. 47 КЗОТ. Она в свою очередь обратилась с требованием о восстановлении на работе, ссылаясь на то, что на момент увольнения находилась на 4—5 месяце беременности и не могла быть уволена без санкции органов профсоюза.

Учитывая Постановление УпНКТ от 4 сентября 1922 г.[1], о порядке увольнения беременных женщин, суд частично удовлетворил иск Сонечкиной, обязав администрацию завода предоставить ей другую соответствующую работу.

4. Задача наилучшей организации работы предприятий (учреждений) связана с проблемой правильного подбора и расстановки кадров по политическому и деловому признакам «...нам нужна проверка пригодности людей, проверка фактического исполнения»[2].

Принципы подбора, расстановки и воспитания кадров закреплены в Уставе Коммунистической партии Советского Союза[3].

В отчетном докладе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии отмечалась необходимость улучшить работу по подбору, воспитанию и расстановке кадров[4].

Статья 39 КЗОТ и п. «в» ст. 47 КЗОТ выражают принцип подбора и расстановки кадров и дают юридическое основание для увольнения работников, в случае установления их непригодности к обусловленной работе.

Закон не дает определения понятия непригодности к работе, что приводит в отдельных случаях к чрезмерно

---

[1] Известия УпНКТ, 1922 г., № 11.

[2] В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 33, стр. 199.

[3] Устав КПСС, принятый XIX съездом партии, п. «л» ст. 3.

[4] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, Госполитиздат, 1956 г., стр. 138.

широкому, либо к чрезмерно узкому толкованию данного понятия.

Общепринятое понятие непригодности работника к работе, как основания для увольнения по п. «в» ст. 47 КЗОТ, исходит из факта отсутствия у работника необходимой квалификации или достаточной трудоспособности (или обоих данных вместе), необходимых для выполнения возложенной на него работы [1].

Однако, наличие этих данных не всегда исчерпывает понятия пригодности к работе. В ряде случаев работник, имеющий необходимую квалификацию и достаточную трудоспособность, все же может оказаться непригодным к выполнению определенной работы, или в определенных ее условиях.

Примером может служить дело по иску артистки В. к Харьковскому театру оперы и балета о восстановлении на работе [2]. Артистка В. работала 26 лет в театре и являлась вполне квалифицированной оперной артисткой: ее возраст не отразился ни на ее голосовых данных, ни на ее трудоспособности.

Налицо были оба признака, отсутствие которых могло бы дать основание признать ее непригодной к работе в качестве оперной артистки. Тем не менее, она не могла быть использована в дальнейшем на прежней работе. Специфика данной работы состоит в том, что сценический образ в опере воспроизводится вполне художественно сочетанием голоса, игры и внешними данными артиста. Артистка В. обладала высоким лирическим сопрано, рассчитанным на выполнение ролей молодого персонажа, между тем как по внешним данным, связанным с ее возрастом, она могла быть использована лишь на работе по исполнению ролей пожилого персонажа. Перед театром стояла дилемма, при которой — либо молодой персонаж (по оперному произведению) был бы представлен старым по внешности актером, либо старый персонаж обладал неожиданно высоким и юным лирическим сопрано. И в том и в другом случае искажался сценический образ произведения и страдало эстетическое чувство зрителя.

---

[1] Н. Г. Александров. Учебник советского трудового права, 1954 г., стр. 179.

[2] Решение нарсуда 2 участка Киевского района г. Харькова от 28.II—1953 г. и определение Харьковского областного суда от 30.III—1953 г., № 1018.

Недоучет специфических данных, необходимых для выполнения определенной работы (помимо квалификации и трудоспособности) влечет неправильное сужение понятия «непригодности к данной работе».

С другой стороны, судебной практике известны случаи неправомерного расширения понятия «непригодности к работе» применительно к п. «в» ст. 47 КЗОТ.

В частности, это допускалось ранее судом в случаях освобождения от работы преподавателей высших учебных заведений, не прошедших объявленного конкурса на замещение штатных должностей. Прием на работу по конкурсу нового преподавателя и связанное с этим увольнение преподавателя, ранее занимавшего данную должность,— еще не означает непригодности последнего к данной работе. Он может быть к ней вполне пригоден, но проведение этой работы поручается администрацией лучшему работнику, подобранному по конкурсу.

Пункт «в» ст. 47 КЗОТ вообще не мог являться основанием для увольнения преподавателя, не прошедшего конкурса. По иску не прошедшего конкурса старшего преподавателя Тарасовой С. Н. к Ленинградскому университету о восстановлении на работе,— Верховный суд СССР указал на неправильность обоснования увольнения Тарасовой пунктом «в» ст. 47 КЗОТ и признал дело неподведомственным суду [1].

В порядке уточнения понятия непригодности к работе и борьбы с незаконным его расширением,— судебная практика выработала следующее положение. Отсутствие у работника специального образования само по себе не может служить основанием для увольнения работника по непригодности, если для исполнения обязанностей по данной работе (должности) закон не предусматривает, в качестве обязательного условия, наличия диплома о специальном образовании (например, для врачей) [2].

Пункт «б» ст. 3 действующих Типовых правил внутреннего трудового распорядка от 12 января 1957 г. предусматривает право администрации требовать от поступающего на работу, связанную со специальными знания-

[1] Определение Верховного суда СССР от 12.6—1954 г. № 03/567, Судебная практика 1955 г., № 1, стр. 22—23.

[2] Определение Верховного суда СССР 14.VI—1952 г. № 03/540 по делу Винокура, Судебная практика Верховного суда СССР 1952 г. № 10, стр. 28—29.

ми, предъявления диплома или иного документа об окончании высшего или среднего специального учебного заведения. Однако это право относится только к моменту зачисления на работу и не обосновывает возможности увольнения работника принятого на работу.

Нельзя согласиться с расширением понятия непригодности к работе (в смысле возможности увольнения по п. «в» ст. 47 КЗОТ) в том случае, если работник не принимает мер к повышению своей квалификации или не использует воозможности ее повышения, предоставляемой администрацией. Администрация обязана принимать все меры к тому, чтобы работники повышали свою квалификацию. Эта обязанность, в частности, вытекает из ее обязательств по коллективному договору. Однако, неиспользование работником предоставляемых ему в этом направлении возможностей само по себе не дает права администрации ставить вопрос об увольнении работника, если последний хорошо выполняет свои трудовые обязанности.

Увольнение в связи с уклонением от обучения возможно лишь в тех случаях, когда это обучение является необходимым условием допуска работника к выполнению определенной работы (например, обучение обязательному техминимуму и т. п.). В остальных случаях могут быть применены лишь меры воспитания, убеждения, т. е. методы морального, но не правового воздействия.

Поэтому нельзя признать правильным мнение М. П. Макогонова и В. С. Тадевосяна, допускавших возможность увольнения работников, не желающих повышать свою квалификацию [1].

В юридической литературе отмечалось, что увольнение по непригодности к работе является слишком общим основанием. В частности предлагалось дифференцировать это основание в зависимости от причин непригодности, выделив отдельными пунктами: а) непригодность в связи с отсутствием у работника необходимой трудоспособности (по состоянию здоровья), б) непригодность из-за отсутствия необходимой квалификации или обязательного, в силу особых условий, образования, в) непригодность из-за утраты доверия к работнику, связанному по

[1] «Советское государство и право», 1954 г., № 4, стр. 133.

работе с обслуживанием денежных и материальных ценностей [1].

В отношении последнего пункта необходимо иметь в виду следующее.

Возможность увольнения работника по указанной причине была установлена постановлением НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. № 339 [2]. Однако, принципиально нельзя согласиться с принятым в юридической литературе и судебной практике обоснованием увольнения работника в связи с утратой к нему доверия, как увольнения по п. «в» ст. 47 КЗОТ.

Если допустить, что утрата доверия не связана с фактом злоупотребления работником доверием администрации, то не было ранее никаких оснований лишать работника гарантий, предусмотренных примечанием I к ст. 47 КЗОТ в его прежней редакции в виде обязательной предварительной санкции РКК на увольнение.

Фактически увольнение по данному основанию имеет место в связи с злоупотреблением доверием или другими действиями, устанавливающими вину работника в утрате к нему доверия со стороны администрации.

Поскольку основания увольнения работника по п. «в» и п. «г» ст. 47 КЗОТ разграничиваются по признаку наличия или отсутствия вины работника в необеспечении требований производства, то увольнение работника в связи с утратой к нему доверия принципиально следует обосновать пунктом «г» ст. 47 КЗОТ.

Однако, увольнение по п. «г» ст. 47 КЗОТ возможно только за систематическое нарушение трудовых обязанностей.

Поэтому следует либо выделить увольнение в связи с утратой доверия в качестве самостоятельного основания для увольнения, либо допустить возможность увольнения по п. «г» ст. 47 КЗОТ в строго определенных случаях даже при однократном виновном нарушении трудовых обязанностей.

Судебная практика не отличается единством в вопросе о круге лиц, подпадающих под действие постановления

---

[1] В. Копаев. Увольнение рабочих и служащих ввиду непригодности «Советская юстиция», 1958 г., № 1, стр. 36.

[1] п. 6 Постановления НКТ СССР от 6.XI—1930 г. № 339 Известия НКТ 1930 г., № 31—32, «О работниках, обслуживающих денежные и товарные ценности».

НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. № 339. Увольнение вследствие утраты доверия допустимо лишь в отношении лиц, упомянутых в ст. I и примечании к ней постановления НКТ СССР от 6 ноября 1930 г., т. е. лиц, непосредственно занятых приемом, хранением, транспортированием и распределением денежных и товарных ценностей. Однако, в отдельных случаях этот круг лиц либо незаконно расширяется, либо неосновательно суживается. Сужение состоит в том, что суд относит к числу лиц, подпадающих под действие постановления НКТ СССР 6 ноября 1930 г. только лиц, заключивших письменные договоры о полной материальной ответственности за сохранность вверенных им для обслуживания товарных и материальных ценностей [1].

Между тем, наличие договора о материальной ответственности является лишь бесспорным доказательством факта обслуживания денежных и материальных ценностей лицами, подписавшими этот договор. Целью заключения этого договора является обеспечение возможности взыскания с лица, его подписавшего, полного размера ущерба предприятия (учреждения), связанного с недостачей или порчей материальных ценностей, принятых указанным лицом для обслуживания. Особое доверие к работнику со стороны администрации связано с фактом передачи работнику денежных и товарных ценностей для их обслуживания,— а не с основаниями и размерами ответственности работника за ущерб в связи с недостачей или порчей этих ценностей. Помимо того, полная материальная ответственность может возникнуть не только по договору, а и в силу закона (например, ответственность кассира).

Поэтому, ограничение круга лиц, подпадающих под действие постановления НКТ СССР от 6 ноября 1930 г., только лицами, имеющими заключенные договоры о полной материальной ответственности является неправильным.

С другой стороны, судебная практика знает случаи незаконного расширения круга лиц, могущих быть уво-

[1] См. в качестве примера, приведенное Д. Швейцером решение нарсуда Краснопресненского района г. Москвы по иску контролера текстильного отдела Центрального универмага Военторга Г. о восстановлении на работе, «Социалистическая законность», 1954 г., № 3, стр. 18—19.

ленными в связи с утратой к ним доверия. Народный суд отказал Багмут О. Ф. в иске к фабрике «Октябрь» о восстановлении на работе в должности бригадира машины, ссылаясь на то, что на рабочем месте Багмут была обнаружена уложенная в мешочек глазурь, очевидно с целью выноса с территории фабрики. Харьковский областной суд отменил это решение, так как бригадир машины не является лицом, обслуживающим денежные и товарные ценности, вверенные ему администрацией для этой цели и восстановил Багмут на работе[1]. Суд восстановил на работе в должности бухгалтера-ревизора областного управления местных торгов гр-на Савченко К. О., уволенного по мотиву утраты доверия, так как Савченко не являлся лицом, обслуживающим денежные или товарные ценности[2] и т. д.

Неосновательное увольнение работников по мотиву утраты доверия имеет место не только в связи с незаконным расширением круга лиц, подпадающих под действие постановления НКТ СССР от 6 ноября 1930 г.,— но и в связи с неправильным расширением пределов ответственности этих лиц. Особое доверие администрации к данному работнику проявляется в самом факте передачи ему определенного рода денежных и товарных ценностей для последующего их обслуживания. Злоупотребление доверием администрации может выразиться в незаконных действиях работника именно в отношении переданных ему ценностей. Поэтому понятие «утраты доверия», как основания для увольнения по постановлению НКТ СССР от 6 ноября 1930 г. следует определить как утрату доверия со стороны администрации к работнику, которому она вручила денежные и товарные ценности для их обслуживания, в связи с виновным и неправильными действиями работника в отношении именно этих ценностей. Нельзя увольнять по мотиву утраты доверия работника, не допустившего никаких нарушений в обслуживании

---

[1] Решение нарсуда 3 участка Ленинского района г. Харькова от 21.I—1954 г. и определение Харьковского областного суда от 22.II—1954 г., № 803.

[2] Решение нарсуда 4 участка Краснозаводского района г. Харькова от 14.X—1953 г. и определение облсуда от 9.XI—1953 г. № 4802; см. также решение нарсуда 2 участка Киевского района г. Харькова от 13.XI—1954 г. о восстановлении на работе Мороз и определение облсуда от 23.XII—1954 г., № 6205.

вверенных ему ценностей, хотя бы он допустил злоупотребление в отношении ценностей, находящихся на ответственном обслуживании другого лица. В этом случае основанием увольнения, в зависимости от конкретных обстоятельств, может быть либо п. «г», либо п. «д» ст. 47 КЗОТ, но не постановление НКТ СССР от 6 ноября 1930 г.

Эта точка зрения подтверждается судебной практикой [1].

Осуществляя защиту права на устойчивый труд, суд обязан тщательно проверить факты, положенные в основу увольнения работника в связи с утратой к нему доверия, и установить является ли увольнение по этому мотиву обоснованным. Отсутствие конкретных фактов, устанавливающих неправильность действий работника, обслуживающего материальные ценности, делает его увольнение по мотиву утраты к нему доверия незаконным. Факт обнаружения недостачи у материально-ответственного лица, при отсутствии вины этого лица в наступлении недостачи,— не может влечь увольнения работника по мотиву утраты к нему доверия. Увольнение работника в связи с утратой к нему доверия считается обоснованным, если действия работника, связанные с обслуживанием переданных ему денежных и материальных ценностей, являются незаконными [2].

Увольнение работника по волеизъявлению администрации связано с особой демократической гарантией для работника в виде предварительного согласия ФЗМК на его увольнение.

Роль и значение советской демократии, в частности профсоюзной общественности, во всенародной борьбе за построение коммунизма в нашей стране неуклонно возрастает. Н. С. Хрущев в своем докладе внеочередному XXI

---

[1] Решение нарсуда 1 участка Коминтерновского района г. Харькова от 24.V—1954 г. и определение Харьковского областного суда от 9.IV. 1954 г. № 2555 по делу гр. Васис.

[2] См. определение Верховного суда СССР от 4.XI—1953 г. по делу № 03/839 по иску Сумерикиной к Кемеровскому Потребсоюзу, по делу по иску Бертеневой к Курскому тресту столовых («Социалистическая законность» 1954 г. № 10, стр. 89), по иску Рухидзе к пассажирской станции Тбилиси («Социалистическая законность» 1954 г., № 4, стр. 95), а также решение народного суда 1 участка Краснозаводского района г. Харькова от 23.I—1958 г. и по делу № 2—546 по иску Гринева к Харьковскому весовому заводу и т. п.

съезду КПСС указал, что главным направлением в развитии социалистической государственности в период развернутого строительства коммунизма является всемерное развертывание демократии [1].

М. А. Суслов, выступая в прениях по докладу товарища Н. С. Хрущева, отметил, что на новом этапе строительства коммунизма значительная часть функций государственных органов будет постепенно переходить к общественным организациям и в качестве примера привел факт осуществления уже в настоящее время профсоюзами многих функций, которые раньше выполнялись государственными органами [2].

Возросшее в современных условиях значение профсоюзных органов (особенно местных профсоюзных органов) было подчеркнуто ранее в решениях XX съезда КПСС, а также в решениях декабрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС «О работе профессиональных союзов СССР». Изданное в соответствии с этими решениями положение о правах фабричного, заводского, местного комитета профсоюзов, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1958 года [3], установило, в частности, невозможность увольнения рабочих и служащих из предприятий, учреждений, организаций по инициативе администрации без согласия фабричного, заводского, местного комитета. Эта существенная гарантия устойчивости права на труд рабочих и служащих нашла свое отражение в новой редакции примечания 1-го к статье 47 КЗОТ УССР [4]. Старая редакция указанного примечания предусматривала необходимость предварительной санкции РКК лишь в случае увольнения рабочего или служащего по п. «в» ст. 47 КЗОТ.

Следует отметить, что даже по вопросу о значении предварительной санкции РКК, как действительной гарантии трудящегося от возможности неправильного его увольнения по непригодности в юридической литературе

---

[1] Доклад Н. С. Хрущева Внеочередному XXI съезду Коммунистической партии Советкого Союза «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 г.г.» (Газета «Правда» 28.I—1959 г., стр. 9).

[2] Газета «Правда» 31.I—59 г., стр. 4.

[3] Газета «Правда» 16.VII—1958 г.

[4] См. Указ Президиума Верховного Совета УССР от 24.IX — 1958 г. «О внесении изменений в Кодекс законов о труде УССР».

не было единства мнений, вплоть до издания постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 января 1952 г., обязывавшего суд немедленно восстанавливать на работе лиц уволенных администрацией по п. «в» ст. 47 КЗОТ без предварительной санкции РКК.

Кроме того, предварительная санкция РКК не могла быть заменена решением какого-либо иного органа по вопросу об установлении непригодности работника. Поэтому, например, ни решения квалификационных комиссий, ни решения аттестационных комиссий не могли заменить решения РКК и не освобождали администрацию от обязанности обращения в РКК для получения санкции на увольнение работника по п. «в» ст. 47 КЗОТ [1].

Д. В. Швейцер полагал, что факт увольнения работника по п. «в» ст. 47 КЗОТ без предварительной санкции РКК не давал сам по себе основания для восстановления уволенного на работе, что в этом случае суд обязан рассмотреть вопрос о пригодности работника по существу. Затем мнение Д. В. Швейцера совпало с судебной практикой [2].

Е. Вакман неправильно считал, что факт обращения администрации в РКК за санкцией на увольнение работника по непригодности дает ей право на увольнение работника, безотносительно к содержанию решения РКК [3].

Судебная практика исходила из того положения, что предварительная санкция РКК являлась обязательным условием возможности осуществления администрацией права на увольнение работника по п. «в» ст. 47 КЗОТ. Она не могла быть заменена ни последующим решением РКК (после увольнения работника), санкционировавшим действия администрации, ни решением суда, выне-

---

[1] Определение Верховного суда СССР от 15.VII—1953 г. по делу — 03/510 по иску Нури к Калининэнергосбыту. Судебная практика Верховного суда СССР 1953 г. № 6, стр. 28—29; определение Верховного суда СССР от 16.XII—1953 г. по делу № 03/1001 по иску Райхмана к Научно-исследовательскому институту, 1953 г. Судебная практика 1954 г. № 2, стр. 30—31.

[2] Д. В. Швейцер. Судебная практика по искам о восстановлении на работе, журнал «Социалистическая законность», 1950 г., № 12, стр. 22; Д. Швейцер. Суды охраняют трудовые права граждан, журнал «Социалистическая законность», 1954 г., № 3, стр. 18; См. также А. Е. Пашерстник. Право на труд, изд. АН СССР, 1951 г., стр. 53—56.

[3] Е. Вакман. Иски о восстановлении на работе, журнал «Социалистическая законность», 1951 г., № 6, стр. 39.

сенным при отсутствии предварительной санкции РКК — на увольнение[1].

В связи с введением нового порядка рассмотрения трудовых споров Положением от 31 января 1957 г.,— В. Фомина пришла к выводу, что примечание 1-е к ст. 47 КЗОТ утратило силу и для увольнения по п. «в» ст. 47 КЗОТ предварительной санкции КТС не требуется[2].

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 13 сентября 1957 г. № 13 на данный вопрос ответа не дало. Члены Верховного суда СССР П. Бардин[3] и В. Панюгин[4], исходя из невозможности обращения администрации в КТС, а работника — непосредственно в суд,— пришли к выводу аналогичному с Фоминой, но отметили, что данный вопрос должен быть разрешен в законодательном порядке.

Н. П. Макарова дополнила указанные мотивы соображением о недопустимости двойного разрешения одними и теми же органами спорного вопроса: первый раз —в порядке предварительной санкции на увольнение, а второй раз — по заявлению работника о неправильности его увольнения[5].

Изменение примечания 1-го к ст. 47 КЗОТ РСФСР по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 января 1958 г. не соответствовало указаниям декабрьского

---

[1] Определение Верховного суда СССР от 10.X—1953 г. по делу № 03/761 по иску Боровикова к Главному Управлению Гражданского Воздушного флота, Судебная практика Верховного суда СССР, 1954 г., № 2, стр. 31; определение Верховного суда от 19.XII—1951 г. по делу № 36/1096 по иску Гайлитиса к Сортовому управлению Министерства сельского хозяйства Латвийской ССР, Судебная практика 1952 г., № 3, стр. 34—35; определение Верховного Суда УССР от 27.IV—1953 г., по делу № 06/2140 П-53 по иску Боровой к тресту Харгипромост и т. д.

[2] В. Фомина. Спорные вопросы судебной практики по трудовым делам. «Социалистическая законность», 1957 г., № 8, стр. 6—8.

[3] П. Бардин. Новое руководящее разъяснение Пленума Верховного суда СССР по гражданским трудовым делам. Бюллетень Верховного суда СССР, 1957 г. № 5, стр. 26—32.

[4] В. Панюгин. Новое в судебной практике по рассмотрению гражданских трудовых дел. «Социалистическая законность», 1957 г., № 12. стр. 5—12.

[5] Н. М. Макарова. Новое положение о порядке рассмотрения трудовых споров в судебной практике. «Советское государство и право», 1957 г. № 9 стр. 107.

(1957 г.) Пленума ЦК КПСС по вопросу о расширении прав ФЗМК.

Новая редакция этого примечания предусматривала необходимость предварительного согласия ФЗМК лишь для случая увольнения работника по непригодности к работе, в то время как Пленум ЦК КПСС устанавливал невозможность увольнения рабочих и служащих по инициативе администрации без согласия ФЗМК во всех случаях, а не только в случае непригодности к работе.

Полностью отвечает требованиям этого Пленума Указ Президиума Верховного Совета УССР от 24 сентября 1958 г., согласно которому в примечании 1-м к ст. 47 КЗОТ УССР установлена возможность увольнения рабочих и служащих по инициативе администрации по любым основаниям ст. 47 КЗОТ только с согласия ФЗМК.

Так укрепились и расширились гарантии, обеспечивающие право на устойчивый труд.

5. В числе условий, содействующих правильному подбору кадров, прохождение предварительного испытания в течение определенного ст. 38 КЗОТ срока — является одним из способов проверки пригодности принимаемых на работу лиц к выполнению поручаемой им работы. В случае непригодности работника к работе, установленной администрацией в период испытательного срока,— администрация в силу ст. 39 КЗОТ, вправе его отчислить без предупреждения и выплаты выходного пособия, с оплатой за фактически проработанное время.

Такое увольнение производится в связи с необеспечением работником требований производства, без наличия в этом вины работника.

Оценку результатов испытания дает администрация. Однако, работник, несогласный с такой оценкой, вправе обратиться в установленном порядке с требованием о восстановлении его на работе [1].

В этих случаях следует проверить действительно ли имеются факты, свидетельствующие о непригодности принимаемого на работу лица к выполнению этой работы и не являются ли указанные факты результатом необеспечения работнику необходимых условий работы со стороны администрации.

[1] См. решение народного суда 4 участка Сталинского района г. Харькова по делу № 2—32 за 1958 г. по иску Аксенова о восстановлении на работе.

Кроме того, следует выяснить осуществлено ли увольнение работника в пределах испытательного срока или же после его истечения [1].

В юридической литературе зачисление на работу с испытательным сроком расценивается как заключение трудового договора с первого же дня работы, но под отменительным условием.

В частности, эту точку зрения высказали Н. Г. Александров [2], В. Догадов [3] и др.

А. Е. Пашерстник не квалифицирует такой договор, как заключенный под отменительным условием, но исходит из того, что само условие о предварительном испытании устанавливается лишь по соглашению между работником и администрацией и является одним из условий заключенного трудового договора [4].

Судебная практика также исходила из указанной точки зрения. Вопреки ей, Верховный суд РСФСР по делу по иску Корвякова к Московской конторе «Проектстроймеханизация» признал, что до окончания испытательного срока трудовой договор не считается заключенным в окончательной форме, так как он заключен под отлагательным (а не отменительным) условием. Поэтому права и обязанности по договору наступают для сторон лишь по окончании испытательного срока в зависимости от результатов испытания. Исходя из этого Верховный суд РСФСР сделал ряд процессуальных выводов [5].

Пленум Верховного суда СССР постановлением от 26 сентября 1958 г. отменил определение Верховного суда РСФСР и постановление Президиума этого суда по данному делу и отметил, что в случаях, когда администрация при приеме на работу оговорила условие об испытательном сроке, трудовой договор является заключенным

---

[1] См. решение нарсуда 3 участка Октябрьского района г. Харькова от 19.I—1958 г. по делу № 2—120 по иску Колесник о восстановлении на работе.

[2] Учебник советского трудового права, Госюриздат, 1952 г., стр. 142.

[3] В. Догадов. Неправильная ориентация судебных органов, Журнал «Социалистическая законность» 1957 г. № 12, стр. 60.

[4] А. Е. Пашерстник. Рассмотрение трудовых споров, Госюриздат 1958 г., стр. 99—100.

[5] «Советская Юстиция» 1957 г. № 4, стр. 76.

с первого дня работы, хотя и под отлагательным (а не отменительным) условием [1].

Следует отметить характерный факт, что несмотря на квалификацию зачисления на работу с испытательным сроком то как договора, заключенного под отменительным условием, то как договора, заключенного под отлагательным условием — сторонники этих противоположных точек зрения (юристы и Верховный суд СССР) пришли к единому выводу, что трудовой договор является заключенным с первого же дня работы.

Этот факт дает основание полагать, что применение категорий гражданского права к трудовым правоотношениям не может иметь места без учета сущности права на труд, как субъективного права советского гражданина, возникшего с построением социалистического общества.

Из особенности права на труд, как права на получение гарантированной государством работы по специальности и квалификации работника с устойчивым осуществлением обусловленной работы в обусловленном месте и оплатой труда по его количеству и качеству,— вытекает то положение, что зачисление на работу, даже с установлением испытательного срока, является заключением трудового договора с первого же дня работы.

Особенности же права администрации на увольнение работника в пределах испытательного срока определяются ее обязанностью правильного подбора и последующей расстановки кадров по их политическим и деловым признакам для обеспечения нужд социалистического производства.

6. Право администрации предприятия (учреждения) на увольнение работника наступает при наличии факта двухмесячного отсутствия работника по причине его временной нетрудоспособности (пункт «ж» ст. 47 КЗОТ).

Эта норма не является императивной. Поэтому право администрации на увольнение работника по данному основанию не связано с обязанностью увольнения работника. Администрация обязана сохранять место за заболевшим работником в течение двух месяцев со дня утраты последним трудоспособности и вправе сохранять для него место после истечения этого срока.

Практика Верховного суда СССР выдвинула положе-

[1] «Бюллетень Верховного суда СССР», 1958 г., № 6, стр. 9—11.

ние, обязывающее суд в каждом отдельном случае учитывать данные, связанные как с личностью работника, уволенного по п. «ж» ст. 47 КЗОТ, так и со спецификой производства. Это предопределяет право суда признавать увольнение по указанному основанию не вызывающимся производственной необходимостью и восстанавливать уволенных лиц на работе, хотя бы администрация предприятия (учреждения) осуществила увольнение работника по истечении двухмесячного срока от даты утраты им трудоспособности (т. е. в полном соответствии с п. «ж» ст. 47 КЗОТ). Такое положение выдвинуто, например, в определении Верховного суда СССР по делу по иску Кавериной к Куйбышевскому механическому заводу о восстановлении на работе [1].

Следует отметить, что выдвинутое положение может применяться лишь как исключение, при проявлении бюрократизма и формализма со стороны администрации предприятия (учреждения), увольняющей полноценного работника с одновременным нарушением интересов производства и работника. Общей установкой при разрешении исков о восстановлении на работе лиц уволенных по п. «ж» ст. 47 КЗОТ это положение являться не может. В противном случае в судебной практике неизбежно возникнут случаи нарушения судом прав администрации по управлению предприятиями (учреждениями).

Отступление от общей нормы, предусмотренной в п. «ж» ст. 47 КЗОТ, может иметь место лишь в том случае, если оно не будет противоречить требованию обеспечения предприятия (учреждения) трудоспособными работниками, не будет нарушать права на устойчивый труд других работников, принятых на работу, взамен уволенных по п. «ж» ст. 47 КЗОТ.

Отсутствие приказа администрации об увольнении работника по истечении предельного срока со дня его заболевания (утраты трудоспособности) влечет ряд спо-

---

[1] Определение Верховного суда СССР от 8.VII—1953 г. по делу № 03/488, Судебная практика Верховного суда СССР, 1953 г. № 6, стр. 27—28; см. также: решение суда 2 участка Октябрьского района г. Харькова 21.IV—1954 г. и определение Харьковского облсуда 10.V—1954 г. № 2040 по иску Ильиной к заводу «Красный химик»; решение нарсуда 2 участка Краснозаводского района г. Харькова от 30.XII—1954 г и определение Харьковского облсуда № 337 от 24.I—1955 г. по иску Токаренко к заводу «Вторчермет».

ров. Разрешение их должно производиться с учетом того, оставалась ли должность работника никем не замещенной (даже временно) или на место заболевшего, на время его болезни, был принят другой работник.

В первом случае, если работник явился на работу (после истечения предельного срока со дня утраты им трудоспособности) он должен быть допущен к работе и с момента явки на работу уже не может быть уволен по п. «ж» ст. 47 КЗОТ[1].

Во втором случае (когда на место заболевшего принят другой работник), неосуществление администрацией своего права на увольнение отсутствующего по болезни работника может иметь место лишь до определенного предела: до момента, когда лицо, временно замещающее заболевшего, становится работником постоянным. При наличии особой ценности для производства заболевшего работника, администрация вправе не увольнять его и после наступления указанного момента. Однако, администрация должна будет предоставить ему соответствующую работу без нарушения прав второго работника на устойчивый труд по выполняемой работе (занимаемой должности). Выдвигаемое положение вытекает из сопоставления п. «ж» ст. 47 КЗОТ с нормами Постановления ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г.[2] «Об условиях труда временных рабочих и служащих». Согласно п. «б» ст. 1 указанного постановления лица, принятые для замещения временно отсутствующих работников, признаются временными работниками в пределах четырех месяцев работы по замещению. После того, в силу п. «а» ст. 22 этого же Положения, они становятся постоянными работниками в случае сохранения трудового правоотношения.

Тенденция судебной практики восстанавливать на работе уволенных по п. «ж» ст. 47 КЗОТ лиц даже в тех

---

[1] См. решение нарсуда 2 участка Сталинского района г. Харькова от 3.IV—1954 г. и определение Харьковского облсуда от 16.IV—1954 г. по делу № 2—292 по иску Соломенко к ЖКО ХТЗ о восстановлении на работе политвоспитателя. Решение нарсуда 1 участка Коминтерновского района г. Харькова от 3.II—1955 г. и определение Харьковского облсуда № 777 от 23.II—1955 г. по делу по иску Педанько к Велозаводу о восстановлении на работе; решение нарсуда Староверовского района от 6.IV—1956 г. по делу № 2—76 по иску Бондаренко С. В. к Староверовской конторе «Заготскот» и т. д.

[2] СЗ СССР, 1927 г., № 9, ст. 80.

случаях, когда они отсутствовали по болезни на работе свыше 2-х месяцев,— выдвинула соображение о целесообразности удлинения в законодательном порядке срока, истечение которого дает право администрации на увольнение длительно болеющего работника [1]. Следует полагать, что таким сроком должен быть четырехмесячный срок, предусмотренный п. «ж» ст. 47 КЗОТ БССР. Установление его в КЗОТ остальных республик приводило бы в полное соответствие п. «ж» ст. 47 КЗОТ с п. «б» ст. 1 Постановления ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г. об условиях труда временных рабочих и служащих [2].

---

[1] См. «Советское государство и право» 1954 г., № 4, стр. 133—134.

[2] А. Е. Пашерстник. «Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде», изд. АН СССР, 1955 г., стр. 150—151. С. С. Розенкранц. Из практики судов по искам о восстановлении на работе, «Советское государство и право», 1958 г., № 1, стр. 114.

В. В. ГРЕЧКО.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЗЕМЕЛЬНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ (ЗЕМГРОМАДАМИ) И СЕЛЬСКИМИ СОВЕТАМИ В УССР

(1922 — 1930 г.г.)

XX съезд КПСС поставил перед советскими историками ответственную задачу — путем всестороннего и глубокого изучения исторических фактов на основе марксистско-ленинской методологии показать возникновение и развитие Советского социалистического государства и национальных социалистических республик, являющихся составными, суверенными частями советской социалистической Федерации.

Украинский народ под руководством Коммунистической партии вслед за великим русским народом и при его бескорыстной братской помощи установил диктатуру пролетариата, обрел свою национальную независимость, создал свое национальное социалистическое государство и ныне вместе со всеми братскими народами строит коммунистическое общество.

В истории нашего социалистического государства в целом и отдельных советских республик есть много общего, единого, что обуславливалось единством их экономического и политического развития. Вместе с тем в истории отдельных советских республик имели место и характерные особенности, которые определялись конкретными историческими условиями экономического, политического и национального развития.

В настоящей статье сделана попытка показать историю возникновения и развития одного из интересных

явлений в жизни украинского села — так называемых земельных громад (земобществ) и их взаимоотношений с сельскими советами как органами диктатуры пролетариата. В советской юридической литературе очень немногочисленны исследования, которые бы показывали правовое положение земельных обществ, как землепользователей, в период до завершения сплошной коллективизации (см. статью проф. И. Б. Новицкого «Земельное общество в советском законодательстве» в журнале «Вестник землеустройства и переселения» № 1, 1927 г.)

Нет больших исследований этого вопроса и в УССР. Поэтому изучение этого малоисследованного вопроса поможет разработке ряда проблем истории государства и права Украинской ССР.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожив буржуазно-помещичий строй в России, ликвидировала частную собственность на землю, освободила многомиллионные массы крестьянства от гнета капитала, расчистила земельные отношения от феодально-крепостнических пережитков, национализировала всю землю и передала на праве пользования тем, кто ее обрабатывает своим трудом.

Таким образом, пролетарская революция в России впервые в истории человечества самым справедливым и демократическим путем разрешила вопрос о земле.

Исторический ленинский декрет «О земле», принятый II Всероссийским съездом Советов, создал все условия для утверждения в нашей стране такого земельного строя, который дает «...наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии» [1].

Крестьянство бывшей царской России получило из рук Советской власти более 150 млн. десятин земли и освобождалось от огромных арендных платежей за землю в сумме свыше 700 млн. рублей золотом. Помимо этого, пролетарская революция аннулировала неоплатные долги крестьянства за ранее купленную землю только

[1] В. И. Ленин, Соч, т. 28, стр. 291.

одному Крестьянскому банку в сумме 1326 млн. руб. золотом.

Победившая в центре России социалистическая революция с октября 1917 г. по январь-февраль 1918 г., триумфальным маршем распространялась повсеместно, и вскоре при братской помощи великого русского народа победила и на Украине.

I-й Всеукраинский съезд Советов (декабрь 1917 г.) провозгласил Украину Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избрал первое советское правительство Украины — Народный Секретариат и поручил ему «...немедленно распространить на территории Украинской Республики все декреты и распоряжения Рабоче-Крестьянского Правительства Федерации, которые имеют общее для всей федерации значение,— о земле, о рабочем контроле над производством, о полной демократизации армии, установить между Рабоче-Крестьянским Правительством Российской Федерации и Рабоче-Крестьянским Правительством Украины полную согласованность в целях и действиях» [1].

Социалистическая революция на Украине была неотъемлемой частью Великой Октябрьской социалистической революции, она обуславливалась теми же объективными экономическими и политическими предпосылками, развивалась на основе тех же закономерностей, решала одни и те же задачи.

В то же время процесс коренной ломки земельных отношений на Украине, борьба за укрепление и развитие союза рабочего класса и крестьянства имели ряд особенностей, обусловленных своеобразной расстановкой классовых и национальных сил: сравнительно экономически мощные кулацкие хозяйства, их значительное политическое влияние на бедняков и середняков; организационное сплочение кулачества, различия в национальном составе пролетариата и крестьянства, особая активность буржуазно-националистических контрреволюционеров, прикрывавших свою классово-враждебную сущность флагом борьбы за национальное освобождение, «самостійну Україну» и др.

Все эти факторы создавали определенные трудности

---

[1] Резолюції Всеукраїнських з'їздів Рад, Партвидав «Пролетар», 1932 р., стор. 12.

в ходе борьбы за установление Советской власти на Украине и в решении важнейших вопросов строительства социализма в городе и деревне.

Под руководством созданной в июле 1918 г. Коммунистической партии Украины рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством, ломая сопротивление буржуазно-националистической контрреволюции и всех остатков свергнутых эксплуататорских классов, шаг за шагом перестраивали хозяйственные и общественные отношения на социалистических принципах, пробуждали творческие силы ранее угнетенного народа и направили их на построение социалистического общества.

Социалистическая революция на Украине передала трудящемуся крестьянству Украины 13 193,3 тыс. десятин конфискованных помещичьих земель, кроме того Правительство Украины оставило в фонде государственного запаса около 1,5 млн. десятин для последующего наделения землей крестьян-переселенцев [1]. Все это почти удвоило надельное землепользование бедноты и середняков на Украине после установления советской власти.

В 1920 г. на Украине завершился процесс распределения земли между крестьянами на принципах трудового уравнительного землепользования. Советская власть оказывала всяческое содействие развитию товариществ по совместной обработке земли, коллективных хозяйств на основе строгой добровольности.

В это время на Украине насчитывалось 4046 тыс. единоличных крестьянских хозяйств (увеличение против 1913 г. на 15,6%), 571 совхоз, 274 колхоза (по данным из 6 губерний). Общая посевная площадь Республики составляла 16721 тыс. десятин, что на 15% меньше, чем в 1913 г. [2].

Следует отметить, что в это время положение в сельском хозяйстве на Украине было чрезвычайно тяжелым. Трудности в деревне усугублялись наличием значительного количества экономически крепких кулацких хозяйств (до 5% от общего количества крестьянских дворов), которые, накопив большое количество хлеба от предыдущих урожаев, саботировали хлебозаготовки, пы-

[1] «История земельных отношений и землеустройства», ГИСХЛ, М., 1956 г., стр. 137.

[2] Очерки развития народного хозяйства УССР, изд. АН СССР. М. 1954 г., стр. 186—188.

тались голодом задушить советскую власть. Кулачество было инициатором создания контрреволюционных банд, терроризировало сельское население, всячески пыталось разваливать работу Советов, кооперации и других общественных организаций крестьянства.

Учитывая сложную обстановку в украинском селе, огромные трудности в продовольственном вопросе, IV конференция КП(б)У (март 1920 г.) поставила перед всеми партийными и советскими органами Республики задачу подорвать влияние кулака на селе, ликвидировать так называемую «атаманщину» и буржуазно-националистический кулацкий бандитизм, повсеместно укреплять местные Советы, опираться в своей работе прежде всего на бедняка, добиваться союза бедняков с середняками.

Для успешного выполнения этих задач IV конференция КП(б)У предложила проводить на местах согласованную работу партийных, продовольственных, земельных, советских органов «... с целью организованного использования законов о земле, разверстке и снабжении сельского населения,— путем объединения сельской бедноты. Только этим путем может быть создан на селе противовес кулачеству и обеспечено политическое сочувствие средних крестьян Советской власти» [1].

Выполняя решения партийной конференции, ВУЦИК 9 мая 1920 г. принял постановление о создании на Украине сельских и волостных комитетов незаможных селян (КНС). Это постановление затем было утверждено IV Всеукраинским съездом Советов (май 1920 г.) [2]. Съезд определил, что КНС создаются для защиты интересов бедняков и середняков и имеют своей задачей ускорить проведение в жизнь мероприятий по наделению землей безземельных и малоземельных крестьян, проводить в жизнь закон о хлебной разверстке и обеспечить сельскую бедноту определенной частью заготовленного по разверстке хлеба, всемерно помогать Советской власти в борьбе с бандитизмом, безграмотностью, кулацким засилием и т. д.

В состав КНС входили крестьяне, которые в соответствии с земельным законом должны наделяться землей

[1] Комуністична партія України в резолюціях з'їздів і конференцій, 1958 р., стор. 52.

[2] Резолюції Всеукраїнських з'їздів Рад, Харків. 1932, стор. 77.

в соответствии с решением II Всеукраинского съезда Советов (март 1918 г.) [1] предусматривал, что при определении потребительско-трудовой нормы в распределении земель и при определении среднего крестьянского землевладения необходимо принимать во внимание лишь те земли, которые до 1917 г. находились в фактическом пользовании крестьян-тружеников, т. е. купленные крестьянскими обществами, товариществами и отдельными лицами, а также надельные и арендуемые.

Признавая право землепользования за сельскими крестьянскими обществами, декрет прямо указывает, что право пользования землей сельскохозяйственного назначения предоставляется сельскохозяйственным коммунам, сельскохозяйственным товариществам, сельским обществам, отдельным семьям и лицам.

Кроме земель сельскохозяйственного назначения и подсобных угодий сельские земельные общества в своем пользовании имели леса местного значения, месторождения общераспространенных полезных ископаемых, рыбохозяйственные угодья (озера, пруды), неудобные земли, а также маслобойки, мельницы, крупорушки, общественные бани, избы-читальни, сельскохозяйственный инвентарь, прокатные пункты, случные пункты и т. д.

Правовое положение сельских земельных обществ регламентировалось земельными кодексами советских республик, в частности, в УССР Земельным Кодексом, утвержденным Всеукраинским Центральным Исполнительным Комитетом Советов 29 ноября 1922 г. [2].

Земельный Кодекс УССР, объявляя все земли в пределах Республики, в чьем бы ведении они ни состояли, собственностью Рабоче-Крестьянского государства, устанавливал, что право непосредственного пользования землями сельско-хозяйственного назначения из состава единого государственного земельного фонда на установленных законом основаниях предоставляется трудовым земледельцам и их объединениям, городским поселениям, государственным учреждениям и предприятиям.

Государство создавало специальный земельный запасный фонд, находящийся в ведении Народного Комиссариата Земледелия, и могло особым постановлением и

---

[1] Резолюції Всеукраїнських з'їздів Рад. 1932 р. стор. 25—35.
[2] СУ УССР 1922, отд. 1, № 51, ст. 750.

на особых условиях предоставлять земли в пользование учреждениям, кооперативным и общественным организациям, а также отдельным лицам.

Кодекс устанавливал очередность наделения землей из запасного фонда, причем в первую очередь землей наделялись трудовые сельско-хозяйственные товарищества, созданные из членов КНС, во вторую очередь наделялось землей безземельное и малоземельное население и батраки, в третью очередь — пришлое земледельческое население, в четвертую — неземледельческое население.

Все землепользователи, ведущие сельское хозяйство на землях, находящихся в пользовании земельных обществ, а также и на других землях подчинялись общему контролю земельных органов и обязывались правильно использовывать предоставленные им земли.

Права и обязанности сельских земельных обществ, как землепользователей, определялись общими законами Республики, ее Земельным Кодексом, узаконениями и распоряжениями, издаваемыми в его развитие, а также уставами (приговорами) земобществ. Здесь также могли применяться и местные обычаи, если они не противоречили законам.

Одним из важных положений, характеризующих роль сельских земельных обществ было то, что право на землю могло быть осуществлено землепользователем лишь в составе земельного общества с подчинением установленному обществом порядку землепользования. Допускалось отдельное от общества землепользование в случае наличия у землепользователя обособленного участка, если он желает перейти к улучшенной системе хозяйства.

Право на землю трудового пользования являлось бессрочным и признавалось в виде права на долю земли из надела земельного общества, на участие в совместном пользовании угодьями земельного общества. Для вновь организуемых хозяйств надел земли производился земобществом за счет свободных земель в соответствии с уставом общества по его приговору.

Кодекс предусматривал возможность добровольного отказа от права на землю при согласии всех членов данного двора, о чем делалось соответствующее заявление тому обществу, в котором состоит хозяйство.

в первую очередь, а также те, кто в связи с экономической слабостью освобождался от хлебной разверстки, не имел семян, продуктов и крестьяне-батраки.

Закон определял взаимоотношения КНС с сельскими и волостными органами Советской власти. Волисполкомы и сельсоветы должны были оказывать всяческую помощь КНС, а КНС в свою очередь помогать сельсоветам и волисполкомам в проведении мероприятий, касающихся интересов бедняков и середняков. КНС предоставлялось право обжалования постановлений сельсоветов и волисполкомов в уездные и губернские исполкомы. Все земельные вопросы и вопросы продовольствия решались совместно с КНС, при их активном участии.

Украинские КНС были органами пролетарской диктатуры на селе, опорой рабочего класса в деревне. В несколько измененном в 1925 г. правовом положении они просуществовали до завершения сплошной коллективизации на Украине.

Высокую оценку работе украинских КНС дал XIII съезд РКП(б), который указал, что «...опыт украинских комнезамов в основном оправдал себя в украинских условиях»[1].

В рассматриваемый период на Украине была твердо установлена система органов советской власти, непосредственно занимавшихся вопросами проведения в жизнь советской земельной политики, регулирования аграрных отношений на местах.

В составе Советского правительства Украины был Народный Комиссариат по земельным делам. В составе губернских, уездных, волостных исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов учреждались земельные отделы.

Земельные отделы подчиняли свою деятельность местным органам советской власти, строго проводили в жизнь советское земельное законодательство. Занимаясь вопросами распределения земель и управления ими, земельные органы Республики добивались наиболее продуктивного использования земли, как национального богатства, боролись за подъем производительных сил в сельском хозяйстве, внедряли сельскохозяйственную технику, распространяли агрономические знания среди тру-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, стр. 854.

дового земледельческого населения, всячески поощряли коллективные формы обработки земли.

Характерной особенностью землепользования на Украине в рассматриваемый период было то, что крестьянство (бедняки, середняки, кулаки) входило в так называемые земельные общества (земгромады).

Земельные общества (общества землепользователей) рассматривались советским законодательством как совокупность крестьянских дворов, имеющих общее землепользование полевыми землями и другими сельскохозяйственными угодьями — лугами, выгонами и т. д.

Такая форма землепользования сложилась в нашей стране еще задолго до победы пролетарской революции после отмены крепостного права в 1861 г. Она была остатком старого земельного строя и определяла общность землепользования иногда нескольких населенных пунктов, пользование нераздельными угодьями (выпасами). При отмене крепостного права многим семьям земельные наделы были отведены в совместное пользование по установленному общиной севообороту. Такое землепользование было исторически обусловлено развитием земледелия в пореформенный период.

Земельные общества сохранялись после победы Октябрьской революции в ряде губерний центральной, северо-западной части страны и на Украине.

При этом следует отметить, что если до Октябрьской революции земельные общества выполняли административные функции (выборы сельских старост, высылка в отдаленные места неугодных элементов, разверстка налогов и т. п.), то в условиях советской власти земельные общества являлись лишь объединениями крестьянских хозяйств, имеющих общее землепользование, устанавливали и изменяли порядок пользования земельными угодьями, допуская при этом свободный выбор форм землепользования.

Советское земельное законодательство как и принятые в 1922 г. земельные кодексы РСФСР и УССР,— а в 1925 г. БССР определяли субъектами права трудового землепользования как единоличные крестьянские хозяйства, так и коллективные объединения трудового крестьянства (ТОЗ'ы, коммуны и др.).

Декрет «О социализации земли», принятый ВЦИК'ом РСФСР в феврале 1918 г. и распространенный на Украине

в соответствии с решением II Всеукраинского съезда Советов (март 1918 г.) [1] предусматривал, что при определении потребительско-трудовой нормы в распределении земель и при определении среднего крестьянского землевладения необходимо принимать во внимание лишь те земли, которые до 1917 г. находились в фактическом пользовании крестьян-тружеников, т. е. купленные крестьянскими обществами, товариществами и отдельными лицами, а также надельные и арендуемые.

Признавая право землепользования за сельскими крестьянскими обществами, декрет прямо указывает, что право пользования землей сельскохозяйственного назначения предоставляется сельскохозяйственным коммунам, сельскохозяйственным товариществам, сельским обществам, отдельным семьям и лицам.

Кроме земель сельскохозяйственного назначения и подсобных угодий сельские земельные общества в своем пользовании имели леса местного значения, месторождения общераспространенных полезных ископаемых, рыбохозяйственные угодья (озера, пруды), неудобные земли, а также маслобойки, мельницы, крупорушки, общественные бани, избы-читальни, сельскохозяйственный инвентарь, прокатные пункты, случные пункты и т. д.

Правовое положение сельских земельных обществ регламентировалось земельными кодексами советских республик, в частности, в УССР Земельным Кодексом, утвержденным Всеукраинским Центральным Исполнительным Комитетом Советов 29 ноября 1922 г. [2].

Земельный Кодекс УССР, объявляя все земли в пределах Республики, в чьем бы ведении они ни состояли, собственностью Рабоче-Крестьянского государства, устанавливал, что право непосредственного пользования землями сельско-хозяйственного назначения из состава единого государственного земельного фонда на установленных законом основаниях предоставляется трудовым земледельцам и их объединениям, городским поселениям, государственным учреждениям и предприятиям.

Государство создавало специальный земельный запасный фонд, находящийся в ведении Народного Комиссариата Земледелия, и могло особым постановлением и

---

[1] Резолюції Всеукраїнських з'їздів Рад. 1932 р. стор. 25—35.
[2] СУ УССР 1922, отд. 1, № 51, ст. 750.

на особых условиях предоставлять земли в пользование учреждениям, кооперативным и общественным организациям, а также отдельным лицам.

Кодекс устанавливал очередность наделения землей из запасного фонда, причем в первую очередь землей наделялись трудовые сельско-хозяйственные товарищества, созданные из членов КНС, во вторую очередь наделялось землей безземельное и малоземельное население и батраки, в третью очередь — пришлое земледельческое население, в четвертую — неземледельческое население.

Все землепользователи, ведущие сельское хозяйство на землях, находящихся в пользовании земельных обществ, а также и на других землях подчинялись общему контролю земельных органов и обязывались правильно использовывать предоставленные им земли.

Права и обязанности сельских земельных обществ, как землепользователей, определялись общими законами Республики, ее Земельным Кодексом, узаконениями и распоряжениями, издаваемыми в его развитие, а также уставами (приговорами) земобществ. Здесь также могли применяться и местные обычаи, если они не противоречили законам.

Одним из важных положений, характеризующих роль сельских земельных обществ было то, что право на землю могло быть осуществлено землепользователем лишь в составе земельного общества с подчинением установленному обществом порядку землепользования. Допускалось отдельное от общества землепользование в случае наличия у землепользователя обособленного участка, если он желает перейти к улучшенной системе хозяйства.

Право на землю трудового пользования являлось бессрочным и признавалось в виде права на долю земли из надела земельного общества, на участие в совместном пользовании угодьями земельного общества. Для вновь организуемых хозяйств надел земли производился земобществом за счет свободных земель в соответствии с уставом общества по его приговору.

Кодекс предусматривал возможность добровольного отказа от права на землю при согласии всех членов данного двора, о чем делалось соответствующее заявление тому обществу, в котором состоит хозяйство.

В случае нарушения земельных прав как земельных обществ, так и отдельных землепользователей, а также в случае не основанного на законе вмешательства в их хозяйства, возникший спор разрешался судебно-земельной комиссией (так называемым «земельным судом») по заявлению землепользователя; комиссия обязана была разрешить спор по существу и восстановить нарушенное право.

Создание нового земельного строя, базирующегося исключительно на государственной собственности на землю и трудовом пользовании землей, потребовало установления нового порядка разрешения земельных споров, возникающих как в ходе распределения земель в пользование, так и по вопросам ее практического использования.

Уже в 1921 г. в УССР при народных судах и советах народных судей были созданы специальные земельные коллегии для решения земельных споров, куда входили: народный судья, представитель земельного отдела, член КНС.

Совершенствуя структуру и компетенцию органов, занимающихся решением земельных споров, 13 сентября 1922 г. ВУЦИК принял постановление «О порядке разрешения земельных споров»[1]. В соответствии с этим в УССР были созданы волостные, уездные и губернские земельные комиссии, утверждаемые исполкомом соответствующего Совета и работающие при земельных органах.

Высший контроль по земельным спорам и рассмотрение кассационных жалоб на приговоры губернских земельных комиссий осуществляла Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам при ВУЦИК'е в составе 3 человек. Этим же постановлением определялась компетенция волостных, уездных и губернских земельных комиссий. В частности, волостная комиссия рассматривала споры, возникавшие во время проведения межселенного и внутриселенного землеустройства, споры о праве пользования землей в пределах волости как отдельных дворов, граждан, так и земельных обществ. Неудовлетворенная сторона имела право обжаловать приговор волостной комиссии в уездную в порядке кассации.

В дальнейшем Земельный Кодекс УССР в главе «О порядке разрешения земельных споров» (окончатель-

[1] СУ УССР, 1922, № 42, ст. 604.

но определивший название земельных комиссий как «судебно-земельные», уточнивший состав их), а также циркуляр НК Земледелия и НКЮ УССР от 13 января 1923 года «О порядке разрешения споров по земельным делам»[1] определили порядок рассмотрения дел в судебно-земельных комиссиях как в первой, так и во второй инстанциях, причем этот циркуляр устанавливал апелляционный порядок рассмотрения в уездной судземкомиссии дел, решенных волостной судземкомиссией.

В середине 1925 г. после ликвидации в УССР губерний и перехода на трехстепенную систему управления (центр — округ — район) возникла необходимость изменить систему органов, разрешающих земельные споры.

В соответствии с постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 16 сентября 1925 г. «О дополнении ст. ст. 25, 189 и об изменении и дополнении части IV раздела III Земельного Кодекса УССР»[2] был изменен состав судебно-земельных комиссий.

Так, в составе райсудземкомиссии учреждались постоянные ее члены (утверждаемые райисполкомом в количестве 3 человек) и народные заседатели (избираемые также как и народные заседатели судов), окрсудземкомиссия состояла из 5 человек. Был установлен порядок рассмотрения дел в Особой Коллегии Высшего Контроля (ОКВК) по земельным спорам, которая получила право также ревизировать и контролировать работу окрсудземкомиссий. Такое же право получили окрсудземкомиссии в отношении к райсудземкомиссиям. Был ликвидирован апелляционный порядок рассмотрения земельных дел. Все дела по существу разрешались только райсудземкомиссиями либо окрсудземкомиссиями (в качестве 1 инстанции).

При разрешении земельных споров (так наз. судебно-земельный процесс) судебно-земельные комиссии руководствовались Земельным Кодексом УССР, Гражданско-процессуальным Кодексом УССР, а также правилами, установленными НКЗ УССР по согласованию с НКЮ УССР.

Таким образом, судебно-земельные комиссии, в соответствии с действующими земельными и гражданско-процессуальными законами, надежно охраняли устойчивость

[1] Бюллетень НКЮ УССР, 1923 г., № 1.
[2] СУ УССР 1925, № 68—69, ст. 393.

землепользования, защищали права и интересы землепользователей — земгромад (земобществ), отдельных дворов и граждан.

Вот несколько примеров из деятельности судземкомиссий.

Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам при ВУЦИК'е 24 декабря 1925 г. в кассационном порядке рассмотрела жалобу уполномоченных земельного общества с. Саливонок на приговор Белоцерковской Окружной Судземкомиссии по иску земобщества с. Соколовки к земобществу с. Саливонок о спорной земле.

Рассмотрев материалы дела, ОКВК приняла следующее решение: в судебном заседании установлено лишь фактическое пользование спорной землей жителями с. Соколовки с 1919 по 1922 г. и отсутствие доказательств закономерности такого пользования, требуемого ст. 32 закона от 27.V. 1922 г. о трудовом землепользовании. В связи с этим признание Белоцерковской ОСЗК права земобщества с. Соколовки на спорную землю противоречит закону от 27. V. 1922 г. Таким образом решение Белоцерковской ОСЗК нарушает Земельный Кодекс и не отвечает обстоятельством дела. В связи с этим приговор ОСЗК подлежит отмене, а дело передаче в соответствующую Райсудземкомиссию на новое рассмотрение [1].

В декабре 1926 г. Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам в порядке надзора рассмотрела решение Ахтырской Окружной Судебно-Земельной Комиссии по иску Шаровского сельсовета и сельского КНС к группе граждан х. Миролюбовки об изъятии у них земельных излишков.

ОКВК в своем решении отметила, что в соответствии с действующими законоположениями сельсоветам и КНС не только предоставлено право возбуждать исковое производство *об изъятии излишков* земель, а что они на основании постановления ВУЦИК от 11 сентября 1923 г. «О порядке изъятия излишков земель нетрудового пользования у кулаков» [2] обязаны по решению судземкомиссии изымать у кулаков и бывших помещиков незаконно

---

[1] «Провідні ухвали Особливої Колегії Вищого Контролю в земельних справах» Харків, 1928, справа 92, стор. 7.

[2] СУ УССР 1923, № 33, ст. 486.

полученные земельные наделы и этим обеспечить устойчивость землепользования всего населения села. В связи с этим, сельсовет и КНС должны были на основании решения РСЗК изъять земельные излишки у кулаков х. Миролюбовки Якова и Мусия Цыбенко, Бузгусько и др. Ахтырская ОСЗК при повторном рассмотрении настоящего дела отменила свое первое решение об изъятии излишков в указанных граждан и оставила эти излишки в их пользовании, мотивируя это тем, что отдельные члены местного КНС возражали против подобного изъятия.

ОКВК отменила решение Ахтырской ОСЗК от 12.XI. 1924 г. и передала данное дело соответствующей РСЗК для нового рассмотрения по существу [1].

Земельный Кодекс УССР 1922 г. к числу сельских земельных обществ, кроме тех, о которых речь шла выше, относил также сельскохозяйственные коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли, а также совокупность дворов, выделившихся из прежних обществ. При этом оговаривалось, что сельскохозяйственные коллективы могли считаться землеобществами лишь в том случае, если в составе их имелось не менее 15 взрослых трудовых землепользователей.

Сельское земельное общество могло не совпадать с границами сельсовета, как административной единицы, в него часто входили населенные пункты и других сельсоветов, что обуславливалось определенными местными условиями расположения земельных угодий. Однако совокупность дворов, имевших общее пользование полевыми землями, считалась во всех случаях одним земельным обществом.

Имели место случаи, когда только части селений, имеющие отдельное от других частей тех же селений пользование полевыми землями, считались самостоятельным земельным обществом.

Земельным Кодексом УССР предусматривалось, что если вспомогательные угодья (луга, выгоны, леса, местного значения и т. д.) состояли в пользовании дворов, входящих по своим полевым землям в состав разных земельных обществ, то такая совокупность дворов в отношении

---

[1] «Провідні ухвали Особливої Колегії Вищого Контролю в земельных справах». Харків, 1928, стор. 9.

общих угодий признавалась особым земельным обществом.

При взаимном согласии допускалось объединение в одно земельное общество нескольких обществ, а также объединение в союзы обществ в целях обобществления отдельных сторон землепользования или совместного достижения определенных сельскохозяйственных целей.

Для поступления в общество новых безземельных дворов требовалось согласие общего собрания (схода) общества. Однако в тех случаях, когда общество располагало излишком земель, допускалось приселение новых дворов по распоряжению земельных органов.

Членами сельского земельного общества могли быть лица, входящие в состав дворов независимо от пола, возраста, а также члены коллективов (коммун и артелей). Полноправными членами общества признавались лица, достигшие 18-летнего возраста.

Правоспособность и дееспособность земельного общества наступали со времени регистрации его устава, соответствующим исполкомом уездного Совета. Все изменения в уставе общества должны были также регистрироваться.

Органами управления земельного общества были: общее собрание (сход) его полноправных членов и выборные органы — уполномоченные по земельным делам, избираемые на сходе. В тех обществах, которые своими границами совпадали с территорией сельсовета, выборным органом считался сельский Совет.

В компетенцию общего собрания (схода) входило: установление и изменение порядка пользования различными угодьями общества; принятие устава общества и внесение в него соответствующих изменений и дополнений; прием в члены общества новых крестьянских дворов, а также решение вопросов о выходе из общества; вынесение решений о производстве землеустроительных работ, о переходе к новым севооборотам, выделения на хутора, отрубы, разделение земли между частями общества; производство земельных переделов в соответствии с установленным порядком пользования землей; установление порядка пользования пастбищами и другими побочными угодьями и свободными земельными участками; избрание уполномоченных общества и контроль за их деятельностью.

Общее собрание (сход) считалось законным, если на нем присутствовали домохозяева или представители не менее половины дворов, состоящих в обществе. По некоторым же особо важным вопросам (установление или изменение порядка землепользования) требовалось присутствие на общем собрании представителей не менее $^2/_3$ дворов и не менее половины всех полноправных членов общества.

В земельных обществах (коммунах, артелях) законными являлись решения, принятые в присутствии не менее половины их членов. Каждый участник собрания имел один голос.

При решении земельных дел общие собрания, а также и уполномоченные общества руководствовались Земельным Кодексом УССР и дополняющими и изменяющими его действующими узаконениями, а также принятым уставом общества и местными обычаями, если они не противоречили действующему законодательству. Контроль за правильным применением земельными обществами законов осуществлял исполнительный комитет волостного Совета. Юридическим документом, отражающим решение общего собрания, являлся протокол (приговор), который подробно указывал: место и время вынесения постановления, количество согласных и несогласных с принятым решением, общее число присутствующих на собрании и т. д.

Протокол считался действительным, если он был подписан председателем собрания, его секретарем и большинством присутствовавших на собрании землепользователей.

Права и обязанности сельских земельных обществ определялись Земельным Кодексом УССР и были отражены в уставах обществ.

Каждое земельное общество было вправе свободно выбирать любой способ землепользования: общинный (с уравнительными переделами земли между дворами), участковый (с неизменным размером земельного надела в виде чересполосных, отрубных или хуторских участков), товарищеский (с совместным пользованием землей членами общества, коммун, артелей, ТОЗ'ов). Для утверждения этого выбора необходимо было решение большинства членов общества. Таким же правом обладали и коллективные хозяйства, образованные на землях не

распределенных между населением в трудовое пользование в соответствии с решениями земельных органов или съездов Советов.

Сход земельного общества имел право лишать права землепользования на срок не более одного севооборота (3 года) [1] тех граждан, которые не использовывали свои участки или сдавали их в аренду с нарушением действовавших по этому вопросу законов. Возникавшие по этим вопросам споры разрешались по заявлению заинтересованной стороны судебно-земельными комиссиями.

Лишались права землепользования на такой же срок землепользователи, которые хищнически относились к своему наделу, допускали истощение земли, надеясь на земельные переделы. Земельные участки выморочных хозяйств, а также отобранные по вышеуказанным мотивам, поступали в распоряжение земельных обществ.

Земельное общество полностью распоряжалось имеющимися сельскохозяйственными угодьями общего пользования, а также наличными орудиями и средствами производства, помещениями, приобретенным имуществом и т. д.

Земельное общество обладало правами юридического лица. В соответствии с зарегистрированным уставом оно имело право от своего имени через уполномоченных приобретать имущество, заключать различные договоры, искать и отвечать на суде в порядке гражданского судопроизводства.

Располагая определенным обособленным имуществом, мелкими сельскохозяйственными предприятиями и извлекая из них определенные доходы, земельные общества имели свои денежные средства, которые сосредотачивались в кассе общества и расходовались на определенные хозяйственные нужды в соответствии с утвержденной общим собранием сметой доходов и расходов. Исполнение приходо-расходной сметы земельного общества докладывалось общему собранию землепользователей в конце хозяйственного года.

Существование на территории определенного сельского совета, как высшего органа власти на селе, сельского земельного общества, неизбежно требовало установления определенных взаимоотношений между сельсоветом

[1] Учитывая существовавшую тогда трехпольную систему обработки земли.

и земельным обществом. Выше было отмечено, что одним из органов управления делами земельного общества кроме общего собрания (схода) был выборный орган, которым обычно считался сельский Совет. Это было предусмотрено ст. 51 Земельного Кодекса.

Принятые ВУЦИКом в 1920, 1923, 1924, 1925 г.г. Положения «О сельских Советах» определяли права и обязанности сельских Советов и их взаимоотношения с сельскими земельными обществами по общему руководству сельским хозяйством.

Так, Положение «О сельсоветах», утвержденное 18 июля 1923 г.[1] устанавливало, что сельский Совет и его земельная комиссия в области руководства сельским хозяйством должны всемерно поддерживать развитие сельскохозяйственной кооперации, коллективных хозяйств; совместно с органами района устанавливать правильную систему землепользования, создавать сельские семенные запасы, контролировать ход землеустроительных работ, приводить в исполнение решения судебно-земельной комиссии, в соответствии со ст. 31 Земельного Кодекса УССР регистрировать договоры аренды земельных участков, если в аренду сдается менее половины надела землепользователя, регистрировать побочные землепользования и др.

Хотя Положение «О сельсоветах» 1923 г. прямо не говорит о руководстве сельсовета сельским земельным обществом, тем не менее наличие общества на территории сельсовета не могло не вызывать определенных взаимоотношений между ними, так как сельсовет, будучи высшим органом власти в селе, руководил всей хозяйственной и политической жизнью.

После проведения на территории УССР в 1922—1925 г. г. нового административно-территориального районирования, в результате чего государственный аппарат был значительно приближен к населению, в октябре 1925 г. II сессия ВУЦИК IX созыва утвердила новые положения о местных Советах республики, в том числе и положение «О сельсоветах» [2].

Ко времени утверждения нового положения «О сельсоветах» в результате проведенного низового райониро-

---

[1] СУ УССР, 1923, № 28, ст. ст. 418—419.
[2] СУ УССР, 1925, № 85, ст. 489.

вания, имевшиеся на территории УССР сельские Советы были значительно укрупнены, их общее количество в результате этого сократилось почти вдвое. В самостоятельные сельсоветы были выделены населенные пункты с числом жителей свыше одной тысячи человек. К концу 1925 г. на Украине функционировало 1067 сельских Советов [1], которые в соответствии с новым Положением получили широкие права и непосредственно занимались вопросами социалистической перестройки деревни, были опорными пунктами Коммунистической партии и советской власти.

В области руководства сельским хозяйством по Положению 1925 г. сельсовет был облечен большими правами. Только ему было предоставлено право следить за проведением в жизнь земельной политики советской власти, контролировать точное соблюдение всеми землепользователями действующих в Республике земельных законов. Особая роль принадлежала сельсовету в развитии различных форм общественной обработки земли, коллективных хозяйств, прокатных пунктов и т. д.

Однако, как Положение 1925 г., так и все ему предшествующее, в слишком общих чертах устанавливали компетенцию сельсоветов в отношении руководства сельскими земельными обществами. Между тем необходимость точного определения прав сельсоветов в этом вопросе настоятельно требовалась жизнью.

Известно, что начиная с Октябрьского Пленума ЦК РКП(б) (1924 г.) в нашей стране, в том числе и в Украинской ССР, началась огромная работа по всемерному оживлению деятельности местных Советов и в первую очередь сельских.

Необходимость оживления работы Советов определялась тем, что в условиях гражданской войны и иностранной интервенции, а также первых лет восстановления народного хозяйства работники местных Советов допускали в своей деятельности существенные недостатки, ошибки, отрывались от трудящих мас, несмотря на изменившиеся условия продолжали работать методами периода военного коммунизма (администрирование, кооптации, суженные коллегиальности, нарушения революционной законности и т. д.).

---

[1] ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 3, д. 549, л. 90.

Все это не могло не вызвать и действительно вызвало недоверие некоторой части крестьянских масс к Советам, вредило укреплению союза рабочего класса и трудового крестьянства, тормозило развитие принципов советской социалистической демократии. Этим незамедлительно воспользовались остатки эксплуататорских классов, кулачество, нэпманы и их идеологи из лагеря буржуазно-националистической контрреволюции и троцкистско-зиновьевских оппортунистов, развернувших бешеную борьбу против политики Коммунистической партии, против Советов, выдвигая «теорийки» о их «перерождении».

Коммунистическая партия развернула большую работу по перестройке деятельности Советов, указывала на их ошибки, помогала исправить их, решительно пресекала враждебные домыслы врагов партии. Развернувшаяся полоса борьбы за оживление Советов заняла не один год; в соответствии с решениями XIV съезда ВКП(б) и IX съезда КП(б)У (декабрь 1925 г.), на эту большую работу были подняты широкие трудящиеся массы.

В этих условиях, когда по решению нашей партии борьба за оживление Советов явилась «...одной из основных и наиболее острых задач момента»[1] перед партийными, советскими и другими общественными и государственными органами встала неотложная задача окончательно определить функции и пределы компетенции сельских Советов по отношению к сельским земельным обществам.

Дело в том, что в этот период между ними сложились ненормальные взаимоотношения, отрицательно сказывавшиеся на их работе и приведшие к своеобразному «двоевластию» на селе.

В результате слабой работы многих сельских Советов, отсутствия должной организационной работы с массами и их общественными организациями, слабого внимания к развитию местного хозяйства, а главное отсутствия у сельсоветов самостоятельного бюджета (сельсоветы имели только так называемые приходо-расходные сметы, утверждаемые райисполкомами), сельские земельные общества, располагая солидными денежными средствами, на своих собраниях (сходах) решали

[1] КПСС в резолюциях и решениях... изд. VII, ч. II, стр. 908.

вопросы, относящиеся к компетенции сельских Советов, подчас подменяли их, брали на себя несвойственные им функции в руководстве хозяйственной жизнью села.

О таких ненормальных явлениях в жизни села неоднократно заявляли делегаты всеукраинских, окружных и районных съездов Советов, избиратели во время проходивших перевыборов Советов осенью 1925 г. и зимой 1926 г.

Безусловно, что в первую очередь было необходимо укрепить материальную базу сельских Советов, создать у них самостоятельные бюджеты, а это должно было бы дать им широкие хозяйственно-оперативные возможности в развитии местного хозяйства, увеличило бы источники доходов сельского бюджета. Поэтому IX Всеукраинский съезд Советов уделил серьезное внимание дальнейшему упорядочению финансового хозяйства местных Советов, приближению местного бюджета к ним, правильному распределению расходов на нужды села [1].

Предстояло также в ближайшее время упорядочить организационные вопросы в деятельности сельских Советов и земельных обществ. В самом деле, в рассматриваемый период сложилось такое положение, когда сельские Советы перестали глубоко вникать в деятельность земельных обществ, в содержание и законность их приговоров, не контролировали выполнения обществами уставов, почти не слушали на своих заседаниях отчетов обществ, не утверждали их решений и т. д.

Коренным поворотом в улучшении взаимоотношений между земельными обществами и сельскими Советами были решения X Всеукраинского съезда Советов (апрель 1927 г.) и принятые в развитие их другие законодательные акты.

Съезд Советов Республики рассмотрел вопрос «О состоянии сельского хозяйства и задачи дальнейшего его развития» [2]. Отметив неуклонный рост сельского хозяйства за период после IX съезда Советов, увеличение продуктивности животноводства, расширение посевной площади по сравнению с 1916 г., уменьшение количества крестьянских хозяйств полностью не освоивших своих посевных площадей до 32% (в 1923 г. их было 41%), укрепление позиций бедняцко-середняцких хозяйств, съезд

[1] Резолюції Всеукраїнських з'їздів Рад, 1932 р., стор. 200.
[2] Там же стор. 254—264.

поставил перед всеми советскими и сельскохозяйственными органами, трудящимся крестьянством задачи: всемерно увеличивать товарность крестьянских хозяйств, повышать урожайность полей, увеличивать посевы кукурузы, подсолнечника, а также технических культур, переходить от трехполья к многопольным севооборотам. Съезд огромное внимание посвятил вопросу перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы, залогом чего было успешное выполнение задач социалистической индустриализации страны, намеченной XIV съездом ВКП(б).

Съезд еще раз подчеркнул, что «развитие народного хозяйства Советского Союза станет возможным только в условиях все большей индустриализации нашей промышленности и сельского хозяйства»[1].

В этой связи съезд поручил Правительству УССР провести большие мероприятия по дальнейшему подъему сельского хозяйства Республики: проведению землеустройства (на 1 января было выполнено только 14,5% плана), укреплению роли сельскохозяйственной кооперации, правильному использованию сельхозкредита, укреплению земельных органов, улучшению заготовок сельхозпродуктов, массовому развитию агропросветительной работы среди крестьянства.

Эти большие задачи были возложены и на все советские органы сверху донизу. Особенно большая роль отводилась в этом сельсовету.

Учитывая то, что перед Советами встали новые задачи, имеющие огромное значение для индустриализации страны и крутого подъема всего народного хозяйства, решение которых зависило от мобилизации всех трудящихся, X съезд Советов по докладу Председателя ВУЦИКа т. Г. И. Петровского признал необходимыми в ближайшее время пересмотреть права и обязанности Советов в направлении дальнейшего расширения их административно-хозяйственных прав, упростить систему государственного управления в УССР. Все эти мероприятия прямо вытекали из содержания ленинского принципа демократического централизма в государственном и хозяйственном управлении.

---

[1] Резолюції Всеукраїнських з'їздів Рад, стор. 256.

На основании решений X съезда Советов 27 июня 1927 г. ВУЦИК и СНК УССР приняли закон «О расширении прав местных органов власти и упрощении порядка управления»[1].

Расширение прав сельских Советов выразилось, в частности, в том, что они в соответствии с прямым предписанием закона были обязаны утверждать или отклонять приговоры общих собраний (сходов) по ряду важнейших вопросов землепользования: о наделении отдельных граждан и сельских учреждений, школ, больниц и др. земельными участками, находящимися в пользовании земельного общества, об отобрании земельных наделов, неправильно используемых землепользователями, об обменах земельных участков на территории сельского Совета. Сельсовет получил право регистрировать разделы трудовых земледельческих хозяйств (дворов), наблюдать за соблюдением правила о недробимости этих хозяйств в соответствии с нормами Земельного Кодекса УССР, регистрировать все виды договоров на аренду земель трудового пользования, а также регистрировать переход земельных участков от одного землепользователя к другому.

Сельсоветы давали заключения по оценкам построек и хозяйственных улучшений при изъятии земель для государственных и общественных надобностей

К компетенции сельских Советов было отнесено утверждение постановлений земельных обществ о распределении усадебных земель и об отводе отдельных усадеб трудовым землепользователям, а также дача заключений о перераспределении усадебных земель в случае обжалования постановлений земельных обществ заинтересованными лицами и направление этих заключений в земотдел райисполкома.

Сельсовет обязан был давать заключение по проектам земобществ о проведении землеустроительных работ, утверждать списки граждан на получение безвозмездной ссуды для оплаты землеустроительных работ. В такие списки включались в первую очередь бедняки по представлению комнезамов.

Новым в функциях сельсоветов было также и то, что они должны были представлять в райисполком заключе-

[1] СУ УССР, 1927, № 29, ст. 139.

ния по принятым земельными обществами уставам перед их регистрацией.

В области разрешения земельных споров закон от 27 июня 1927 г. предоставлял сельсоветам право разрешать целый ряд дел и споров между трудовыми крестьянскими хозяйствами и отдельными их членами (в октябре 1927 г. эти права сельсоветов были внесены в новое Положение «О сельских Советах», утвержденное II сессией ВУЦИК X созыва [1]).

27 июня 1927 г. ВУЦИК и СНК УССР приняли постановление «Об изменении и дополнении Земельного Кодекса УССР»[2], которое уточняло права земельных обществ и их взаимоотношения с сельскими советами.

Этим законом в дополнение к Земельному Кодексу УССР 1922 г. было установлено, что сельские Советы являются органами по разрешению земельных споров, кроме споров, где одной из сторон выступают органы государства.

К компетенции сельсоветов по разрешению земельных споров были отнесены:

1. Споры, возникающие из трудового землепользования отдельных хозяйств (дворов).

2. Споры, вытекающие из договоров о трудовой аренде земли.

3. Споры при разделе хозяйств и имущества общего пользования, если эти споры возникали в связи с разделом хозяйства.

4. Споры, о размере денежной или натуральной выплаты членам хозяйств (дворов), выделяющимся из них, в случае если эти хозяйства считаются неразделенными.

5. Споры о восстановлении нарушенного землепользования отдельных хозяйств (ст. 25 Земельного Кодекса УССР).

6. Споры о возмещении ущерба при повреждениях посевов и насаждений.

Указанные земельные споры сельсовет разрешал на заседании своего президиума или в пленарном заседании.

В соответствии с Законом от 27 июня 1927 г. в райсудземкомиссиях был отменен институт народных заседателей. Отныне райсудземкомиссия в составе 3 чел.

[1] СУ УССР, 1927, № 47—48, ст. 212.
[2] СУ УССР, 1927, отд. 1, № 40—41, ст. 180.

утверждалась райисполкомом и в своей работе поддерживала тесную связь с земельными органами и КНС (один из членов РСЗК утверждался райисполкомом по представлению райземотделения, другой по представлению районного КНС).

Райсудземкомиссия разрешала ряд дел по первой инстанции и кроме того в кассационно-ревизионном порядке жалобы на постановление сельских советов по земельным спорам. В частности по первой инстанции РСЗК решала земельные споры о праве землепользования, если хотя бы одной стороной в споре были объединения землепользователей (земобщества и др.) или общественная, государственная организации (учреждения); споры о выделе земли из землепользования земобщества, о выходе отдельных хозяйств из земобщества с сохранением за ними права на землепользование и др.

Окрсудземкомиссии были лишены права рассматривать земельные споры по первой инстанции и выступали в качестве кассационно-ревизионных органов по земельным делам. Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам осуществляла общее руководство всей деятельностью судземкомиссий и сельских Советов, рассматривала их решения в порядке надзора и т. д.

Таким образом, в соответствии с положениями нового закона, сельский Совет в области руководства сельским хозяйством стал активно вмешиваться в деятельность сельских земельных обществ (земгромад), которые долгое время считали себя автономными по отношению к сельсовету. Как видно из изложенного выше во взаимоотношениях между сельсоветами и земобществами были установлены законом определенные границы их компетенции по основным вопросам их деятельности Уже вскоре после этого земельные общества стали переходить на новые уставы, в которых закреплялись их права и обязанности, применительно к указаниям закона от 27 июня 1927 г.

Сельсоветы получили полную возможность руководить всей деятельностью земобществ и особенно по вопросам землепользования. Все это значительно подняло роль и авторитет сельского Совета, как полновластного хозяина всех дел села. Сельсоветы становились подлинными организаторами всего хозяйственного и культурного строительства на селе.

Советскими и партийными органами в это время были приняты необходимые меры для того, чтобы в земельных обществах создать прочный блок бедняков и середняков, дать им полное право решать в своих интересах все вопросы и изолировать кулачество от возможного влияния на принятие земобществом определенных решений, на их практическую деятельность. Известно, что и кулацкие хозяйства входили в состав сельских земельных обществ.

В ноябре 1927 г. ЦК ВКП(б) в директиве по составлению декрета о землеустройстве и землепользовании указал, что советские и партийные органы должны добиться, чтобы бедняки и середняки имели решающий голос на общих собраниях (сходах) земобществ. На этих собраниях сельсоветы и сельские партийные ячейки должны играть руководящую роль и особенно при вынесении приговоров Общие собрания земобществ должны лишать права голоса лиц, которые не пользуются избирательными правами на выборах в Советы [1]. Этим самым кулачеству и другим враждебно относящимся к советской власти элементам был нанесен значительный удар, направленный на ограничение, а следовательно и вытеснение кулачества.

XV съезд ВКП(б) (2—19 декабря 1927 г.), наметивший пути претворения в жизнь ленинского кооперативного плана в резолюции «О работе в деревне» неотложной задачей партии считал борьбу за достижение «...более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев деревни, дальнейшего усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на кулака на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком»[2].

Съезд признал необходимым в ближайшее время установить в качестве общесоюзного закона основные начала землепользования и землеустройства.

Издание такого общесоюзного закона вытекало также из Конституции Союза ССР 1924 г., относившей к ведению Союза ССР установление общих начал земле-

[1] «Вісті ВУЦВК» № 269, 1927 р.

[2] КПСС в резолюциях и решениях, ч. II, изд. 7, стр. 351—352.

устройства и землепользования, а равно пользования недрам, лесами и водами по всей территории СССР.

«Общие начала землепользования и землеустройства» были утверждены постановлением ЦИК СССР 15 декабря 1928 г.[1] и явились первым общесоюзным законом, отражавшим социалистические принципы земельной политики. В этом законе наряду с важнейшими положениями, определяющими вопросы социалистического землепользования и землеустройства значительное место отведено деятельности сельских земельных обществ и их взаимоотношениям с сельскими Советами.

Закон внес изменения в правовое положение земельных обществ в целях усиления пролетарского влияния и руководства их деятельностью со стороны местных Советов и ограничения прав кулаков.

В дополнение к ранее принятым нормам, регламентирующим организацию и деятельность земобществ «Общие начала» устанавливали, что правом решающего голоса на общих собраниях земельного общества, а также правом быть избранными в его выборные органы, пользуются лишь те из членов общества, которые имеют право избирать в Советы.

На сельсоветы, в пределах которых находились земельные общества, возлагалась обязанность руководить работой земельных обществ, утверждать их постановления по вопросам землепользования и землеустройства (о выборе форм землепользования, о принятии землеустроительного проекта и др.), составлять списки землепользователей, имеющих согласно закону право на льготы при оплате землеустроительных работ.

Сельсовет получил право приостанавливать постановления общего собрания членов земельного общества и вносить на ближайшее собрание предложения о пересмотре этих постановлений, если такие постановления нарушают законы и распоряжения высших органов власти, противоречат задачам кооперирования или нарушают интересы бедноты.

В случае несогласия сельского Совета с новым постановлением земельного общества по этому вопросу, сельский Совет имел право отменить его, но земельное общество могло обжаловать такую отмену в волостной, район-

[1] С. З. СССР, 1928, № 69, ст. 642.

ный или соответствующий им исполнительный комитет в двухнедельный срок.

«Общие начала» предоставляли право союзным республикам определять правомочия сельских Советов в отношении находящихся в их непосредственном пользовании земельных и других угодий.

Отдельным группам членов земельного общества предоставлялось право выхода из земельного общества с землей для организации коллективных хозяйств. Порядок выхода, а также минимум числа хозяев и земельной площади, необходимой для такого выхода, устанавливался законодательством союзных республик в соответствии с местными условиями. Закон гарантировал добровольность перехода к коллективным и другим видам товарищеской обработки земли, причем устанавливал ряд льгот и преимуществ хозяйствам, перешедшим к общественной обработке земли (по единому сельскохозяйственному налогу, льготное кредитирование, преимущественное наделение землей, передача подсобных предприятий, инвентаря, внеочередное землеустройство и др.).

«Общие начала землепользования и землеустройства» в соответствии с директивами XV съезда ВКП(б) были направлены на социалистическое переустройство деревни, всемерно способствовали развертыванию коллективизации, ограничению и вытеснению кулачества, неизмеримо повышали роль и авторитет местных Советов в создании социалистических форм ведения сельского хозяйства.

В условиях сплошной коллективизации сельского хозяйства, когда основная масса бедняцко-середняцких хозяйств пошла в колхозы, существование сельских земельных обществ потеряло свой смысл. В связи с этим в УССР 25 февраля 1930 г. (в РСФСР 30 июля 1930 г.) ВУЦИК и СНК УССР приняли постановление «Об упразднении земельных обществ в районах сплошной коллективизации, а также в селах, где большинство бедняцко-середняцкого состава населения охвачено производственной сельскохозяйственной кооперацией»[1].

Упразднение сельских земельных обществ было продиктовано необходимостью устранения параллелизма в работе сельскохозяйственных организаций на селе,

[1] СУ УССР, 1930, № 6, ст. 63—64.

дальнейшего расширения прав сельских Советов в отношении распоряжения землей, а главное — устранения всех препятствий на пути к массовой коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств.

В соответствии с постановлениями ВУЦИК'а и СНК УССР все дела, документы, денежные средства, сельскохозяйственный инвентарь и прочее имущество земельных обществ передавались безвозмездно соответствующему сельсовету.

Ликвидация земельного общества производилась сельсоветом по постановлению соответствующего районного исполнительного комитета в установленные им сроки. Сельские Советы, принимая имущество и деньги ликвидируемого по постановлению райисполкома земобщества, производили расчеты по задолженности обществ.

Оставшееся после расчета с долгами имущество и денежные средства передавались сельсоветами в следующем порядке:

а) в районах, где уже произведена сплошная коллективизация образовавшимся из состава упраздненных земельных обществ коллективным хозяйством или же их кустовым объединениям;

б) в районах, где сплошная коллективизация еще не была закончена — сельскохозяйственным производственным кооперативным товариществам (ТСОЗам). В таком же порядке передавались и леса, закрепленные за ликвидированным земельным обществом.

Передача колхозам имущества, денежных средств, страховых семенных фондов, прокатных пунктов, общественных быков, сельскохозяйственных и общественных построек и т. п. была одним из способов образования неделимых фондов колхозной собственности.

С ликвидацией земобществ сельские Советы непосредственно разрешали все вопросы землепользования и устанавливали обязательные мероприятия по ведению сельского хозяйства в отношении оставшихся индивидуальных крестьянских хозяйств, не вступивших в колхозы. Сельсоветы, таким образом, получили все права упраздненных земобществ по регулированию хозяйства и землепользования. Они стали также полностью ведать усадебными участками, находящимися в пользовании граждан, проживающих на территории ликвидированных земельных обществ.

Сельские Советы получили право распоряжаться мельницами, крупорушками, маслобойнями и т. п. мелкими предприятиями, а также рядом коммунальных учреждений (общественные бани и т. п.).

ВУЦИК и СНК УССР в своем постановлении о ликвидации земельных обществ обязали Наркомзем УССР издать подробную инструкцию о порядке упразднения сельских земельных обществ на Украине.

В связи с ликвидацией земельных обществ утратили силу ст. ст. 42—65 Земельного Кодекса УССР.

XI съезд КП(б)У (июнь 1930 г.) в резолюции «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства Украины»[1] отметив, что в результате правильной политики, проводимой Коммунистической партией в отношении социалистического развития сельского хозяйства в Украинской ССР к середине 1930 г. было коллективизировано 47,2% крестьянских хозяйств с посевной площадью свыше 60%, признал, что «отныне социалистические отношения в нашей стране, опирающиеся до сих пор исключительно на социалистическую промышленность, начинают опираться также и на быстро растущий социалистический сектор в сельском хозяйстве, а массы колхозников становятся действительно опорой партии и Советской власти»[1].

В заключение следует отметить, что земельные общества в период господства в нашей стране единоличных форм хозяйствования крестьянства безусловно облегчали руководство со стороны Советского государства сельским хозяйством, способствовали выработке коллективистских форм труда в сельском хозяйстве, в определенной мере защищали интересы бедняков и середняков, способствовали проведению политики ограничения и вытеснения кулачества накануне проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства.

---

[1] Комуністична Партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів і конференцій, 1958 р. стор. 518.

Г. А. ВОРОБЬЕВ

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

1. Изучение вопроса об объективной истине [1] в советском уголовном процессе имеет исключительно важное значение для практической деятельности следственно-судебных органов, которые обязаны по каждому уголовному делу отыскать истину и таким путем изобличать и наказывать действительных преступников, посягающих на советский правопорядок, и вместе с тем строго охранять права и законные интересы граждан, чтобы ни один невиновный в совершении преступления не был привлечен к уголовной ответственности и не был осужден.

В нашей процессуальной литературе все еще мало уделяется внимания вопросам объективной истины в уголовном процессе, и ряд имеющихся в литературе высказываний по этим вопросам, остается еще спорным.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи рассмотреть все эти вопросы, остановимся лишь на одном из них: входит ли в содержание устанавливаемой по уголовному делу истины правовая оценка фактов события преступления, т. е. уголовно-правовая квалификация преступления.

2. Установление истины по уголовному делу есть познание следственно-судебными органами того общественного явления, которое является предметом расследования и судебного разбирательства по уголовному делу.

---

[1] Считая более точным наименование истины в советском уголовном процессе объективной, автор пользуется этим термином.

Поэтому понимание объективной истины в уголовном процессе неразрывно связано с тем положением, что истина в уголовном процессе есть ничто иное, как применение в сфере следственной и судебной деятельности общего понятия объективной истины, как оно трактуется в марксистско-ленинской теории познания.

Это исходное положение единодушно признается в нашей процессуальной литературе. Однако, когда речь заходит о содержании устанавливаемой в уголовном процессе объективной истины — мнения авторов существенно расходятся.

По вопросу о том, входит ли в содержание объективной истины по уголовному делу правовая квалификация деяния, в процессуальной литературе есть две точки зрения.

Одни авторы считают, что в понятие объективной истины, устанавливаемой по уголовному делу, не входит юридическая оценка фактов (правовая квалификация) преступного деяния [1].

Другие, напротив, полагают, что в понятие объективной истины, устанавливаемой по уголовному делу, входит не только правильное установление фактов, но и правильная юридическая оценка этих фактов, т. е. правильная уголовно-правовая квалификация преступного деяния [2].

Эта вторая точка зрения должна быть признана единственно правильной, вытекающей из марксистско-ленинской теории познания и находящей себе подтверждение в следственной и судебной практике.

3. В советской процессуальной литературе общепризнано, что объективной истиной в уголовном процессе на-

[1] М. С. Строгович, «Учение о материальной истине в уголовном процессе», 1947 г., стр. 70; Его же «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», 1955 г., стр. 64; Курс советского уголовного процесса», 1958 г., стр. 172—173. См. также С. Курылев, «Понятие материальной истины в советском правосудии», Социалистическая законность 1952 г., № 5

[2] А. Ривлин, Понятие материальной истины в советском уголовном процессе, Социалистическая законность, 1951 г. № 11, стр. 45. Законность и истинность судебного приговора, «Советское государство и право», 1957 г., № 7, стр. 114—118. Этой же точки зрения придерживается проф. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, 1956 г., стр. 117—118; См. также А. Баймурзаев, Понятие материальной истины в советском правосудии, Социалистическая законность, 1952, № 5.

зывается полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц. Преступление для следователя и суда есть событие прошлого. Следователь не может расследовать, а судья не может рассматривать дело, если он сам наблюдал данное преступное событие. И потому следователь и суд приходят к выводу о наличии преступления и совершении его определенным лицом только путем исследования обстоятельств данного дела.

Речь, следовательно, идет о точном соответствии выводов суда об обстоятельствах уголовного дела объективной действительности.

Чтобы сделать истинные выводы о событии преступления и совершении его определенным лицом, следственно-судебные органы должны установить факты, имеющие уголовно-правовое значение, должны сделать выводы именно о фактах уголовно-правового характера.

Преступление есть деяние общественно опасное и уголовно-наказуемое. Поэтому нельзя говорить о виновном деянии не оценивая его с точки зрения права; значит его нужно оценить с точки зрения его противоправности, под углом зрения наличия в этом действии уголовно-наказуемой вины.

Само понятие виновности в совершении преступления есть уголовно-правовое понятие, сущность которого четко определена уголовным законом.

Отсюда следует, что следователь и суд должны дать правовую оценку действиям обвиняемого и признать, например, что обвиняемый сознавал общественно-опасный характер ударов ножом, которые он нанес потерпевшему, предвидел, что от таких ударов наступит смерть потерпевшего, желал лишить потерпевшего жизни или сознательно допускал наступление смерти потерпевшего.

Все эти признаки преступления являются правовыми признаками, которые установлены уголовным законом; следовательно представляется совершенно невозможным установить вину обвиняемого по делу в отрыве от правовой оценки каждого данного деяния.

Действие человека — есть факт объективный. Равным образом объективно и подлежащее установлению по уголовному делу психическое отношение обвиняемого к его

действию, и потому вина может быть установлена лишь при исследовании и оценке как намерения лица, так и его действия. Определение деятельности человека в отрыве от его сознания невозможно.

В работе «Экономическое содержание народничества» В. И. Ленин писал: «...по каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: «общественные действия личностей, т. е. социальные факты»[1].

Действие и деятель органически и неразрывно связаны между собой, и говорить о «чистом» лишенном субъективной окраски действии человека, невозможно.

«Социалистическое уголовное право покоится не на отрыве или противопоставлении объективных и субъективных элементов: оно покоится на диалектическом сочетании оценки субъекта и его поведения, деятеля и действия»[2].

4. «Понятие материальной истины,— говорит проф. Строгович,— относится к установлению фактов, обстоятельств уголовного дела, но не к юридической (уголовно-правовой) оценке, квалификации этих фактов. Правильная юридическая оценка факта, деяния, преступления... не входит в понятие материальной истины»[3].

И далее: «Юридическая квалификация совершенного обвиняемым деяния представляет собой применение нормы уголовного права к установленному факту, материальной же истиной обозначается само это установление факта — в том виде, в каком он имел место в действительности»[4].

Но считать истиной уголовного дела лишь само установление факта — в том виде, в каком он имел место в действительности вне правовой его оценки, как это утвер-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 385.

[2] Проф. А. Трайнин, Учение о составе преступления, М., 1946 г., стр. 40.

[3] См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955 г., ст. 64.

[4] М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958 г., стр. 172.

ждает проф. Строгович, значит стоять на позициях формального понимания вины и ответственности.

Рассмотрим несколько примеров:

К. добыл в массивах гослесфонда лесоматериал, стоимость которого по таксовым ценам, установленным для отпуска леса в данной местности, равна 40 рублям.

Если мы будем оценивать это событие только по фактическим обстоятельствам дела в отрыве от их юридических признаков, то нас казалось бы не должно интересовать такое обстоятельство, как наличие или отсутствие разрешения на получение этого материала.

Между тем от наличия или отсутствия надлежащего разрешения на получение лесоматериала зависит правовая оценка действий К., оценка под углом зрения правомерности или противоправности этого действия К. Установив, что К. добыл лесоматериал на сумму 40 руб. без надлежащего на то разрешения, мы тем самым установили истину данного события. Однако мы не можем квалифицировать это событие по ст. 85 УК РСФСР [1]. Мы должны обратить внимание еще на один правовой признак: на размер незаконно добытого материала. Этот признак установлен в законе (стоимость незаконно добытого материала должна превышать 50 рублей).

В нашем примере стоимость материала равна 40 руб. и значит нами установлена истина, влекущая за собой не уголовное наказание, а гражданско-правовые последствия. Ясно, объективные факты в данном деле должны быть не просто установлены, а установлены в том правовом выражении, как они определены в уголовном законе.

Л. нанес бритвой тяжкие телесные повреждения Д., от которых Д. на пятый день скончался.

Если при анализе данного преступления мы отбросим его правовую оценку, то мы будем лишены возможности правильно квалифицировать это деяние.

В самом деле. Деяние это может быть квалифицировано: по части I ст. 3 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (убийство государственного или общественного деятеля в связи с его государственной и общественной деятельностью;) по части 2 этого же закона (тяжкие телесные повреждения тем же лицам в тех же целях); по части 1 и 2 ст. 4 то-

[1] Здесь и далее при ссылках на ст. ст. УК РСФСР имеются в виду и соответствующие статьи УК других союзных республик.

го же закона (террористический акт против представителя иностранного государства); ст. ст. 136, 137, 138, 139 УК РСФСР, а также ч. I и II ст. 142 и частью I ст. 145 УК РСФСР.

Что необходимо нам для того, чтобы квалифицировать данное деяние, скажем по п. «а» ст. 136 УК РСФСР? Очевидно для этого следует отыскать в фактических обстоятельствах данного события те, которые отвечают их уголовно-правовому смыслу, выраженному в этой статье уголовного кодекса. А это значит, что надо дать правовую оценку действиям обвиняемого под углом зрения этой статьи закона. Исследуя форму вины обвиняемого, надо установить, сознавал ли он общественно опасный характер своих действий, предвидел ли он наступление смерти Д. в результате этих действий, желал ли он лишить жизни Д., либо это сознательно допускал.

Установив умысел в действиях Л., мы все же не можем еще применить какую-либо из норм уголовного права до тех пор, пока не дадим оценку тех мотивов Л., которые руководили им. (Оценка мотивов также выражена в уголовно-правовой норме: корысть, ревность, другие низменные побуждения — пункт «а» ст. 136 УК). Таким образом, если все объективные и субъективные элементы данного состава преступления найдут свое выражение в п. «а» ст. 136 УК, то нами это деяние будет квалифицировано правильно и истина по делу будет установлена.

Посмотрим на данное событие с другой стороны: Л. наносил удары Д. потому, что Д. на него напал и начал избивать. При этом Л. сознавал, что защищаясь он может убить Д. В этом случае нам придется оценить действия Л. с точки зрения правовых признаков, указанных в ст. 139 УК При этом в первую очередь мы обратимся к тем юридическим признакам, которые определяют правовое понятие необходимой обороны (ст. 13 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) и превышение ее пределов («явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства»).

Такая правовая оценка данного события в указанном направлении и даст нам возможность установить истину, т. е. сделать выводы о виновности или невиновности Л. и применить ст. 139 УК или же прекратить дело производством за отсутствием состава преступления.

Отсюда ясно, что оценивать событие преступления и совершение его определенным лицом вне их правового выражения — значит неправильно решать проблему объективной истины в советском уголовном процессе.

Возьмем еще один пример.

Л. был привлечен к уголовной ответственности и осужден народным судом по ст. 56—30-а УК УССР (ст. 59—3-в УК РСФСР). Ему было вменено в вину то, что, работая в качестве составителя поездов, он при производстве маневров не шел впереди маневрового состава при движении последнего вагонами вперед к неохраняемому переезду, вследствие чего не мог принять меры к предотвращению столкновения железнодорожного состава с автомашиной.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определением от 12 января 1952 г. отменила приговор народного суда и дело производством прекратила за отсутствием в действиях Л. состава преступления [1].

Почему Л. был неправильно осужден? Потому, что следователь и суд формально отнеслись к исследованию действий Л., не дали им правильной правовой оценки и пришли к несоответствующему истине выводу о виновности Л.

Установив факты, в том виде, в каком они имели место в действительности (Л. шел не впереди маневрового состава и потому не мог принять меры к предотвращению столкновения железнодорожного состава с автомашиной), следователь, а затем и суд не дали правильной правовой оценки действиям Л., не установили правомерность (или противоправность) нахождения его не впереди состава, а в ином месте. Между тем, если бы всем установленным по делу фактам была бы дана правильная юридическая оценка,— истина была бы установлена и неправосудный приговор был бы исключен.

В самом деле. По делу было установлено, что машинист вел состав в пределах дозволенной скорости. И потому Л. не мог идти впереди состава, двигавшегося к неохраняемому переезду. Более того, Л. не только не мог, но и не обязан был идти впереди состава, так как согласно

[1] Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР, Госюриздат, М., 1955 г., стр. 69—70.

§ 312 Правил технической эксплуатации составитель поездов обязан идти впереди состава лишь в том случае, если это позволяет скорость маневрирующего состава. Находился Л. в голове состава на тормозном вагоне, что соответствовало вышеназванным Правилам. Таким образом, все действия Л. были правомерны, а не противоправны. С этой точки зрения и надо было оценить действия Л.

По делам о преступлениях на транспорте, о нарушениях техники безопасности, о выпуске недоброкачественной продукции, о должностных преступлениях и ряду других дел часто приходится давать правовую оценку действиям лиц, привлеченных к уголовной ответственности, под углом зрения норм, определяющих права и обязанности граждан в различных областях их деятельности. Эти права и обязанности установлены постановлениями, инструкциями, правилами и являются нормами права. В этих случаях уголовная ответственность предполагает в качестве своей предпосылки запрещенность данного деяния нормами других отраслей права и потому прежде, чем квалифицировать такое деяние по соответствующему уголовному закону, надо дать правильную правовую оценку действиям, исходя из указанных правовых норм.

5. Утверждая, что правовая оценка преступного события не входит в содержание устанавливаемой по делу объективной истины, сторонники этой точки зрения ничем по существу эти свои положения не аргументируют.

Если событие преступления доказано, а квалификация этого события неправильна, то приговор будет отменен по причине неправильности квалификации, т. е. истина будет установлена, но приговор окажется неправильным, говорит И. Малхазов. Неправильная квалификация и общественно-политическая оценка не колеблют установленной истины фактов [1].

Если суд правильно установил факты деяния и совершение их обвиняемым, но дал им неправильную правовую оценку, то это не означает, что суд не установил истину. Неправильное применение закона дает право кассационной инстанции изменить приговор, если это не гро-

[1] И. Малхазов, Понятие материальной истины в советском уголовном процессе, Социалистическая законность, 1952, № 2.

зит более тяжким наказанием. Общепринятое определение материальной истины правильно и не нуждается в изменении [1].

Действительно, общепринятое определение объективной истины в уголовном процессе, как уже отмечено, указывает, что истина есть точное соответствие объективной действительности выводов суда о преступном деянии, выводов о виновности определенного лица. Но это не значит, что являются правильными соображения, приведенные указанными выше авторами.

В третьем нашем примере следователь и суд неправильно подошли к выводу о виновности Л. в столкновении маневрирующего состава с автомашиной. Они ограничились лишь тем, что установили определенные действия Л. (не шел впереди состава), но не дали оценки правомерности или неправомерности нахождения Л. в голове состава на тормозном вагоне, а потому и не установили истину в данном уголовном деле.

Преступление есть деяние общественно-опасное и наказуемое. Основой признания общественно-опасного действия преступлением является наличие предусмотренного законом состава уголовно-наказуемого деяния.

В соответствии с этим суд должен оценивать каждое деяние под углом зрения уголовно-правовой нормы и иная оценка невозможна.

«Разделить познание в суде на познание собственно фактов и на познание их сущности (правового характера и выражения их,— Г. В.),— говорит А. Л. Ривлин,— можно лишь искусственно» [2].

Рассматривая вопрос о предмете доказывания, проф. Строгович пишет: «Преступление всегда представляет собой поступок человека, его поведение в форме действия или бездействия. Этот поступок характеризуется определенными признаками, указанными в той статье Особенной части Уголовного кодекса, которая предусматривает соответствующее преступление. Эти признаки являются элементами состава преступления — объективными и субъективными... Исследованию и доказыванию подлежат именно те фактические обстоятельства, которые

[1] С. Курылев, Понятие материальной истины в советском правосудии, Социалистическая законность, 1952, № 5.

[2] А. Л. Ривлин. Законность и истинность судебного приговора, Советское государство и право, 1957, № 7, стр. 117.

соответствуют указанным в законе, в качестве элементов состава преступления, юридическим признакам [1]. Но устанавливать фактические обстоятельства в соответствии с их юридическими признаками, указанными в законе, как это сказано у проф. Строговича, и значит давать им правовую оценку.

Тем не менее проф. Строгович находит возможным утверждать, что истина по делу это установление собственно факта, вне его правового выражения [2].

Квалификация преступления есть прежде всего правильная правовая оценка данного деяния.

При расследовании и разрешении каждого уголовного дела следователь и суд производят правовую оценку данного деяния. Эта оценка, если она правильна,— является составной частью истинности вывода о виновности обвиняемого, о признании действия лица преступным и уголовно-наказуемым, либо — напротив непреступным и ненаказуемым.

---

[1] М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 268—269.

[2] М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 172—173.

З. Г. КОРЧЕВА.

СУБЪЕКТ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА СССР

Принятый Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления содержит ст. 22, в которой устанавливается ответственность работников железнодорожного, водного и воздушного транспорта за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи, повлекшие за собой (или создавшие угрозу наступления) несчастных случаев с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия.

Эта статья по существу воспроизводит действовавшее до этого законодательство, предусматривавшее ответственность работников транспорта за нарушение трудовой дисциплины (нарушение правил движения, недоброкачественный ремонт подвижного состава и пути и т. п.), если это нарушение повлекло или могло повлечь повреждение или уничтожение подвижного состава, пути и путевых сооружений либо несчастные случаи с людьми, несвоевременную отправку поездов и судов, скопление на местах выгрузки порожняка, простой вагонов и судов и т. п. (ст. 56—30 «а» УК УССР, ст. 59—3в УК РСФСР).

Вывод о сходстве указанных составов делается нами исходя из сопоставления текстов приведенных выше статей. Некоторые изменения в обрисовке данного состава в новом Законе носят, главным образом, редакционный

характер и во всяком случае не оказывают никакого влияния на характеристику субъекта этого преступления.

В связи с этим, вопрос о субъекте предусмотренного в ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления деяния можно рассматривать исходя не только из анализа данного Закона, но и используя анализ ст. 56—30 «а» УК УССР, главным образом, практику ее применения, поскольку практика применения нового законодательства еще весьма ограничена.

Указанный состав преступления относится к составам с так называемым специальным субъектом.

Это означает, что ответственность за данное деяние может нести не всякое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста, а лишь лицо, характеризующееся определенными чертами, свойствами, т. е. специальный субъект преступления. Указание на эти черты содержится в самом тексте закона, устанавливающем ответственность за «нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта...»[1].

Исходя из данного указания закона, субъект рассматриваемого преступления определяется соответственно как работник железнодорожного, водного и воздушного транспорта СССР.

В данной статье рассматривается вопрос о субъекте нарушений трудовой дисциплины лишь на железнодорожном транспорте.

Раскрытие содержания понятия работника железнодорожного транспорта в значении, придаваемом этому понятию законом, требует особого рассмотрения.

Согласно Уставу о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР[2] работниками железнодорожного транспорта признаются лица, на которых распространяется данный Устав. Это вытекает из содержания ст. 11 Устава, в которой дается следующий перечень указанных выше лиц:

---

[1] Закон об уголовной ответственности за государственные преступления от 25/XII-58 г. ст. 22. Такое же указание содержалось и в ст. 56—30 «а» УК УССР и в соответствующих ей статьях уголовных кодексов других союзных республик.

[2] Устав о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР утвержден Постановлением Совета Министров СССР от 18 июня 1949 года.

«Настоящий Устав,— говорится в этой статье,— распространяется на всех рабочих, служащих и инженерно-технический персонал учреждений и предприятий железнодорожного транспорта, входящих в систему Министерства Путей Сообщения, а также на административный, учебный и обслуживающий персонал высших учебных заведений, техникумов, технических школ и курсов, подведомственных Министерству путей сообщения».

Указанные лица, являясь работниками железнодорожного транспорта СССР, в случае нарушения ими трудовой дисциплины на транспорте, должны, согласно прямому указанию Закона, рассматриваться в качестве субъектов данного преступления.

Вместе с тем, анализ рассматриваемого состава, а также учет судебной практики свидетельствуют, что субъектами этого состава могут выступать лишь определенный узкий круг работников транспорта, а не все из указанных в данном перечне лиц.

Выяснить этот круг лиц, т. е. определить надлежащего субъекта данного преступления, чрезвычайно важно, так как от этого зависит правильное применение ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

Определение субъекта рассматриваемого состава возможно лишь на основе тщательного анализа признаков его характеризующих. Известно, что существенное влияние на определение элементов любого состава преступления, в том числе и на характер и содержание субъекта, оказывает, главным образом, объект этого состава.

В связи с этим, субъект рассматриваемого в данной работе преступления определяется в соответствии с характером и содержанием объекта, а точнее — двух непосредственных объектов данного состава.

Предусмотренное ст. 22 Закона преступление представляет собой посягательство на трудовую дисциплину на железнодорожном транспорте и нормальную деятельность транспорта по организации движения поездов.

Следовательно, осуществить такое посягательство и быть субъектом данного преступления может лишь работник транспорта, на которого непосредственно возложены обязанности по соблюдению трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте и обеспечению правильности и безопасности движения поездов.

Обязанности по соблюдению трудовой дисциплины возлагаются на всех работников железнодорожного транспорта СССР, перечень которых дан выше.

Объем и содержание этих обязанностей изложены в Уставе о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР. Эти обязанности, как известно, касаются лишь служебной деятельности работников железнодорожного транспорта и всегда связаны с исполнением данным работником своих служебных функций. Железнодорожники, находящиеся вне службы — на отдыхе, в отпуске, временно отстраненные от должности и т. п. никаких обязанностей по соблюдению трудовой дисциплины не несут и не могут, следовательно, рассматриваться в качестве субъектов данного преступления.

Однако, как это вытекает из понятия объекта этого состава, обязанности по соблюдению трудовой дисциплины не определяют полную характеристику субъекта.

Конструкция состава, как она изложена в ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, свидетельствует о том, что указанное преступление имеет в виду не любое нарушение трудовой дисциплины работником транспорта, а нарушение особого рода, т. е. такое, которое связано с основной сферой работы транспорта — сферой движения. В связи с этим, осуществить такое нарушение и быть субъектом данного преступления может лишь тот работник железнодорожного транспорта, обязанности которого, исходя из самого закона, регулируются правилами безопасности движения, эксплуатации транспорта, а также правилами по производству ремонта транспортных средств, путей и т. п.

Эти обязанности, согласно Правилам технической эксплуатации железных дорог СССР (ПТЭ) возлагаются на работников, занимающих должности непосредственно связанные с движением поездов.

В § 538 Правил технической эксплуатации дается перечень следующих должностей непосредственно связанных с движением поездов: машинисты локомотивов, их помощники, кочегары, водители автодрезин, диспетчеры, дежурные по станции, кондукторы, составители поездов, сцепщики и скрутчики вагонов, башмачники, стрелочники, сигналисты дорожные, мостовые и тоннельные мастера, бригадиры пути, обходчики, операторы, дежурные по переездам, электромеханики по обслужива-

нию устройств СЦБ, телеграфисты, обслуживающие аппараты поездного телеграфа, поездные вагонные мастера, осмотрщики вагонов, осмотрщики-автоматчики, мастера и бригадиры контактной сети.

Лица, занимающие перечисленные выше должности, как говорится в Правилах, несут персональную ответственность за правильность и безопасность движения поездов на вверенном им участке. Например, в § 541 Правил технической эксплуатации указывается:

«Каждый работник, связанный с движением поездов, несет персональную ответственность за обеспечение безопасности движения по кругу своих обязанностей»[1].

Но указанный перечень не следует считать исчерпывающим.

Судебная практика показывает, что в качестве субъектов данного преступления могут выступать такие работники транспорта, которые в указанном перечне лиц, непосредственно связанных с движением поездов не названы, но фактически выполняют обязанности по обеспечению правильности и безопасности движения поездов: проводники пассажирских и служебных вагонов [2], технические конторщики [3], прорабы [4], сторожа железнодорожных переездов и т. п.

Это объясняется тем, что при разрешении вопроса о субъекте данного преступления, судебная практика, пользуясь указанным в § 538 ПТЭ перечнем лиц, исходит в основном не из должности и профессии работника транспорта, а из объема и содержания обязанностей, выполняемых этим работником в момент совершения им преступления. Поэтому, в случаях, когда работник транспорта, фактически выполняющий обязанности по обеспечению правильности и безопасности движения поездов, нарушает эти обязанности, то хотя бы занимаемая им должность и не названа в § 538 ПТЭ, он будет рассматриваться в качестве субъекта данного преступления.

Прораб Козлов был осужден Линейным судом Южной железной дороги за то, что, руководя работами по

---

[1] Правила технической эксплуатации железных дорог СССР, утвержденные Министром Путей Сообщения 19 марта 1952 года.

[2] Судебная практика Верховного Суда СССР; 1956 г. № 3, стр. 12.

[3] Социалистическая законность; 1938 г., № 6, стр. 64.

[4] Судебная практика Верховного Суда СССР; 1949 г. № 3, стр. 42.

укладке небольшого участка подъездных путей от станции к заводу, потребовал подать на участок состав с балластом, не предупредив при этом станцию о наличии на участке уклона. В результате этого, поезд потерпел крушение. Действия Козлова были квалифицированы по ст. 56—30 «а» УК УССР. Суд признал его субъектом данного преступления, несмотря на то, что в указанном перечне ПТЭ прорабы не названы и что в обычную компетенцию прораба, занимающегося строительством, не входят обязанности по непосредственному обеспечению правильности и безопасности движения поездов. Однако, в тот момент, руководя работами по строительству нового участка пути, Козлов был полностью ответственным за безопасное продвижение поездов по этому участку. О наличии такой ответственности свидетельствовал тот факт, что он имел право давать указания о подаче поезда на участок и руководить этим движением. Осуждение Козлова по ст. 56—30 «а» УК УССР следует признать правильным [1].

Такие же основания для привлечения в качестве субъекта были и в деле по обвинению Ракитянского, рассмотренном судебной коллегией по уголовным делам Сталинского областного Суда.

Ракитянский, работая мастером электронаплавочной колонки рельсосварочного поезда № 6 ст. «Красный Лиман», 25 мая 1959 г. при производстве работ на станции Дроново допустил нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта: без разрешения дежурного по станции и без ведома дорожного мастера, дал указание мотористу Труш переехать трактором с прицепной тележкой через 6 и 7 пути и поставить его между 5 и 6 путями для производства электросварочных работ, не оградив при этом место работы сигналами остановки.

После постановки трактора на межпутье, Ракитянский не проверил установленный габарит для безопасного пропуска поездов, в результате чего во время приема пригородного поезда на 6 пути указанной станции произошло столкновение поезда с электросварочным агрегатом — трактором [2].

[1] Социалистическая законность; 1938 г., № 6, стр. 18.

[2] Приговор судебной коллегии по уголовным делам Сталинского Областного Суда от 20 июня 1959 г.

Органы предварительного следствия и суд квалифицировали действие Ракитянского по ст. 22 ч. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, совершенно правильно признав его субъектом данного преступления.

Установление того, возлагались ли на данного работника транспорта обязанности по непосредственному обеспечению правильности и безопасности движения поездов представляет собой иногда сложный вопрос, решение которого связано с спецификой работы определенной профессии и требует тщательного исследования всего объема служебных функций данного лица. Так, охранник хлебзавода Ромась был привлечен к ответственности и осужден Линейным судом железнодорожного транспорта по ст. 56—30 «а» УК УССР за то, что, охраняя 18 августа 1952 г. ворота завода, пропустил на заводские подъездные пути паровоз с четырьмя вагонами. При этом шлагбаум не закрыл, и выезжавшая из ворот завода машина столкнулась с паровозом.

Железнодорожная Коллегия Верховного Суда СССР переквалифицировала действия Ромася на ст. 99 УК УССР и указала:

«Из материалов дела видно, что Ромась работал охранником завода и не являлся работником транспорта. Линейный суд, квалифицируя действия Ромася по ч. 1 ст. 56—30 «а» УК УССР, исходил из того, что он нарушил специальную инструкцию по охране переезда. Между тем, из материалов дела видно, что Ромась не был дежурным по переезду, а в его обязанности входила только охрана ворот завода. Как установлено по делу, специального приказа, вменяющего в обязанность охранникам завода обслуживание переезда издано не было»[1]. Таким образом, отсутствие указанных обязанностей по обеспечению правильности и безопасности движения поездов явилось решающим моментом при решении вопроса об ответственности Ромася.

Интересным в этом отношении является и дело по обвинению машиниста паровоза Блохина и составителя поездов Селиванова. Вина Селиванова заключалась

---

[1] Определение Железнодорожной Коллегии Верховного Суда СССР от 7 января 1953 г. Судебная практика Верховного Суда СССР за 1953 г., № 2, стр. 16.

в том, что, получив от Блохина разрешение проехать на паровозе, в его отсутствие, самовольно начал управлять паровозом, в результате чего наехал на цистерну и разбил один вагон. Суд правильно признал его надлежащим субъектом указанного преступления, несмотря на то, что служебные функции составителя поездов не имели никакого отношения к управлению паровозом. Однако, являясь работником, непосредственно связанным с движением поездов и управляя самовольно паровозом, не имея на то прав и соответствующего опыта, Селиванов ставил под угрозу правильность и безопасность движения на своем участке, тем самым нарушая непосредственно возложенные на него как составителя поездов обязанности [1].

Возможны случаи, когда одинаковые по внешнему виду нарушения трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте, повлекшие за собой одинаковые последствия, могут быть расценены в смысле квалификации по разному, в зависимости от установления в служебных функциях нарушителей наличия или отсутствия указанных обязанностей.

Например, дежурный по депо для замены отсутствующего машиниста посылает в поездку в качестве машиниста кочегара, не имеющего прав на управление паровозом. В результате неопытности последнего, происходит крушение поезда. В другом случае, начальник отдела кадров паровозного депо, не проверив документы и не убедившись в наличии у лица прав на вождение паровозом, оформляет данное лицо на работу в качестве машиниста. При первой же поездке этого лица из-за его неопытности происходит крушение поезда.

В первом случае дежурный по депо должен отвечать по ст. 22 Закона, так как он незаконно допустил к управлению паровозом ненадлежащего работника и тем самым создал условия для происшедшего крушения. Субъектом указанного преступления дежурный по депо признается потому, что им нарушена возложенная на него непосредственная обязанность по обеспечении правильности и безопасности движения поездов.

Наличие данной обязанности не усматривается в служебных функциях начальника отдела кадров. В связи

---

[1] Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1941 г., 1947 г. стр. 53.

с этим, действия начальника отдела кадров должны расцениваться как должностное преступление и квалифицироваться соответственно по ст. ст. 99, 97 УК УССР и т. д.

В указанных случаях различие квалификации двух совершенно одинаковых по внешнему виду нарушений трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте объясняется различием их по субъекту преступления, определяемом, как говорилось выше, в зависимости от возложенных на работника железнодорожного транспорта служебных обязанностей.

Все изложенное дает основание, таким образом, сделать вывод, что субъектом рассматриваемого преступления может быть лишь работник железнодорожного транспорта СССР, служебные обязанности которого состоят в обеспечении правильности и безопасности движения поездов.

В настоящее время, в связи с действием нового уголовного законодательства, правильное определение субъекта рассматриваемого преступления приобретает чрезвычайно актуальное значение.

Задача науки советского уголовного права состоит в том, чтобы дать точное, конкретное определение субъекта преступления, предусмотренного в ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, которое бы соответствовало судебной практике и полностью отражало политический смысл и содержание Закона.

Между тем, в советской юридической литературе нет единой точки зрения по вопросу об определении субъекта данного преступления.

Авторы ряда теоретических работ дают характеристику субъекта, исходя из буквального смысла закона, (т. е. статьи 56—30 «а» УК УССР). Например, авторы учебника советского уголовного права (часть особенная) [1], и учебника уголовного права для юридических школ, 1947 г. [2] в качестве субъекта рассматриваемого преступления называют работников транспорта. Также определяется субъект и проф. Исаевым [3].

---

[1] Советское уголовное право. Часть особенная, 1951 г., стр. 136.

[2] Уголовное право — учебник для юридических школ 1947 г., стр. 198.

[3] М. М. Исаев «Применение ст. 59—3 «в» УК РСФСР в условиях военного времени» Социалистическая законность; 1942 г. № 1, стр. 11

Другая часть авторов субъект данного преступления определяет несколько уже, и в качестве такового называют не всех работников транспорта, а лишь определенную узкую группу их.

Так, М. Шнейдер [1] и А. Чистяков [2], считают, что ответственность по данной статье может нести лишь тот работник транспорта, который связан с движением поездов и железнодорожными перевозками.

Б. Даниэльбек субъектом этого преступления признает работников транспорта, непосредственно связанных с движением поездов [3].

Учебник советского уголовного права в качестве субъекта данного состава называет работников транспорта, связанных с движением поездов или ремонтом подвижного состава и пути [4], а Курс советского уголовного права — работников транспорта, связанных с движением поездов, железнодорожными перевозками и ремонтом подвижного состава [5].

Несмотря на некоторое различие указанных точек зрения, общим в них является то, что все авторы понятие субъекта данного преступления связывают прежде всего с движением поездов, т. е. кроме служебного положения лица, как работника транспорта, говорят и о характере выполняемых им служебных функций.

Такой подход к определению субъекта является, как уже говорилось, безусловно, правильным.

Признание субъектом данного преступления всех работников транспорта без исключения, как это делают некоторые авторы, означало бы чрезмерное расширение круга лиц, могущих нести ответственность по данной статье и привело бы к утрате той особой специфики, которой характеризуется рассматриваемое преступление.

---

[1] М. Шнейдер «Преступления против трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте СССР» Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 1949 г.

[2] А. Чистяков «Уголовно-правовая борьба с нарушениями трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте СССР». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 1954 г.

[3] Б. Даниэльбек «Транспортные преступления по советскому уголовному законодательству». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 1950 г.

[4] Советское уголовное право. Часть особенная, 1957 г., стр. 119.

[5] Курс Советского уголовного права, Особенная часть т, I, 1955 г., стр. 313.

Наиболее правильное понятие субъекта данного состава преступления дает Б. Даниэльбек, который определяет этот субъект как работника транспорта, непосредственно связанного с движением поездов.

Эта характеристика субъекта вполне соответствует указанным в настоящей статье выводам, так как обязанности по обеспечению правильности и безопасности движения поездов возлагаются лишь на работников транспорта, непосредственно связанных с движением поездов.

Представляется излишним, при характеристике субъекта рассматриваемого преступления, кроме указания на непосредственную связь работника транспорта с движением поездов, говорить и о связи этого работника с ремонтом подвижного состава и пути.

Работник транспорта, производящий ремонт подвижного состава и пути, отвечает за качество ремонта в смысле качества транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи, т. е. основных средств передвижения. Ответственность за недоброкачественный ремонт другого имущества транспорта, не участвующего в движении, не охватывается данным составом преступления.

Излишним также является указание и на связь работника транспорта с перевозками [1].

Перевозки — это деятельность транспорта, осуществляемая путем передвижения пассажиров, а также грузов с места отправления до места назначения. По ст. 22 Закона может квалифицироваться лишь такое нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, связанное с перевозками, которое влечет за собой либо повреждение подвижного состава и пути (перегруз вагона), либо простой или опоздание в пути (нарушение графика движения и графика оборота вагонов от погрузки до выгрузки) либо другие тяжкие последствия, которые так или иначе касаются сферы движения поездов на транспорте.

Утеря и недостача грузов, неправильная выдача билетов кассиром вокзала и т. п. хотя и имеют непосредственное отношение к перевозкам, но под действие ст. 22 Закона не подпадают, так как не являются нарушениями в сфере движения.

---

[1] Точка зрения проф. Меньшагина, М. Шнейдера и А. Чистякова в указанных выше работах.

Поэтому, указание в определении субъекта данного преступления на непосредственную связь его служебных функций с движением поездов является вполне достаточным, ибо охватывает собой, как мы видим, и связь работника транспорта с ремонтом подвижного состава или пути и с перевозками.

Необходимо сказать, что судебная практика пользуется указанным термином и часто говорит о непосредственной связи работника транспорта с движением поездов, понимая под этим исполнение работником транспорта обязанностей по обеспечению правильности и безопасности движения.

Так, в определении Железнодорожной Коллегии Верховного Суда СССР от 30 августа 1950 г. указывалось, что «ст. 56—30 «а» УК УССР не может быть применена к Мохову, работавшему шлаковщиком шлаковой канавы, так как по характеру своей работы Мохов не был непосредственно связан с движением поездов и нарушить правильное и безопасное их движение недобросовестной работой по исполнению своих служебных обязанностей не мог»[1]. Указание на непосредственную связь работника с движением поездов имеется и по другим делам.

Возложение обязанностей по обеспечению правильности и безопасности движения поездов определяет ответственность по ст. 22 Закона и работников подъездных путей заводов, шахт и т. п., то-есть работников промышленного железнодорожного транспорта во всех отраслях промышленности. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1936 г. на них распространено действие Устава о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР. Это объясняется тем, что указанные лица выполняют работу непосредственно связанную с движением поездов, предполагающую, в связи с этим, особую дисциплинированность и организованность лиц ее осуществляющих.

Указанная выше характеристика субъекта рассматриваемого преступления определяет собой и решение вопроса о возрасте лиц, могущих нести ответственность по ст. 22 указанного Закона.

---

[1] Определение Железнодорожной Коллегии Верховного Суда СССР № Т-5-32881 от 30 августа 1950 г.

В виду особых требований, предъявляемых к данной категории работников транспорта лица, хотя и достигшие установленного законом 16-летнего возраста, но не достигшие 18 лет, фактически не могут выступать в качестве субъектов рассматриваемого состава.

В § 538 ПТЭ говорится: «Лица моложе 18 лет не допускаются к занятию должностей, непосредственно связанных с движением поездов». Это объясняется особым характером работы железнодорожного транспорта, связанной с механическим передвижением и требующей определенного уровня профессиональных знаний, навыков, жизненного опта, физических сил. Поэтому ответственность по ст. 22 Закона практически может наступить лишь по достижении 18-летнего возраста.

Возникает в связи с этим вопрос, как быть в случаях, когда преступление, подпадающее под действие ст. 22, совершает работник железнодорожного транспорта, не достигший 18-летнего возраста. Такой случай, безусловно, может быть только тогда, когда данный работник незаконно, в нарушение § 538 ПТЭ, допущен к исполнению обязанностей, непосредственно связанных с движением поездов.

Надо сказать, что в литературе, данный вопрос применительно к ст. 56—30 «а» УК УССР не освещался. В судебной практике мы также не встречали случаев привлечения к ответственности по данной статье лиц, не достигших указанного возраста.

Однако, если такие лица допущены к исполнению данных обязанностей, то в случае нарушения трудовой дисциплины, они, как нам думается, не должны освобождаться от уголовной ответственности. Применение к этим лицам ст. 22 рассматриваемого Закона должно разрешаться в каждом отдельном случае в зависимости от установления в их действиях всех признаков состава данного преступления. При этом, в вопросе о возрасте необходимо исходить из общих положений советского уголовного права, т. е. устанавливать уголовную ответственность таких лиц, начиная с 16 летнего возраста [1]. Следует только учитывать, что указанные случаи содержат в себе некоторые особенности.

---

[1] Ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года.

Одна из этих особенностей заключается в том, что наряду с привлечением лица, не достигшего 18-летнего возраста, к уголовной ответственности привлекается также и тот работник транспорта, который незаконно допустил данное лицо к обязанностям, связанным с движением поездов.

Вторая особенность касается ответственности самого нарушителя, не достигшего 18-летнего возраста.

При анализе состава совершенного им преступления, независимо от признания лица надлежащим субъектом, особое внимание должно быть уделено субъективной стороне этого состава.

Субъективная сторона такого преступления должна исследоваться с учетом всех особенностей возраста субъекта, т. е. его способности сознавать характер и общественную опасность совершаемого и предвидеть могущие произойти общественно-опасные последствия.

Вполне возможно, что характер большинства нарушений (прогул, невыполнение приказа начальника, несоблюдение определенных правил и т. п.), а также опасность их для нормальной работы железнодорожного транспорта сознается любым работником, в том числе и лицами моложе 18 лет. Освобождение такого лица от ответственности только на том основании, что он не достиг 18-летнего возраста, означало бы неосновательное исключение ответственности за преступление, общественная опасность которого сознается самим обвиняемым. Привлечение же их к ответственности за это нарушение не противоречит общим положениям советского уголовного права, ибо, устанавливая возраст уголовной ответственности с 16 лет (а по некоторым преступлениям с 14 лет), законодатель исходил при этом из того, что лица, достигшие этого возраста способны понимать преступный характер и общественную опасность совершенных им действий.

В более сложных случаях нарушений трудовой дисциплины, когда суд придет к выводу, что лицо все же не сознавало опасный характер своих действий и не могло их сознавать, ответственность работника, не достигшего 18 лет, исключается из-за отсутствия в его действиях вины, т. е. субъективной стороны состава преступления. Иначе говоря, в таких случаях, применяется общее правило, содержащееся в ст. 3 Основ уголовного законода-

тельства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., определяющей ответственность лиц за совершенное ими преступление лишь при наличии вины.

Признание лица работником транспорта, непосредственно связанным с движением поездов, предполагает наличие у субъекта необходимой профессиональной подготовленности и физического здоровья.

§ 535 ПТЭ предусматривает, что «каждый работник железнодорожного транспорта должен периодически подвергаться испытаниям в знании установленных правил и обязанностей, проверке знаний на практической работе, а также проверке выполнения им обязанностей по занимаемой должности». Особые требования содержатся в ПТЭ и относительно здоровья работника транспорта для занятия должности, связанной с движением поездов.

Указанные признаки относятся к характеристике субъекта преступления. Однако они не являются необходимыми, так как их отсутствие устраняет уголовную ответственность лишь в некоторых случаях, т. е. там, где лицо вследствие отсутствия необходимых знаний или здоровья не предвидит и не может предвидеть общественно-опасный характер им совершаемого.

И. Т. ШЕХОВЦОВ.

ЗАДАЧИ И МЕСТО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза ознаменовал вступление нашей страны в новый важнейший период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества.

«Главные задачи этого периода — создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи СССР и одновременно все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа»[1].

Необходимым условием осуществления намеченных партией мероприятий является укрепление социалистической законности во всех областях государственной и общественной деятельности, строжайшее соблюдение советских законов, нетерпимость к малейшим их нарушениям.

Придавая огромное значение укреплению социалистической законности, партия призвала все органы советского общества взяться за выполнение этой важной государственной задачи. XX съезд КПСС в своей резолюции подчеркнул, что партийные, государственные, профсоюзные организации должны бдительно стоять на страже советских законов, разоблачать и выводить на чистую воду всякого, кто посягнет на социалистический правопорядок

[1] О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Доклад тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС. Материалы внеочередного XXI съезда КПСС.—М. 1959. стр. 11.

и права советских граждан, сурово пресекать малейшее проявление беззакония и произвола.

В докладе XXI съезду КПСС тов. Н. С. Хрущев указывал: «У нас нередко еще встречаются люди, которые недобросовестно относятся к общественному труду, занимаются спекуляцией, нарушают дисциплину и общественный порядок. Нельзя спокойно ожидать, когда эти пережитки капитализма исчезнут сами по себе, необходимо вести против них решительную борьбу, направить общественное мнение против всяческих проявлений буржуазных взглядов и нравов, против антиобщественных элементов» [1].

Большая ответственность в деле борьбы за укрепление социалистической законности и за искоренение пережитков капитализма ложится на советский суд, как орган, осуществляющий правосудие, а также на прокуратуру и органы предварительного следствия.

Советское социалистическое правосудие имеет своей целью охранять от всяких посягательств советский государственный и общественный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, права и интересы граждан, гарантированные Конституцией СССР, права и охраняемые законом интересы государственных и общественных учреждений и организаций. Правосудие в СССР имеет также задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР (ст. 2 «Основ законодательства о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик»).

Эти задачи стоят как перед судом, так и перед прокуратурой и органами следствия. Отсюда вытекают общие для всех органов, ведущих борьбу с преступностью, задачи: «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (ст. 2 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»).

---

[1] О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС. Материалы внеочередного XXI съезда КПСС.— М. 1959, стр. 49.

Ст. 3 Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик говорит только о суде, как об органе, воспитывающем граждан в духе соблюдения социалистической законности. Однако не подлежит сомнению, что и органы предварительного следствия так же, как и суд всей своей деятельностью воспитывают граждан СССР в духе соблюдения социалистической законности.

Само производство расследования, привлечение определенного лица в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения, и вся вообще деятельность органов предварительного расследования оказывают огромное воспитательное воздействие на граждан. Вокруг расследуемого дела создается общественное мнение, обстановка нетерпимости к преступникам. Все это оказывает предупредительное воздействие на лиц, могущих совершить преступление, способствует воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения советских законов и уважения к правилам социалистического общежития.

Задачи, выполняемые органами предварительного следствия в области борьбы с преступностью, определяют и политическое значение работы этих органов.

В. И. Ленин, говоря о необходимости борьбы с врагами Советской власти, показал огромное политическое значение деятельности следственных органов, ведущих борьбу с преступниками. «А чтобы уметь ловить их,— указывал В. И. Ленин,— надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти» [1].

Органы предварительного следствия не только разоблачают преступников, но и выявляют условия, способствующие совершению преступлений, принимают меры к их предупреждению — и тем самым способствуют устранению препятствий, мешающих разрешению задач, стоящих перед нашим государством.

Необходимым условием осуществления социалистического правосудия является установление объективной истины по каждому уголовному делу.

Первая стадия уголовного процесса, где происходит

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 515.

отыскание объективной истины,— это стадия предварительного следствия, которой предшествует стадия возбуждения дела.

Необходимой предпосылкой отыскания истины по каждому уголовному делу является, в первую очередь правильное решение вопроса о том, имело ли место событие, по поводу которого возбуждено производство по делу, содержатся ли в этом событии признаки преступления и кем это преступление совершено.

В условиях социалистического общества изобличение и наказание преступников не является единственной формой борьбы с преступностью. Для советского уголовного процесса характерным является требование вскрыть условия, способствовавшие совершению конкретных преступлений и принять меры предупреждения преступлений.

Постановка такой задачи перед органами, ведущими борьбу с преступностью, и в частности — перед органами предварительного расследования вытекает из особой государственной важности быстрой ликвидации условий, способствующих совершению преступлений, устранения препятствий на пути к решению грандиозных задач строительства коммунизма в нашей стране.

В. И. Ленин, подчеркивая, что устранение препятствий на пути к достижению хозяйственных успехов является важной задачей органов правосудия, выдвинул требование, «чтобы нарсуды обратили больше внимания на судебное преследование бюрократизма, волокиты, хозяйственной нераспорядительности. Процессы по делам такого рода необходимы и для повышения ответственности за зло, с которым так трудно бороться в наших условиях, и для привлечения внимания рабочих и крестьянских масс к этому важнейшему вопросу, и для достижения практической цели: больших хозяйственных успехов»[1].

Выявление при расследовании уголовных дел в деятельности отдельных предприятий, учреждений и организаций недостатков, создающих условия для совершения преступлений, сигнализация об этих недостатках соответствующим органам с постановкой вопроса об их устранении — является важной задачей органов предварительного расследования, их вкладом в осуществление

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 155.

поставленной В. И. Лениным задачи: достижение больших хозяйственных успехов путем устранения вредных явлений в деятельности государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций.

Производя в соответствии со ст. 14 Основ уголовного судопроизводства полное и всестороннее расследование дела, следователь выясняет обстановку, которая дала преступникам возможность совершать преступления. При этом иногда вскрываются серьезные недостатки в организации работы государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций.

Например, при расследовании дел о преступлениях в области социалистического хозяйства следователь может выявить недостатки, связанные с организацией производства, хранением, сбытом и распределением материальных ценностей, постановкой бухгалтерского учета в отдельных хозяйственных предприятиях и организациях; при расследовании дел о хулиганстве могут быть выявлены серьезные недостатки в постановке культурно-воспитательной работы в отдельных предприятиях, учреждениях, организациях и т. д.

Выявление этих недостатков позволяет правильно разрешить вопрос о том, как и каким образом совершено преступление, кто и в какой мере к нему причастен, и в то же время дает основания для постановки перед соответствующими органами вопроса о ликвидации условий, способствующих совершению преступлений.

Действия органов предварительного следствия направленные на выявление и устранение условий, способствующих совершению преступлений, позволяют, не ожидая приговора суда и даже окончания предварительного расследования, принять необходимые меры для предотвращения возможности совершения в дальнейшем аналогичных и других преступлений.

Целесообразно предусмотреть в будущем УПК Украинской ССР норму, которая обязывала бы следователя и суд по каждому уголовному делу принимать меры к выявлению и устранению условий, способствовавших совершению преступления. Этим было бы узаконено положение, сложившееся на практике и отвечающее задачам борьбы с преступностью.

Одна из задач социалистического правосудия заключается в охране от всяких посягательств социалистиче-

ской собственности, личных, имущественных прав и интересов граждан. Охрана эта осуществляется не только путем изобличения и наказания лиц, совершивших преступные посягательства на социалистическую собственность, личные, имущественные права и интересы граждан, но и путем принятия мер к возмещению причиненного преступлениями ущерба.

Необходимость разрешения вопроса о возмещении имущественного ущерба, причиненного преступлениями, возникает во многих делах.

Закон (ст. ст. 117, 118 УПК УССР) обязывает следователя выяснить, причинен ли ущерб потерпевшему, разъяснить последнему его право на предъявление гражданского иска и принять меры обеспечения этого иска. Ст. 15 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» устанавливает, что при производстве предварительного следствия подлежат доказыванию характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Следователь должен тщательно исследовать все обстоятельства, имеющие значение для разрешения вопроса о том, причинен ли ущерб и каковы его размеры и характер. Необходимо также выяснить обстоятельства, свидетельствующие о наличии у обвиняемого определенного имущества, местонахождении этого имущества, возможности обращения на него взыскания, необходимо обеспечить сохранность обнаруженного имущества до вынесения судом приговора и обращения его к исполнению.

Важность вопросов, связанных с причинением и возмещением ущерба, позволяет говорить о том, что их разрешение представляет самостоятельную задачу предварительного расследования.

Таким образом, задачи предварительного следствия состоят в том, чтобы:

1. Установить наличие преступления и выяснить все обстоятельства, определяющие его юридическую квалификацию.

2. Выявить и изобличить лиц его совершивших.

3. Выяснить условия, которые способствовали совершению преступления, с целью принятия необходимых мер для предупреждения подобных или других преступлений в будущем.

4. Обеспечить возмещение имущественного ущерба, причиненного преступлением.

В принятых сессией Верховного Совета СССР пятого созыва «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» не перечислены все указанные выше задачи предварительного расследования. Однако в различных статьях «Основ» можно найти указания на необходимость разрешения каждой из этих задач в ходе предварительного следствия.

Так, основные задачи предварительного расследования — установление наличия события преступления, выявление и изобличение лиц, его совершивших,— выражены в ст. ст. 3 и 15 «Основ». Задача выяснения условий, способствовавших совершению преступления, с целью предупреждения в будущем аналогичных преступлений — вытекает из ст. 2 «Основ», согласно которой уголовное судопроизводство должно способствовать предупреждению и искоренению преступлений. Задача обеспечения органами предварительного расследования возмещения причиненного имущественного ущерба вытекает из возложенной на эти органы ст. 15 «Основ» обязанности доказать характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Необходимо, чтобы в будущем УПК УССР все перечисленные выше задачи предварительного расследования получили четкое выражение в разделе, посвященном общим условиям производства предварительного расследования. Это будет способствовать правильному определению предмета доказывания и в конечном счете — улучшению качества предварительного расследования и усилению борьбы с преступностью.

В действующих уголовно-процессуальных кодексах союзных республик нет статьи, в которой были бы формулированы задачи предварительного следствия.

Нельзя согласиться с В. А. Стремовским в том, что задачи предварительного следствия изложены в ст. 109 УПК УССР (ст. 111 УПК РСФСР) [1]. В указанной статье УПК речь идет не о задачах предварительного следствия, а об одном из его условий — объективности, которая находит свое выражение, в частности, в том, что следова-

[1] В. А. Стремовский, Предварительное расследование в советском уголовном процессе (основные положения), 1958 г. стр. 8

тель исследует «обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности».

Следствие может быть признано полным, всесторонним и объективным лишь тогда, когда собраны все доказательства, необходимые для получения достоверных выводов по всем вопросам, подлежащим разрешению в каждом уголовном деле. Следует поэтому признать неправильным высказывание Р. Д. Рахунова о том, что задачей предварительного расследования являются отыскание основных доказательств [1].

В советском уголовном процессе не может иметь место деление доказательств на основные и неосновные. Ни закон, ни теория, ни практика не знают такого деления. Утверждение Р. Д. Рахунова не только не соответствует основным положениям советского уголовно-процессуального права, но и противоречит предъявляемым ко всем стадиям уголовного процесса, в том числе и к стадии предварительного следствия, требованиям полноты, всесторонности и объективности, в силу которых на предварительном следствии должны быть собраны все необходимые для правильного разрешения дела доказательства.

Именно потому и возвращается дело для дополнительного расследования в случае неполноты предварительного следствия, что при такой неполноте невозможно установление объективной истины в стадии судебного разбирательства.

Каждая из стадий процесса, в том числе и предварительное следствие — это необходимые звенья в системе советского уголовного процесса. Занимая в этой системе самостоятельное место, предварительное следствие имеет своим назначением представление в суд полноценного доказательственного материала с тем, чтобы в суде после всестороннего исследования фактических обстоятельств дела были разрешены окончательно вопросы, по которым органами предварительного расследования ранее были сделаны предварительные выводы о наличии преступления и лицах, его совершивших.

---

[1] Р. Д. Рахунов, Свидетельские показания в советском уголовном процессе, 1955, стр. 63.

Этим определяется место стадии предварительного расследования в советском уголовном процессе и ее взаимосвязь со стадией судебного разбирательства.

Уже в первые годы существования Советской власти, когда только начинали создаваться органы расследования молодого социалистического государства, предварительному следствию придавалось значение важного звена в советском уголовном процессе.

В резолюции «О постановке предварительного следствия», принятой съездом следкомов и народных судов Белорусской Советской республики в заседании 13 февраля 1919 г., указывалось: «Полагая, что следствие есть тот фундамент, на коем строится уголовный процесс, что только правильно построенный как в техническом, так и в политическом отношении следственный аппарат может явиться основой для пролетарского правосудия, съезд находит нужным следующие основные принципы ведения следствия...»[1].

В резолюции «О следствии», принятой IV Всероссийским съездом деятелей юстиции в 1922 году, указывалось: «Следствие, тесно связанное с дознанием, является основной частью судебного процесса; правильная постановка следствия предрешает правильный и нормальный исход всего судебного процесса»[2]. И дальше: «Сложность задач, предварительного следствия, важность его как основы всего процесса, значение следователя — требуют обращения самого серьезного внимания на подготовку и положение следователей»[3].

Значение, которое имеет деятельность следственных органов для успешного разрешения задач социалистического правосудия, определяет и те высокие требования, которые предъявляются к деятельности этих органов.

Расследование может быть признано полным и всесторонним лишь тогда, когда все обстоятельства дела детально исследованы, когда выяснена вся картина совершенного преступления, выявлены все виновники и степень вины каждого из них, когда выяснены и разрешены все возникшие в процессе следствия сомнения и противоречия.

Требования полноты, всесторонности и объективности

[1] «Пролетарская революция и право», 1919 г, № 11, стр. 121
[2] «Вестник Советской юстиции» 1922 г., № 2, стр. 70.
[3] Там же, стр. 72.

расследования четко выражены в законе (ст. ст. 109, 110 УПК УССР). Сейчас это важнейшее требование получило выражение в ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Обязывая следователя провести полное, всестороннее и объективное расследование дела, закон исходит из того, что на предварительном следствии для этого имеются все возможности.

«Предварительное расследование,— указывает Г. М. Миньковский,— является предварительным не с точки зрения объема собранных материалов и достоверности вытекающих из них выводов следователя, а с точки зрения их значения для дальнейшей судьбы дела в случаях, когда расследование кончается составлением обвинительного заключения» [1].

Следователь может считать свою задачу выполненной, тогда, когда из собранных по делу доказательств могут быть получены достоверные выводы по всем вопросам, относящимся к событию преступления и к лицу, его совершившему; когда выяснены условия, способствовавшие совершению данного преступления, и приняты меры к устранению этих условий; когда обеспечено возмещение причиненного имущественного ущерба.

Однако выполнением задач предварительного следствия еще не достигается конечная цель всех стадий процесса,— вынесение судом законного и обоснованного приговора.

В стадии судебного разбирательства осуществляется акт правосудия — выносится от имени государства приговор, который после вступления в законную силу приобретает для данного дела силу закона. В приговоре объективная истина именем государства провозглашается установленной. Вполне естественно, что судебное разбирательство занимает центральное место в системе советского уголовного процесса.

Представленные в суд материалы предварительного расследования имеют большое значение в исследовании, производимом судом. Объем этих материалов в значительной мере определяет объем судебного исследования, от качества предварительного расследования во многом зависит качество судебного следствия.

[1] Г. М. Миньковский, Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту, 1957 г., стр. 7.

В стадии судебного разбирательства происходит новое самостоятельное исследование дела; новое — потому, что оно производится иным органом (не следователем, а судом) и в других процессуальных условиях; самостоятельное — потому, что суд в выборе путей исследования фактических обстоятельств дела не связан ранее производившимся исследованием. Материалы предварительного следствия являются исходными для судебного следствия, суд может привлечь новые доказательства в дополнение к тем, которые уже имеются в деле; сила доказательств устанавливается самим судом путем их оценки в судебном заседании.

Вместе с тем, суд учитывает исследование, производившееся на предварительном следствии, и проверяет собранные следователем доказательства. Необходимо поэтому решить — какое значение для направления и содержания судебного следствия, являющегося, как мы видели, новым самостоятельным исследованием, имеют материалы предварительного следствия, какое место в судебном следствии занимает проверка материалов, собранных следователем по делу.

В соответствии со ст. 238 УПК УССР (ст. 257 УПК РСФСР) председательствующий в судебном заседании направляет судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины. Суд должен избрать такой путь исследования дела, который вел бы кратчайшим путем к отысканию объективной истины. При этом суд не может не исходить из того, что обстоятельства, которые ему нужно выяснить в судебном заседании, уже исследовались на предварительном следствии, что доказательства проанализированы и систематизированы, что из этих доказательств следователем сделаны определенные выводы по вопросам, подлежащим разрешению суда.

Судебное следствие начинается рассмотрением доказательств, ранее исследовавшихся на предварительном расследовании. Так, например, при допросе свидетеля, ранее допрашивавшегося на предварительном следствии, суд, в первую очередь, интересуется фактами, о которых этот свидетель сообщал ранее. При этом суд сопоставляет показания, данные свидетелем на предварительном следствии, с показаниями, даваемыми в судебном заседании, и в случае обнаружения каких-либо существенных расхождений и противоречий устанавливает их при-

чину с тем, чтобы решить вопрос о правильности тех или других из этих показаний.

Таким образом, в процессе исследования доказательств, производимого судом, происходит и проверка этих доказательств, иначе говоря проверка исследования, проведенного на предварительном следствии.

Из сказанного видно, что новое самостоятельное исследование, каким является судебное следствие, не исключает, а напротив предполагает, включает в себя проверку материалов предварительного следствия точно так же, как эта проверка не исключает того, что исследование, проводимое судом, является новым, самостоятельным. Поэтому между положениями о том, что судебное следствие является новым самостоятельным исследованием и что в суде происходит проверка собранных на предварительном расследовании доказательств,— нет противоречия.

Указания на необходимость проверки судом материалов предварительного расследования содержатся в законе. В ст. 43 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» указывается, что суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» говорится, что «данные предварительного следствия должны быть рассмотрены и проверены судом в процессе судебного следствия и только такие данные могут быть положены в основу приговора»[1].

Требование закона об обязательной проверке в суде материалов предварительного следствия не является выражением недоверия к этим материалам. В советском уголовном процессе не может иметь место противопоставление материалов судебного следствия материалам предварительного расследования.

Суд может признать достоверными показания обвиняемого и свидетелей, данные не на судебном следствии, а на следствии предварительном; более того — суд после проведения полного и всестороннего судебного следствия может обосновать приговор материалами предварительного расследования. Это находится в соответствии с при-

[1] Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1957 г.г., М. 1958, стр. 93.

веденным выше положением о том, что приговор представляет собой результат всей работы суда и органов предварительного следствия.

В тех случаях, когда предварительное следствие проведено исчерпывающе полно и всесторонне, в судебном разбирательстве не возникает надобности истребования дополнительных, не исследовавшихся на предварительном следствии доказательств. Судебное следствие в этих случаях сведется к рассмотрению доказательств, собранных в стадии предварительного следствия.

Если судом будет установлено, что в стадии предварительного следствия были допущены ошибки, вследствие чего остались невыясненными существенные для дела обстоятельства, суд должен разрешить вопрос: можно ли устранить эти ошибки и восполнить допущенные пробелы.

Некоторые из допущенных следователем пробелов создают непреодолимые в условиях судебного разбирательства препятствия для установления объективной истины. Например, плохо проведенный осмотр места происшествия оставляет невосполнимый пробел в материалах дела, так как к моменту рассмотрения дела судом обстановка места происшествия может существенно измениться, а имевшиеся следы и вещественные доказательства могут исчезнуть или потерять первоначальный вид и т. д.

Неправ поэтому И. Д. Перлов, считающий, что «правильно и полно проведенное судебное следствие всегда дает возможность исправить любую ошибку, допущенную в ходе предварительного следствия»[1].

Закон предусматривает возможность таких ошибок предварительного расследования, которые не могут быть исправлены в условиях судебного следствия. Так, в п. «а» статьи 233[1] УПК УССР (п. «а» ст. 236 УПК РСФСР) указано, что дело не может быть назначено к слушанию в судебном заседании в случае существенной неполноты предварительного расследования, если это нельзя исправить во время судебного следствия. Ст. 280 УПК УССР предоставляет суду право возвратить дело к доследованию лишь в том случае, когда установленная

[1] И. Д. Перлов, Предание суду в советском уголовном процессе, 1948 г., стр. 9.

в судебном заседании неполнота предварительного расследования не может быть восполнена в том же судебном заседании.

Если же выяснение недостаточно исследованных или полностью не исследованных на предварительном следствии обстоятельств возможно в условиях судебного следствия, суд истребует и исследует дополнительные доказательства.

Таким образом, от полноты и всесторонности предварительного расследования зависит в значительной мере объем судебного следствия, его содержание и результаты и в конечном итоге — успешность борьбы с преступностью и осуществление задач социалистического правосудия.

* * *

На основе всего изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Задачи, стоящие перед правосудием, определяют содержание работы как суда, так и органов предварительного следствия и политическое значение этой работы.

2. Расследование уголовных дел — это первый этап на пути к вынесению законного и обоснованного приговора. От успешного решения задач, стоящих перед предварительным следствием, зависит в значительной мере выполнение задач, возложенных на суд, успешность всей борьбы с преступностью.

3. Конкретными задачами предварительного следствия являются: установление события преступления и обстоятельств, определяющих его юридическую квалификацию; выявление и изобличение лиц, его совершивших; выяснение условий, которые способствовали совершению преступления, с целью принятия необходимых мер для предупреждения подобных или аналогичных преступлений в будущем; обеспечение возмещения имущественного ущерба, причиненного преступлением.

4. Органы предварительного следствия производят полное и всестороннее исследование дела, и таким путем собирают доказательства, необходимые для получения достоверных выводов по всем вопросам, подлежащим разрешению в этом деле.

5. Предварительное следствие занимает самостоятельное место в советском уголовном процессе и имеет

своим назначением представление полноценного доказательственного материала в суд, который после рассмотрения всех обстоятельств дела разрешает вопрос о наличии преступления и о виновности в нем преданных суду лиц.

6. Судебное следствие, являющееся новым, самостоятельным исследованием, включает в себя проверку материалов предварительного следствия. Представленные в суд материалы предварительного следствия в значительной мере определяют объем судебного следствия, его содержание и результаты.

В. Ф. ГУЩИН.

ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ И ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗЫ ЗЕРНА ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИИ В КОЛХОЗАХ И СОВХОЗАХ

Успешное расследование дел о хищении зерна в колхозах и совхозах в значительной мере зависит от качественно проведенной экспертизы зерна. При обнаружении на месте происшествия или у лица, подозреваемого в хищении, зерна, возникает необходимость установить, является ли оно похищенным и откуда именно. В этом случае большую помощь оказывает экспертиза, которая путем сравнительного исследования устанавливает однородность или неоднородность образцов зерна, изъятых у лица при обыске, с образцами зерна, взятыми из хранилищ (кладовая, склад, ток и т. д.), откуда было совершено хищение. Определение однородности или неоднородности этих образцов является важным доказательством по делу.

Порядок производства экспертизы зерна регулируется в настоящее время инструкцией, разработанной Министерством сельского хозяйства и согласованной с Прокуратурой СССР [1].

Изучение материалов следственной практики показывает, что в вопросах порядка производства экспертизы

[1] Инструкция о порядке производства экспертизы по идентификации (установление тождественности) образцов зерна. Утверждена Начальником Главного управления зерновых и масличных культур Министерства сельского хозяйства СССР 16 июня 1947 года.

зерна имеются существенные недостатки, которые относятся, прежде всего, к подготовке материалов для экспертизы. При подготовке материалов для направления на экспертизу весьма важное значение имеет правильный отбор образцов зерна, который во многом определяет результаты производства экспертизы и создает залог успешного расследования дела.

В настоящее время при отборе и изъятии образцов зерна следственные органы руководствуются действующей инструкцией (пункт 3), рекомендующей средний образец составлять из отдельных небольших выемок зерна, отбираемых щупом или руками. При хранении зерна высокой насыпью выемки берутся в нескольких местах и с различной глубины. Если же зерно находится в таре, то выемки следует брать мешочным щупом сверху, в середине и внизу. Таким образом, инструкция при всех возможных способах хранения зерна рекомендует средние образцы составлять из отдельных выемок, взятых в различных участках.

В опубликованной криминалистической литературе, посвященной экспертизе зерна, имеются указания о том, что должен представлять образец зерна. Так, М. Г. Коршик отмечает, что образец зерна, посылаемый на экспертизу, должен полностью отражать основные признаки той партии зерна, от которой он отобран [1]. Это положение автор подчеркивает и в другой работе, указывая, что образец по своим качественным показателям должен содержать признаки всей партии зерна, а не какой-то отдельной ее части [2]. Следовательно, средний образец зерна, составленный из отдельных выемок, должен обязательно отражать признаки всей партии зерна, от которой он отобран.

Подобная характеристика среднего образца и порядок его отбора соответствует требованиям инструкции, когда экспертиза разрешает вопросы, связанные с определением посевных, хлебопекарных и фуражных качеств зерна. В случае проведения экспертизы зерна по заданию следственных и судебных органов подобные рекомендации по отбору образцов представляются неточными и

[1] М. Г. Коршик. Расследование хищений колхозной собственности, Госюриздат, Москва, 1954 г., стр. 86.

[2] М. Коршик, Экспертиза зерна и продуктов её переработки, «Социалистическая законность», № 3, 1958 г., стр. 70.

нуждаются в совершенствовании. Образцы, отобранные методом средних проб без учета способа хранения и места непосредственного изъятия зерна, не отражают тех свойств, которые необходимо учитывать эксперту при производстве экспертизы зерна по уголовным и гражданским делам.

Изучение уголовных дел о расследовании хищений зерна в колхозах и совхозах показывает, что расхитители очень редко похищают зерно целыми партиями. Чаще всего они похищают какую-то часть данной партии. Поэтому справедливо возникают вопросы: почему выемки для составления среднего образца следует брать в разных местах и из различных слоёв зерна? Почему образец должен содержать признаки всей партии зерна? Например, преступник похитил зерно из вороха с наветренной стороны, причем четко виден участок изъятия зерна. В этом случае нет смысла брать выемки зерна сверху, середины и низа вороха и составлять средний образец. Такой образец значительно отличался бы по своим качественным показателям от похищенного зерна, поскольку не учтен способ хранения зерна и место его хищения.

Способы хранения зерна в зависимости от периода сельскохозяйственных работ различны. В период уборки урожая и подработки зерна на току оно ссыпается в вороха высокой насыпью. В различных участках вороха характеристика выемок зерна будет неодинакова. Зерно целое, битое, поврежденное вредителями и его примеси (семена культурных растений и сорняков, мертвый сор) распределяются по поверхности и в глубине вороха в зависимости от веса, размера, формы, наличия ветра и способа подработки. Так, более легкие по весу зерна и примеси располагаются вверху и с подветренной стороны, а более тяжелые, полноценные зерна, а также тяжелые частицы мертвого сора — внизу вороха и с наветренной стороны. Чистота зерна, ботанический состав примесей и мертвый сор на поверхности вороха, в середине его и внизу в зависимости от условий подработки (применение транспортера, лопаты, наличия ветра и т. п.) будут различны.

Таким образом, учитывая способ хранения зерна и наличие видимого места изъятия его, представляется правильным и обоснованным брать выемки зерна с поверхности вороха и наветренной стороны в участке, располо-

женном рядом с видимым местом изъятия зерна преступником. Из полученных выемок следует составлять средний образец. Такой образец зерна, на наш взгляд, по своим качественным показателям характеризовал бы похищенное зерно.

Если зерно похищено на току или из сушилки (сушильной площадки), где оно хранилось насыпью, и неизвестно откуда преступники изъяли его, то в таких случаях целесообразно изымать несколько образцов из различных мест и различных слоёв насыпи зерна. Из этих образцов ни в коем случае нельзя составлять средний образец. Каждую выемку-образец необходимо отдельно упаковать, в протоколе изъятия точно указать откуда они изъяты и направить на исследование.

При хранении зерна в складах и кладовых насыпью в закромах, преступники похищают его с поверхности насыпи или же просверливают (проламывают) в полу, стенах отверстия, через которые зерно как-бы вытекает. В этих случаях выемки зерна целесообразно брать соответственно сверху насыпи в закроме или просверливать отверстия на расстоянии 20—25 см. от отверстий, сделанных преступником в полу или стенах закрома (о чем должна быть произведена соответствующая запись в протоколе изъятия), и через них изымать определенное количество зерна для составления среднего образца. Полученные таким способом образцы зерна по своим качественным показателям будут характеризовать похищенное зерно из кладовой или склада.

Если похищенное зерно находилось в мешках или другой таре, то для составления среднего образца выемки зерна берут при помощи щупа из трех слоев — верхнего, среднего и нижнего. При отсутствии щупа зерно рекомендуется высыпать на брезент или чистое полотно, перемешивать его и методом неоднократного крестообразного деления изъять средний образец.

Имеют место случаи, когда преступники прибегают к маскировке похищенного зерна. Для этой цели они в зерно добавляют семена культурных растений или сорняков, мертвые отходы ввиде земли, песка, половы и т. д. В таких случаях для изобличения преступника необходимо отбирать, наряду с образцами похищенного зерна, образцы других культур и сорняков, которые во время обыска были обнаружены. На исследование следует на-

правлять и мертвые отходы, имеющиеся в хозяйстве обыскиваемого.

Для успешного проведения экспертизы определенное значение имеет количество представленного на исследование зерна. По действующей инструкции вес среднего образца зерновых культур должен составлять не менее одного килограмма. Обобщение материалов следственной практики показывает, что это указание об изъятии среднего образца весом не менее одного килограмма вызывает существенное возражение. Не всегда на месте происшествия или при обыске можно обнаружить такое количество зерна. Это бывает в случаях, когда расхитители к моменту производства обыска уже реализовали похищенное зерно. В результате обыска иногда в распоряжении следователя оказывается несколько зерен (иногда десятки зерен), которые представляют часть похищенного зерна и являются незаменимым доказательством по делу. Для иллюстрации рассмотрим пример из следственной практики.

В ночь на 26 ноября 1957 года Бриль Г. А. и Попадченко С. Ф., взломав замок, совершили кражу пшеницы в количестве четырех мешков из кладовой колхоза имени Чапаева. Похищенную пшеницу они на велосипедах доставили в лесопосадку у железнодорожной станции Прудянка. Велосипеды и резиновые сапоги, в которые был обут Бриль, преступники оставили во дворе гр-на Вакулы. Похищенное зерно ими было доставлено в г. Харьков и реализовано на коммунальном рынке. При осмотре места происшествия, у кладовой колхоза были обнаружены следы, оставленные резиновыми сапогами и покрышками велосипедов. Служебная собака взяла след от кладовой колхоза и привела участников осмотра в поселок Прудянка к дому гр-на Вакулы Н. Е., где были обнаружены велосипед и резиновые сапоги, из последних изъято несколько десятков зерен пшеницы. При возвращении из Харькова в поселок Прудянка преступники были задержаны. У них были изъяты четыре пустых мешка, в которых найдено по несколько зерен пшеницы. Для производства экспертизы следователь направил образец зерна, изъятый из кладовой колхоза, а также все зерна пшеницы, обнаруженные в резиновых сапогах и мешках, хотя их и было несколько десятков. Эксперт

дал категорическое заключение об однородности представленных образцов пшеницы [1].

Правильно ли поступил в этом случае следователь, если инструкция категорически требует отбирать и направлять на исследование образец зерна весом не менее одного килограмма? Следует считать действия следователя правильными. Многочисленные примеры следственной практики подтверждают это положение.

Указание инструкции о том, что вес среднего образца должен быть для зерновых культур не менее одного килограмма в зависимости от крупности семян, не конкретно. Выходит, что минимальный вес образца должен быть один килограмм, максимальный же вес образца инструкция ориентирует «в зависимости от крупности семян». Зерновые хлебные культуры (пшеница, рожь, овес, ячмень, просо, кукуруза, рис, гречиха), бобовые культуры (горох, чечевица, фасоль и др.) и масляничные культуры (подсолнечник, лен, арахис и др.) по крупности семян безусловно отличаются. Но указаний инструкции о весе среднего образца от каждой из перечисленных культур не имеется. Следственным работникам самим приходится решать вопрос о весе среднего образца семян той или иной культуры. В большинстве же случаев они отбирают образцы зерна весом в один килограмм для любой культуры. Необходимо признать, что количество зерна, потребное для составления веса среднего образца по ранее перечисленным зерновым культурам, должно быть различным, так как вес зерен этих культур, их форма, размеры, цвет, запах и биохимический состав не одинаков. Различные зерновые культуры имеют и различные идентификационные признаки, на основании которых происходит сравнительное исследование при отождествлении образцов зерна. Вес образца зерна пшеницы безусловно будет отличаться по количеству зерен, например, от веса образца кукурузы, проса или гречихи. Поэтому при определении веса среднего образца в обоснование следует брать не «крупность семян», а количество зерна, необходимое для дачи научно-обоснованного заключения об однородности представленных образцов зерна на основании исследования полного комплекса их признаков.

[1] Дело № сл-4 по обвинению Бриль Г. А. и Попадченко С. Ф. Из практики прокуратуры Дергачевского района, Харьковской области.

В целях определения веса среднего образца для каждой зерновой культуры представляется необходимой научная разработка полного комплекса идентификационных признаков семян, необходимого для сравнительного исследования по всем зерновым культурам.

При отборе образцов зерна необходимо учитывать, что они могут понадобиться для обозрения в суде.

Иногда по обстоятельствам дела может быть назначена повторная экспертиза зерна. Для нее следует также направлять соответствующие образцы зерна, равновесные и однородные с подвергнутыми ранее исследованию. Зачастую к моменту назначения повторной экспертизы следователь уже не имеет возможности изъять новые образцы зерна. Следователи согласно инструкции направляют на экспертизу, как правило, целиком все отобранные образцы зерна, хотя до сих пор не установлено, нужно ли полностью весь образец весом в один килограмм направлять на первичную экспертизу. В этих случаях следователи вынуждены представлять на повторную экспертизу уже подвергавшиеся исследованию образцы, которые по инструкции должны храниться в лаборатории в течение шести месяцев со дня анализа. Исследование этих образцов при повторных экспертизах затруднительно, а иногда и совсем невозможно, так как они подверглись уже соответствующим изменениям в процессе исследований и хранения. В результате этого следственные органы лишены возможности получить научно-обоснованное заключение эксперта.

Таким образом, отбору образцов зерна для производства экспертизы необходимо научное обоснование. Вес отобранного образца должен обеспечить как полное исследование по всем разработанным в достаточной степени признакам зерна для сравнительного анализа, так и производство повторных экспертиз и возможность обозрения в суде.

Представляется целесообразным отбирать каждый образец зерна в 3—4 повторностях от каждой культуры. При этом, вес каждой из них должен обеспечить исследование всего комплекса признаков семян той или иной культуры. На первичную экспертизу надо направлять каждый образец в первой повторности, остальные повторности каждого образца следует хранить в камере следователя, чтобы в дальнейшем образцы второй и тре-

тьей повторности представлять на повторные экспертизы, а образцы в четвертой повторности направлять для обозрения в суде. Изъятие образцов зерна таким способом позволит следователю иметь в своем распоряжении неизменные образцы до окончания следствия и рассмотрения дела в суде.

Инструкция рекомендует отобранный образец семян (дополняем — каждой его повторности) помещать в чистый сухой матерчатый мешочек, железные (стеклянные) банки с крышками. В каждый мешочек или банку вкладывается бумажный ярлык с указанием в нем даты, места изъятия образца, культуры, сорта, веса партии семян, для какой цели он изъят и каждый мешочек опечатывается сургучной печатью. Снаружи мешочка (банки) наклеивается второй бумажный ярлык с указанием упомянутых данных, а также порядкового номера, который необходимо присвоить каждому образцу.

Об изъятии образцов зерна следственные органы составляют протокол, в котором необходимо указывать: а) наименование колхоза, совхоза или фамилию лица, у которого изъяты образцы зерна; б) название культуры и сорта по документам, если таковые имеются; в) вес всей партии зерна; г) подробное описание вида и состояния хранилища, из которого изъяты образцы; д) метод изъятия образцов, их вес и характер упаковки; е) условия хранения семян, а именно: 1) как хранились подлежащие исследованию семена (насыпью или в таре); 2) какие другие культуры и сорта семян хранились в том же помещении; 3) надежно ли изолированы подлежащие экспертизе семена от других партий зерна, хранящихся в том же помещении; 4) состояние помещения (крыша, пол, стены), в котором хранились семена.

Отобранные следователем образцы зерна вместе с протоколами изъятия направляются в ближайшую лабораторию. Направляя материалы на экспертизу, необходимо составить постановление о назначении экспертизы зерна. Наблюдаются случаи, когда следователь, вынося постановление, находится в затруднительном положении в смысле наименования экспертизы и формулировки вопросов. Иногда следователи называют её «химической экспертизой зерна», «биологической экспертизой», «агротехнической», «криминалистической» и т. п. Наиболее удачным представляется наименование данной эксперти-

зы «судебно-биологической экспертизой зерна», хотя это название носит условный характер, все же оно в большей степени, чем иные, отражает специфику этой экспертизы. В постановлении следует указывать обстоятельства дела, вызвавшие необходимость в производстве экспертизы, давать характеристику представленным образцам и формулировать вопросы.

Вопросы следователи формулируют так: «1. Имеется ли сходство зерна пшеницы в мешочках № 2, № 3 и № 4, изъятого в хозяйстве Бойко М. Ф., с зерном в мешочке № 1, взятым на сушильной площадке колхоза имени Ивана Франко? 2. Является ли зерно пшеницы в мешочках № 2 и № 3 зерном урожая 1957 года, а в мешочке № 4 — урожая прошлых лет?» [1];

«1. Установить, является ли зерно кормового люпина, изъятого у Лазаревой Е. Г., тождественным с изъятым зерновым люпином с места хищения? Какого года урожая эти образцы?» [2]; «1. К какому сорту относится пшеница, обнаруженная у гражданина Коломиец?» [3].

Подобная формулировка вопросов эксперту свидетельствует о том, что следователи, не имея подробно разработанных методических пособий о постановке вопросов эксперту, встречают большие затруднения. И не случайно они в одних случаях ставят вопрос об определении сходства зерна, в других — о тождественности образцов зерна. При расследовании дел о хищении зерна следствие интересует не определение экспертом внешнего сходства тех или иных образцов, а групповая их идентификация, т. е. определение однородности представленных на исследование образцов путем научно-обоснованного сравнительного исследования определенного комплекса признаков зерна той или иной культуры. Определение сорта является одним из приемов на пути к определению однородности зерна.

Наряду с определением однородности представленных на исследование образцов зерна следствие интересует

[1] Дело № 21666 о хищении зерна с сушильной площадки колхоза им. Ивана Франко. Из практики прокуратуры Радеховского района, Львовской области.

[2] Дело о хищении зерна кормового люпина в колхозе имени Щорса. Из практики прокуратуры Семеновского района, Черниговской области.

[3] Дело о хищении пшеницы в совхозе им. Чапаева. Из практики прокуратуры Харьковского района, Харьковской области.

также и определение года урожая, поскольку решение этого вопроса имеет существенное значение при расследовании дел о хищении зерна.

Формулировка вопросов должна быть четкой и понятной. Если она окажется неточной или в ней будут применены ненаучные термины, противоречащие общепринятым, то эксперт, сохраняя содержание вопроса, обязан разработать более совершенную формулировку [1].

Представляется целесообразным привести примерный перечень вопросов, которые могут быть поставлены перед судебно-биологической экспертизой зерна. На ее разрешение можно поставить такие вопросы:

1. Однородно ли зерно пшеницы (образцы № 2, № 3 и № 4), изъятое в хозяйстве Бойко М. Ф., с зерном пшеницы (образец № 1), изъятым на сушильной площадке колхоза имени Ивана Франко? 2. Одного ли года урожая зерно пшеницы в образцах № 2, № 3 и № 4? 3. К какому сорту относится пшеница (образец № 1), изъятая у гр-на Иванова И. Н.?

Приведенные вопросы не являются исчерпывающими, они могут быть изменены и дополнены следователем в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

На основании действующей инструкции следователь, как правило, для производства экспертизы зерна обращается в контрольно-семенные лаборатории Министерства сельского хозяйства СССР. При исследовании образцов они руководствуются установленными правилами анализа семян в целях селекции, сортоведения и семеноводства. Схема исследования предусматривает выявление следующих признаков:

1. Количество отхода семян основной культуры по группам (щуплые, проросшие, поврежденные вредителями, битые), их процентное содержание.

2. Установление видового состава семян культурных растений и сорняков, количество каждого вида на один килограмм зерна.

3. Исследование мертвого сора по группам (экскременты, земля, мякина и др.) и вычисление их процентного содержания.

---

[1] Инструкция о порядке проведения криминалистической экспертизы в научно-исследовательских учреждениях Министерства юстиции УССР, подготовке и оформлению материалов, посылаемых на исследование, Киев — 1959.

Таким образом, установление однородности зерна осуществляется только на основе трех признаков, включающих тщательный анализ отходов семян основной культуры, установление видового состава примесей и мертвого сора, без исследования самого зерна. Следует признать, что отход семян основной культуры, состав примесей и мертвый сор в каждом исследуемом образце составляют только незначительную часть его веса. По результатам анализа незначительного количества отходов и примесей, без исследования собственно зерна образцов, как нам представляется, нельзя делать вывод об однородности представленных на исследование образцов зерна.

Только сравнительное исследование биохимического состава зерна и его физико-механических свойств позволит сделать вывод об однородности образцов. Биохимический анализ может установить большую группу достаточно устойчивых признаков, совокупность которых позволит сделать научно-обоснованный вывод об однородности образцов зерна.

В опубликованной литературе, посвященной биохимии зерна, указывается, например, что средний химический состав зерна пшеницы состоит из следующих веществ: белков—15%, клетчатки — 2,5%, жира — 2%, крахмала — 75%, золы — 2%, влажность — 12%. Этот биохимический состав зерна зависит от сорта, а также от места произрастания, способов возделывания, применяемых удобрений, орошения, сроков сева и т. п. Важным признаком является распределение этих веществ по основным тканям и частям зерна. В зерне пшеницы обнаружено несколько видов белков, состав которых различен. Белок глиадин отличается от белка глютенина по количеству и растворимости в щелочи и спирте. Пшеницы различных видов и сортов, выращиваемых в одном и том же пункте, дают зерна с большим колебанием белка, других составных веществ и микроэлементов золы (калий, фосфор, сера, магний и др.) за счет климатических и почвенных условий, а также за счет разного времени образования органов и получения неодинакового количества почвенного азота. При длительном хранении происходят биохимические изменения в составе зерна, а также наступает «старость» белка, который теряет некоторые коллоидальные свойства. В нем уменьшается

упругость, эластичность, набухание и т. п. Эти признаки также могут быть использованы для установления однородности.

Тщательное изучение биохимического состава семян зерновых культур позволит эксперту установить целый ряд крайне важных признаков, необходимых для сравнительного исследования при определении однородности образцов зерна. Выводы эксперта об однородности образцов зерна на основании сравнительного исследования биохимического состава семян с учетом характеристики внешних признаков отходов и примесей будут научно-обоснованными.

При установлении однородности семян пшеницы инструкция рекомендует дополнительно к анализу отходов и примесей проводить следующие анализы: а) определение вида пшеницы (твердая, мягкая) с вычислением их процентного содержания; б) цвета семян (краснозерная, белозерная) и процентного содержания с преобладающей окраской; в) характера и степени окраски семян фенолом; г) наличие или отсутствие специальной окраски колеоптиля.

Если перечисленных видов анализа недостаточно, то для заключения об однородности рекомендуется проводить определение абсолютного веса, всхожести, зараженности семян вредителями, а также определение формы семян зерновых культур (озимая, яровая).

Указанные дополнительные признаки без биохимического исследования состава семян и их физико-механических свойств безусловно не могут служить достаточным основанием для заключения об однородности образцов зерна.

Изучение актов экспертиз зерна, выполненных контрольно-семенными лабораториями по заданиям следственных и судебных органов, показывает, что исследования производятся неполно, только по внешним трем признакам, рекомендованным инструкцией.

По делу о хищении 600 кг. пшеницы из кладовой совхоза им. Чапаева была назначена судебно-биологическая экспертиза зерна для разрешения следующих вопросов: 1. К какому сорту относится пшеница (образец № 1), обнаруженная у гр-на Коломиец? 2. К какому сорту относится пшеница урожая 1955 г. (образец № 2), изъятая

в кладовой совхоза им. Чапаева? 3. Однородны ли пшеница, обнаруженная у гр-на Коломиец, и пшеница, изъятая из кладовой совхоза им. Чапаева?

Контрольно-семенная лаборатория Харьковского района произвела следующие анализы: определила чистоту семян, процентное содержание отходов и примесей, ботанический состав примесей живого сора в штуках на килограмм веса, а также абсолютный вес, цвет и запах зерна. На основании этих данных было дано заключение о том, что исследуемые образцы зерна пшеницы по чистоте, цвету, запаху зерна, абсолютному весу и составу культурной примеси являются однородными, а по примесям семян сорняков — неоднородными (образец № 1 имеет по 1 зерну на килограмм вьюнка полевого и дикой редьки, в образце № 2 их нет, но зато есть одно зерно вьюнковой гречихи, которая отсутствует в образце № 1).

Приведенное выше заключение противоречиво: в первой части отмечается, что исследуемые образцы однородны, а во второй части — неоднородны. Такое заключение вносит путаницу при расследовании дела и рассмотрении его в суде. Оно не дает ответа на все вопросы, сформулированные в постановлении следователя. Эксперт обосновал свое заключение только на некоторых внешних признаках, по которым безусловно нельзя судить об однородности исследуемых образцов. Он не определил сорт сравниваемых образцов, хотя установление сорта является одним из важнейших признаков при установлении однородности. Из материалов дела известно, что похищенное зерно относилось к сорту «лютесценс». Однако при изъятии образцов в кладовой колхоза такого зерна не оказалось, а имелась пшеница в количестве 70 т. неопределенного сорта, от которой были взяты образцы. Эксперт не определил даже всех физических признаков как твердость, мягкость, цвет, форма семян (озимая, яровая). Не установлен характер окраски семян фенолом, всхожесть, зараженность семян вредителями и биохимический состав зерна. Результаты исследования отмеченных признаков позволили бы эксперту с большим основанием судить об однородности представленных на исследование образцов зерна пшеницы.

Неполнота исследования вследствие ограниченного количества признаков, на основании которых делается вывод, имеется и в других актах, выполненных контроль-

но-семенными лабораториями. Так по делу о хищении зерна с тока Б. Токмакского зерносовхоза эксперт государственной инспекции по качеству семян обосновал свое заключение об однородности семенной пшеницы лишь на основании абсолютного веса зерна и ботанического состава сорняков [1].

Контрольно-семенные лаборатории дают заключения об однородности исследуемых образцов зерна на основании некоторых признаков зерна, а не полного их комплекса. Поэтому такие заключения не могут полностью удовлетворить запросы следствия. К тому же следует учесть, что в лабораториях в среднем в год производится около 2—5 экспертиз, опыт экспертов в производстве экспертиз зерна незначителен, достаточного оборудования нет. Люминесцентный анализ, спектрографические и биохимические исследования зерна и его физико-механических свойств эксперты этих лабораторий вообще проводить не могут.

Наряду с районными и областными контрольно-семенными лабораториями экспертизу зерна проводят биологические отделы Харьковского и Киевского Научно-исследовательских институтов судебной экспертизы. Научные сотрудники этих отделов имеют высшую квалификацию и большой опыт работы в производстве подобных экспертиз. Лаборатории институтов имеют совершенное оборудование, позволяющее производить полный анализ целого комплекса признаков зерна хлебных, бобовых и масличных культур. Наряду с определением чистоты зерна, отходов основной культуры, живого сора, мертвого сора, ботанического состава примесей, они производят определение вида семян (для пшеницы) по строению зерна (твердая, мягкая), цвета семян (красно-зерная, белозерная пшеница) и процентного содержания семян с преобладающей окраской, характера и степени окраски семян фенолом, натуры (воздушно-сухой вес 1000 зерен) и абсолютно сухого веса, стекловидности пшеницы и другие признаки зерна.

К числу недостатков в производстве экспертиз зерна биологическими отделами Научно-исследовательских

---

[1] Дело № 161 по обвинению Кузьменко В. К., Кожушко М. П. и Безручко И. Г. (Из практики прокуратуры Б. Токмакского района, Запорожской области).

институтов судебной экспертизы следует отнести то, что они не приступили еще к биохимическим, спектральным и люминесцентным анализам зерна. Производство указанных анализов значительно расширило бы возможности групповой идентификации зерна. Как отмечает А. В. Карякин [1], люминесцентный анализ позволяет установить вид семян и его качество. Этим методом легко различаются семена белозерного овса (дает голубое свечение) от семян желтозерного овса (обладает желто-зеленым свечением), а также засоренность семян некоторых культур другими, сходными по внешнему виду.

Под действием ультрафиолетовых лучей пшеница нового урожая светится зеленым светом, а прошлогоднего — голубым. Свечение семян, поврежденных вредителями и плесенью, значительно ярче, чем здоровых.

Применение люминесцентного анализа помогает эксперту разрешить вопрос об установлении года урожая, вида семян, засоренности и других признаков, необходимых для формирования идентификационного комплекса.

Обобщение следственной практики и материалов экспертиз зерна приводит к выводу, что действующая инструкция о производстве экспертизы зерна нуждается в существенных изменениях и дополнениях. Разработка новой инструкции будет способствовать улучшению работы следователей по подготовке материалов для экспертиз, а также более качественному проведению экспертных исследований зерна.

В целях улучшения качества производства экспертизы зерна следует также признать, что подобные экспертизы должны производиться только в криминалистических учреждениях министерств юстиции союзных республик.

Важнейшей задачей экспертных криминалистических учреждений является разработка научных основ экспертизы зерна, новых методов исследования биохимического состава зерна, а также разработка пособий о подготовке и направлении материалов на экспертизу. Все это улучшит качество экспертиз, сделает заключение более обоснованным и поможет судебно-следственным органам своевременно разоблачить расхитителей зерна.

---

[1] Канд. хим. наук А. В. Карякин, «Люминесцентный анализ семян», «Наука и жизнь», 1957 г., № 12, стр. 49.

Н. В. ЦВЕТАЕВА

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЮ ПО ДЕЛАМ О СПЕКУЛЯЦИИ

Необходимым условием успешного осуществления социалистического правосудия по уголовным делам является быстрое и полное раскрытие преступлений, обусловливающее вынесение судом законного и обоснованного приговора по делу.

Полнота расследования преступлений требует правильного определения обстоятельств, подлежащих исследованию, что в свою очередь зависит от правильной уголовно-правовой и политической оценки расследуемого деяния.

Особенности расследования дел отдельных категорий, в том числе и дел о спекуляции вытекают, главным образом, из конкретных признаков, характеризующих элементы состава и определенных способов совершения этих преступлений.

Методика расследования дел о спекуляции выражает эти особенности, прежде всего, в определении круга вопросов, выяснение которых обеспечивает исследование обстоятельств, устанавливающих факт (наличие) спекуляции; меры, принимаемые следователем, обеспечивают осуществление правосудия и проведение мероприятий по предупреждению спекуляции.

Определяя обстоятельства, подлежащие исследованию по делам о спекуляции, следователю необходимо отправляться от общих положений о составе преступления, рекомендаций методики расследования и выдвинутых в процессе расследования следственных версий.

В первую очередь ему надлежит руководствоваться положениями советского уголовного и уголовно-процессуального права.

Советский закон возлагает на следователя, проводящего расследование по делу, обязанность полного и объективного исследования всех обстоятельств совершенного деяния. Полное, всестороннее и объективное выяснение обстоятельств расследуемого преступления и данных о личности виновного является основной задачей следователя, ибо от полноты и объема исследования обстоятельств дела зависит правильное решение вопроса о квалификации преступления и о виновности конкретного лица. Поэтому следователю нужно четко определить и выяснить, с обеспечением строгого соблюдения законности, все фактические обстоятельства, необходимые для получения обоснованных ответов на возникающие по делу вопросы.

Эти требования отражены в ст. 2 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1958 г. «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Средством познания следователем обстоятельств, которые он устанавливает по делу, являются судебные доказательства; своевременное обнаружение, закрепление, проверка и правильное использование их имеют решающее значение при расследовании любого преступления. Важно в этой работе умелое применение научно-технических средств, тактических приемов и методов криминалистики.

Всестороннее исследование обстоятельств, установление фактов и явлений в их взаимосвязи и причинной зависимости приводят следователя в процессе расследования по делу к пониманию преступного поведения.

Так, располагая данными о задержании К. при продаже товаров народного потребления по повышенной цене, следователь выдвигает обоснованные предположения о способах приобретения К. товаров для перепрода-

жи, способах сбыта их, о месте скупки, о связях К. и т. п. и при выяснении намеченных обстоятельств устанавливает, что К. в различных городах Советского Союза скупал промышленные товары, отправлял их почтовыми посылками на свое имя в г. Харьков «до востребования». Получив товар, К. перепродавал его по повышенной цене.

Таким образом, в процессе установления следователем приведенных выше фактов, явлений были выяснены обстоятельства спекулятивной деятельности К., т. е. вскрыто содержание преступного посягательства.

Ст. 297 УПК УССР дает перечень вопросов, на которые должен ответить суд при вынесении приговора. В самом приговоре, в его описательной части должны содержаться данные о личности подсудимого, его возрасте, социальном положении, о личности потерпевшего, дана формулировка предъявленного обвинения с указанием места, времени и способа совершения преступления (ст. 308 УПК УССР).

Материалы предварительного расследования должны явиться основой для решения этих вопросов судом.

В процессе расследования отдельных видов преступлений необходимо выяснить конкретные обстоятельства, характеризующие элементы того или иного состава преступления. Однако не все обстоятельства конкретного преступного деяния относятся к элементам состава преступления, некоторые из них характеризуют признаки, стоящие вне состава.

Возраст обвиняемого не является элементом состава преступления и наступление 16-ти лет является необходимым субъективным условием уголовной ответственности, предусмотренным уголовным законодательством и не входящим в описание конкретных составов преступлений.

Однако при расследовании преступлений возраст обвиняемого является обстоятельством, характеризующим субъекта преступления, и суд при вынесении приговора, при оценке тяжести содеянного различно подойдет в своих выводах в отношении 16-летнего подсудимого и 40-летнего.

Так и по делам о спекуляции выяснение возраста обвиняемого может повлечь за собой исследование ряда

других обстоятельств, если лицо, занимавшееся спекуляцией, было несовершеннолетним.

В таком случае следователю необходимо будет выяснить, отдавал ли себе отчет несовершеннолетний не только в фактической стороне преступных действий, но и сознавал ли общественную опасность их и противоправность деяния.

В деле по обвинению Ш. по ст. 127 УК УССР было установлено, что Ш. скупала в г. г. Ленинграде и Таллине шерстяные изделия и перепродавала их в г. Харькове по повышенной цене.

Перепродажа товаров производилась самой Ш. и ее дочерью — Лидией 16 лет, ученицей средней школы [1].

В данном случае следователю надлежало выяснить обстоятельства, характеризующие поведение Лидии, не забывая, что борьба со спекуляцией направлена против паразитических элементов, не занимающихся общественно полезным трудом и уклоняющихся от трудовой деятельности, а у Лидии этих моментов могло не быть.

При определении вопросов, подлежащих исследованию, нужно в основном и прежде всего исходить из состава преступления, признаков его, описанных в уголовном праве. В криминалистике и уголовном процессе существуют понятия предмета и пределов доказывания в отношении обстоятельств, которые устанавливает следователь по каждому делу.

Авторы книги «Планирование расследования преступлений», останавливаясь на предмете доказывания и пределах доказывания, приводят существующее в литературе понятие их, отмечая, что «под предметом доказывания следует иметь в виду те факты (обстоятельства), которые должны быть установлены, тот круг вопросов, который надо выяснить. Под пределами доказывания понимается степень необходимого подтверждения того или иного обстоятельства доказательствами» [2].

Для следователя в ряде случаев встречаются затруднения при определении пределов доказывания.

До последнего времени в судебной практике встречаются случаи, когда по делам о спекуляции в процессе

---

[1] Архив народного суда Ленинского района г. Харькова.

[2] А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович «Планирование расследования преступлений», 1957, стр. 16.

расследования проверяются не все обстоятельства, которые могли бы установить или исключить скупку товаров народного потребления для перепродажи с целью наживы.

Народным судом Кировского района г. Днепропетровска было рассмотрено дело по обвинению М., привлеченного к уголовной ответственности и преданного суду по ст. 127 УК УССР за спекуляцию шерстяными дамскими кофточками. В судебном заседании было установлено, что М. был задержан на ст. Днепропетровск с четырьмя шерстяными дамскими кофточками, которые приобрел в г. Ленинграде.

Судебным следствием, так же как и предварительным, не было установлено, что М. купил кофточки для перепродажи с целью наживы, и М. был оправдан [1].

Ст. 14 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» — 1958 г. требует: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все, предусмотренные законом, меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства».

Ст. 110 УПК УССР, определяя обязанности следователя, указывает, что «следователь направляет предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего выяснения дела. Следователь не вправе отказать обвиняемому в допросе свидетелей, назначении экспертизы и в собирании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых обвиняемый ходатайствует, могут иметь значение для дела, т. е. могут повлиять на правильность расследования дела, в том числе обстоятельства, указанные в ст. ст. 42, 43 и 44 УК».

В работе следователя, как отмечалось, возникает необходимость исследования обстоятельств, хотя и не являющихся элементами состава преступления, но выяснение которых обязательно для всесторонней и полной характеристики преступления и его общественной опасности.

---

[1] Архив народного суда Кировского района г. Днепропетровска.

Так, место совершения спекуляции относится к обстоятельствам, лежащим вне состава, однако методика расследования отдельных видов преступления придает большое значение установлению места совершения преступления. Выяснение того, где совершено преступное деяние, нередко обеспечивает собирание существенных для следствия данных и раскрытие преступления.

По делам о спекуляции от следователя требуется установление мест скупки и перепродажи товаров, так как это позволяет выяснить источники получения предмета спекуляции, соучастников, исследовать обстоятельства, способствующие совершению спекуляции и др. Установление следователем, например, такого момента, как приобретение спекулянтом товара на торговой базе, может вызвать выяснение других обстоятельств (о возможном хищении социалистической собственности, о связях спекулянтов с расхитителями государственного и общественного имущества и др.).

Точно так же установление способа совершения преступных действий играет чрезвычайно важную роль в раскрытии преступления и занимает большое место в методике расследования отдельных видов преступлений.

Криминалистика, разрабатывая приемы расследования дел о спекуляции, детально останавливается на обстоятельствах, характеризующих способ действий преступника, считая выяснение этих обстоятельств непременным условием успешного расследования.

По делу по обвинению Р. в спекуляции было выявлено, что Р., имея связь с работником торговой системы Н., приобретал у него промышленные товары повышенного спроса и перепродавал их. Расследование по делу установило, что способом преступных действий Р. явилось приобретение товаров для перепродажи у работника государственной торговли Н., который, злоупотребляя своим служебным положением, выдавал Р. с базы товар, оформляя отпуск бестоварными фактурами на магазин.

Исследование способа преступных действий Р. вскрыло особую опасность совершения спекуляции, так как подобный способ мог быть применен только при наличии связи между несколькими преступниками и объединял спекуляцию с совершением иных преступлений.

Выяснение следователем способа совершения преступных действий Р. вскрыло источники получения товаров для спекуляции и соучастников преступления [1].

Нередко выяснение отдельных обстоятельств по делам о спекуляции является нитью к раскрытию преступления.

При «разъездной» спекуляции обнаружение при обыске у обвиняемого или его родственников багажной квитанции железной дороги или квитанции на почтовые посылки приобретает важное значение и дает возможность выявить способ совершения преступления и круг участников спекуляции.

Однако для успешного расследования дел о спекуляции следователю нельзя ограничиться в своей работе только установлением состава преступления в исследуемом событии. Наряду с этим в обязанность следователя входит принятие мер, которые обеспечивали бы осуществление правосудия, как то мер по обеспечению возможности конфискации судом имущества и др. Кроме того, следователь должен выяснить все обстоятельства, которые способствовали спекуляции, что необходимо для принятия мер по предупреждению спекуляции.

Таким образом, весь приведенный обширный круг обстоятельств должен быть охвачен вопросами, подлежащими исследованию.

Однако определение обстоятельств, подлежащих выяснению, не должно пониматься следователем как стремление выяснить по делу абсолютно все подробности и детали преступного деяния.

Чрезмерное расширение пределов исследования может привести к тому, что будут выясняться обстоятельства, которые не имеют значения по делу, не могут способствовать правильному его разрешению. Это загромождает дело излишними материалами, затягивает следствие.

В отдельных случаях мелкими, ненужными для установления истины по делу обстоятельствами может быть отвлечено внимание следователя от существенных обстоятельств. Вредно и чрезмерное сужение пределов расследования, при котором остается невыясненным ряд обстоятельств и которое ведет к неполноте следствия [2].

[1] Из материалов прокуратуры г Днепропетровска.
[2] Настольная книга следователя, 1949 г., стр. 126.

В этих случаях каждый раз при определении пределов исследования необходимо исходить из принципа относимости доказательств. Профессор М. М. Гродзинский в статье «Пределы исследования уголовных дел и практика Верховного суда СССР» приводит ряд примеров того, что Верховный суд СССР в практике установления пределов исследования понимает эти пределы как охватывающие каждый раз все факты, являющиеся предметом доказывания в уголовных делах, а также все допустимые по закону и необходимые для установления этих фактов доказательства [1].

В криминалистике до настоящего времени не дано общего определения понятия обстоятельств, подлежащих выяснению с учетом требований уголовного и уголовно-процессуального права.

Учитывая названные положения, можно дать такое определение обстоятельств, подлежащих выяснению. Обстоятельствами, подлежащими выяснению, являются события, факты, вещи, явления и отношения, которые в совокупности и причинной связи характеризуют преступление с признаками его состава и степенью общественной опасности, определяют меры, обеспечивающие осуществление правосудия, и устанавливают причины, способствовавшие преступлению.

Так и по делам о спекуляции следователь должен выяснить не только обстоятельства скупки и перепродажи товаров спекулянтами, но и иные обстоятельства, характеризующие особенности спекулятивной деятельности преступников в зависимости от конкретных материалов дела.

«Следствие и суд сами должны в зависимости от конкретных условий и обстоятельств определить пределы расследования, сами должны решать в каждом конкретном случае, что важно, что полезно, что необходимо включить в поле своего внимания и сделать предметом исследования» [2].

---

[1] М. М. Гродзинский, «Пределы исследования уголовных дел и практика Верховного суда СССР», «Социалистическая законность», 1956, № 1, стр. 38.

[2] А. Я. Вышинский, «Теория судебных доказательств в советском праве», М., 1950 г., стр. 236.

Обстоятельства, подлежащие исследованию по делам о спекуляции, как и по другим делам относятся к объекту и объективной стороне, к субъекту и субъективной стороне, охватывают другие существенные вопросы, и в своей совокупности должны обеспечить установление всех существенных особенностей конкретного дела.

Предложенный учебным пособием по криминалистике перечень обстоятельств, подлежащих исследованию, по делам о спекуляции должен быть, по нашему мнению, расширен и уточнен.

В целях обеспечения полноты расследования учебное пособие считает необходимым по каждому делу о спекуляции выяснить круг вопросов о наличии в действиях обвиняемого состава преступления с исследованием предмета спекуляции, способов приобретения товаров для перепродажи, способов сбыта, связей спекулянта с лицами, участвовавшими в спекуляции [1].

Однако то же учебное пособие, излагая задачи расследования по делам о спекуляции, отмечает, как одну из них, что органы расследования обязаны принимать меры обеспечения предусмотренной судом конфискации имущества спекулянтов, меры по задержанию спекулянтов и др.[2]. Таким образом, автор главы четвертой, относя работу следователя по обеспечению осуществления правосудия к задачам расследования, не предусмотрел этих вопросов в общем перечне обстоятельств, подлежащих выяснению. Кроме того, круг вопросов, подлежащих исследованию, не охватывает выяснение обстоятельств, способствовавших совершению спекуляции, несмотря на то, что эта работа следователя отражена в учебном пособии [3].

Не может удовлетворить и перечень вопросов, подлежащих обязательному выяснению по делам о спекуляции, рекомендуемый Г. Р. Гольстом в методическом пособии «Расследование дел о спекуляции».

Автор пособия не говорит об обязанности следователя обеспечить осуществление правосудия и о мероприятиях по предупреждению спекуляции. Об этих важнейших

---

[1] «Криминалистика», Учебное пособие, часть вторая, 1952 г., стр. 67.

[2] Там же, стр. 64.

[3] Там же, стр. 72.

задачах расследования забывается на протяжении всего методического пособия [1].

Отдельные криминалисты, например П. И. Тарасов-Родионов, взамен семичленной формулы римских юристов (вопросов, необходимых для выяснения в процессе расследования) предлагали двенадцать вопросов, обязательных для выяснения следователем по каждому делу [2].

Г. М. Миньковский в книге «Пределы доказывания в советском уголовном процессе», не соглашаясь с установлением определенного количества вопросов, обязательных для исследования по любому делу, полагает, что вопрос должен решаться не по семи, девяти, одиннадцати-членным формулам, а в соотвествии с законом [3]. Эта точка зрения представляется совершенно правильной.

При расследовании дел о спекуляции в задачу следователя входит не только установление факта купли и перепродажи товаров с целью наживы, но требуется установить и выявить имущество, приобретенное спекулянтом в результате наживы за счет трудовых доходов населения, получение преступником материальных благ без затраты общественно-полезного труда. Это необходимо для обеспечения осуществления правосудия, для обеспечения возможности конфискации судом имущества спекулянта.

Выявление имущества, которое в большинстве случаев тщательно укрывается преступником, сопряжено обычно с рядом трудностей. Обнаружение имущества спекулянта ставит перед следователем вопрос о необходимости выяснения целого ряда дополнительных обстоятельств, для чего проводятся следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Эта группа обстоятельств должна быть включена в перечень вопросов, рекомендуемых для расследования по делам о спекуляции.

Кроме того, в методике расследования дел о спекуляции, в перечне обстоятельств, подлежащих выяснению,

---

[1] Г. Р. Гольст. «Расследование дел о спекуляции», Методическое пособие. 1948 г.

[2] П. И. Тарасов-Родионов, «Предварительное следствие», 1953 г., стр. 73—74.

[3] Г. М. Миньковский, «Пределы доказывания в советском уголовном процессе», 1956 г., стр. 8—11.

должна быть отражена задача расследования по предупреждению спекуляции. Она выражается в установлении недостатков организационной и хозяйственной работы в отдельных звеньях хозяйственной и торговой системы и требует от следователя установления конкретных обстоятельств, которые облегчали спекуляцию или способствовали ей.

Исследование указанных обстоятельств должно вызывать особое внимание следователя, так как выяснение их дает основания следователю, прокурору, а затем и суду поставить вопрос о мерах по ликвидации причин, способствующих преступлению, а иногда непосредственно принять меры по предупреждению спекуляции.

Только в том случае, когда рекомендуемый круг обстоятельств будет охватывать все основные вопросы, он сумеет играть служебную роль в расследовании дел о спекуляции и окажет реальную помощь следователю в достижении полноты предварительного следствия по делу.

Получив материалы о спекулятивной деятельности определенного лица, следователь должен наметить обстоятельства, подлежащие выяснению, прежде всего, исходя из первоначальных материалов, которыми он располагает. В ходе расследования намеченный перечень будет последовательно изменяться, пополняться новыми, требующими выяснения обстоятельствами.

Для целеустремленности работы по расследованию дел о спекуляции требуется выработать общий перечень обстоятельств, подлежащих исследованию, который бы включал основные вопросы и в то же время не связывал бы инициативы следователя в разработке материалов конкретного дела.

С нашей точки зрения в круг обстоятельств, подлежащих выяснению по делам о спекуляции должны входить следующие вопросы, вытекающие из уголовно-правового анализа состава, требований осуществления правосудия и работы по предупреждению спекуляции:

1. Имел ли место факт скупки и перепродажи товаров?

2. Каковы были способы преступной деятельности спекулянтов? (как приобретения товаров для спекуляции, так и сбыта).

3. Какие товары были предметом спекуляции, их признаки, количество и цена при скупке и перепродаже.

4. Преследовалась ли при скупке и перепродаже цель наживы?

5. Каковы источники приобретения товаров для спекуляции?

6. Круг лиц, участвовавших в спекуляции.

7. Личность обвиняемого.

8. Выявление имущества спекулянта для обеспечения возможности конфискации судом.

9. Какие обстоятельства способствовали спекуляции?

Такой перечень вопросов может правильно ориентировать следователя в обстоятельствах, которые должны быть исследованы по каждому делу о спекуляции вместе с другими обстоятельствами, которые могут стать предметом исследования в зависимости от конкретных материалов дела.

Н. И. АНДРИАНОВ

ФОРМЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ И РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ

Коммунистическая партия и Советское правительство на протяжении всей истории развития Советского государств придавали большое значение укреплению социалистической законности.

В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии Н. С. Хрущев говорил: «Опыт показывает, что малейшее ослабление социалистической законности враги Советского государства пытаются использовать для своей подлой, подрывной работы... Необходимо, чтобы наши партийные, государственные, профсоюзные организации бдительно стояли на страже советских законов» [1].

Огромное значение дальнейшего укрепления социалистической законности отмечено в решениях XXI съезда КПСС.

Борьба за выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства СССР требует от всех советских людей строжайшего соблюдения дисциплины и социалистической законности.

Большую работу в этом отношении ведут исполнительные и распорядительные органы местных Советов де-

---

[1] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Изд. «Правда», 1956 г., стр. 89.

путатов трудящихся. Осуществляя руководство культурно-политическим и хозяйственным строительством, они занимаются контролем и проверкой исполнения законов, постановлений партии и правительства.

В связи с ростом сознательности населения, проведением партией и Советским государством ряда мероприятий по борьбе с бюрократизмом, волокитой и другими пережитками капиталистического прошлого, нарушений законности на местах становится все меньше и меньше. Но полностью они еще не устранены.

В соответствии со ст. 113 Конституции СССР, одно из первостепенных мест в борьбе с нарушениями законности в работе исполнительных и распорядительных органов местных Советов принадлежит общенадзорной деятельности Советской прокуратуры.

Выполняя задачи общего надзора за соблюдением законности исполкомами, отделами и управлениями местных Советов органы прокуратуры применяют формы прокурорского реагирования, определенные в ст. ст. 13, 15 и 16 Положения о прокурорском надзоре в СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР 24 мая 1955 г.: протест, представление и постановление о возбуждении против виновных дела о дисциплинарной либо административной ответственности или постановление о привлечении виновных к уголовной ответственности.

Прокурор не может отменить незаконный акт, он не может путем принесения протеста или представления самостоятельно устранить нарушение социалистической законности. Он только ставит вопрос об этом. Устраняет нарушения исполком, отдел или управление местного Совета, которые нарушили закон, либо устраняет это нарушение соответствующий вышестоящий орган.

Правовая сила прокурорского реагирования состоит в том, что самой постановкой вопроса о нарушениях законности указывается путь их ликвидации.

Перечисленные выше формы прокурорского реагирования твердо вошли в практику и нашли свое закрепление в «Положении о прокурорском надзоре в СССР». Однако в юридической литературе вопрос об их наименовании и отличии от методов выявления нарушений законности разрешается по-разному. Так, некоторые авторы в формы общего надзора прокуратуры включают два по-

нятия: а) установление нарушений законности и б) реагирование на нарушения законности [1].

Другие авторы формы прокурорского реагирования на выявленные факты нарушений социалистической законности называют методами. [2]

Между тем метод — это прием или способ исследования или установления фактов в системе общенадзорной деятельности — это способ выявления нарушений социалистической законности, тогда как форма — это внешнее проявление определенных действий.

Следовательно методы общего надзора прокуратуры не могут быть определяемы как формы выявления нарушений законности, или как формы прокурорского реагирования. И наоборот, формы прокурорского реагирования на выявленные факты нарушений социалистической законности нельзя смешивать с методами по выявлению этих нарушений.

Наиболее распространенной формой прокурорского реагирования на факты нарушений социалистической законности является протест.

Протест — это форма прокурорского реагирования на незаконный акт органов государственного управления, руководителей предприятий, учреждений и общественных организаций, или на незаконные действия должностных лиц и граждан. Он может быть выражен в письменном юридическом акте или в устном требовании прокурора.

Ни один незаконный акт исполкома, отдела и управления местного Совета не должен оставаться неопротестованным.

Одновременно с опротестованием незаконного акта прокурор определяет причину нарушения закона. В зависимости от этого, прокурор решает вопрос о привлечении виновных к ответственности. Кроме того, в необходимых случаях прокурор принимает меры к обеспечению возмещения материального ущерба, причиненного нару-

---

[1] С. Г. Березовская — Прокурорский надзор в Советском государственном управлении. Госюриздат, М. 1954, стр. 71. И. В. Попова — Социалистическая законность в деятельности местных Советов, Госюриздат, М., 1954 г., стр. 199.

[2] Д. С. Карев — Организация суда и прокуратуры в СССР, Госюриздат, М., 1954 г., стр. 157—158. В. Н. Савченко — Общий надзор прокуратуры в СССР как метод осуществления законности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. К., 1956 г., стр. 13.

щением закона. Следовательно, прокурор приносит протест во всех случаях, когда им будет установлено нарушение тем или иным исполкомом, отделом или управлением местного Совета, закона или другого нормативного акта.

«Прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом, и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовать всякое незаконное решение [1].

Указания основателя нашего государства В. И. Ленина должны быть учтены при решении вопроса о том, нужен ли в том или ином случае протест прокурора.

В юридической литературе является спорным вопрос и о том, следует ли приносить протесты только в случаях, когда требования о восстановлении нарушений закона являются своевременными, или же нужно приносить их и тогда, когда эти нарушения потеряли свою актуальность ввиду их малозначительности и ввиду истечения длительного времени с момента совершения.

Некоторые авторы стоят на точке зрения, указанной в статье 41 Инструкции по общему надзору, где говорится, что прокурору не следует приносить протест на такое нарушение закона, устранение которого не имеет в данное время никакого практического значения ввиду явной его малозначительности и невозможности что-либо сделать для восстановления законности за истечением длительного времени с момента нарушения [2].

Другие авторы, в частности А. Е. Лунев, высказывают противоположную точку зрения, считая, что «незаконный акт, независимо от того, когда он был издан, не ограниченный сроком действия, хотя бы в данное время и утративший свою актуальность, должен быть опротестован и отменен» [3].

Мы полагаем, что протесты приносить нужно, однако, не во всех случаях, как это предлагает А. Е. Лунев, а

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 328.

[2] В. Г. Лебединский — Советская прокуратура и ее деятельность в области общего надзора, Госюриздат, М., 1954 г., стр. 124. П. Д. Альбицкий — «Вопросы общего надзора в практике Советской прокуратуры», М., 1956 г., стр. 80.

[3] А. Е. Лунев — Конституционные основы общего надзора прокуратуры в СССР. См. «Вопросы Советского административного и финансового права», Изд. АН СССР, М. 1952 г., стр. 149.

только тогда, когда имеются вредные последствия, или есть предположение, что они могут возникнуть.

В том же случае, если незаконный акт или незаконное действие должностного лица потеряли свою силу по истечении времени, и притом не вызывали и не могли вызвать каких-либо вредных последствий, опротестовывать их нет необходимости.

По этим соображениям считаем возможным ст. 41 инструкции по общему надзору прокуратуры СССР соответственно изменить и сформулировать ее в следующей редакции:

«Следует приносить протесты на незаконные акты, потерявшие юридическую силу по истечении времени, если в результате их применения наступили или могут наступить вредные последствия.

На незаконные акты, не имеющие практического значения, ввиду явной малозначительности, протесты не приносятся».

Принесение протестов на незаконные акты исполкомов, отделов и управлений местных Советов, потерявших силу по истечении времени, должно иметь место только в исключительных случаях. Протест прокурора должен быть своевременным и следовать непосредственно за незаконным актом, как этого требует ст. 4 Положения о прокурорском надзоре в СССР.

При опротестовании незаконных актов или действий, существенное значение имеет вопрос о том, куда приносится протест.

Длительное время этот вопрос был спорным и решался по-разному.

Например, в «Положении о прокуратуре Союза ССР», утвержденном постановлением ЦИК и СНК СССР от 17-го декабря 1933 года, указывалось, что «в случае обнаружения несоответствия постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР, и союзных республик или местных органов власти Конституции Союза ССР, постановлениям и распоряжениям Правительства СССР (п. «а», ст. 4), прокуратура Союза ССР опротестовывает указанные акты ведомств и местных органов власти в соответствующие вышестоящие органы» [1].

[1] См. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников. М., 1949 г., т. I, стр. 83.

Аналогичное утверждение содержится в ст. 39 Административного кодекса УССР, в которой указывается, что «протесты органов прокурорского надзора на незаконные обязательные постановления, издаваемые исполнительными комитетами городских, поселковых и сельских Советов, подаются в вышестоящие исполнительные комитеты» [1].

В юридической литературе также высказывалось мнение о том, что протесты должны приноситься, как правило, в вышестоящий орган, особенно если опротестованный акт должен подлежать отмене [2].

С большим ограничением, однако, более правильно был решен этот вопрос в инструкции по общему надзору Прокуратуры СССР, изд. 1946 г. В ст. 43 названной инструкции говорится, что протест может быть внесен и в тот же орган, которым издан незаконный акт, но только в том случае, если устранение нарушения закона не вызывает необходимости вмешательства вышестоящего органа или когда требуется незамедлительная отмена незаконного акта, а направление в вышестоящий орган связано с большой задержкой во времени.

Еще задолго до издания Положения о прокурорском надзоре в СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР 24. V. 1955 г., практика шла по пути, указанному в инструкции по общему надзору 1946 г. В большинстве случаев протесты приносились в те органы, которые издали незаконный акт. И только в том случае, когда протест неосновательно отклонялся органом, издавшим его, или когда нужно со стороны вышестоящей организации произвести обследование, наказать виновного руководителя учреждения, нарушившего закон, протест через соответствующего прокурора приносился в вышестоящий орган. Так, например, прокуратурой Московского района г. Киева в 1954 г. 90% протестов были принесены в орган, нарушивший закон. Аналогичное положение было и в других прокуратурах.

Новым Положением прокурору предоставлено право самостоятельно решать вопрос о направлении протеста в орган, издавший незаконный акт, или в вышестоящий по

---

[1] Адміністративний кодекс УРСР. Держполітвидав, К., 1956 г.
[2] В. Г. Лебединский — Указ. работа, стр. 127.
Д. С. Карев — Указ. работа, стр. 158.

отношению к тому органу, акт которого опротестовывается.

Говоря о порядке принесения протеста, нельзя не указать также на факты неправильного принесения их прокурорами районов непосредственно в областные или краевые органы.

Такие протесты приносились некоторыми прокурорами районов Волынской и Киевской областей.

В ст. 45 Инструкции по общему надзору прокуратуры СССР дается совершенно правильное указание о том, что протесты в Президиум Верховного Совета или Совет Министров союзной республики, а также в республиканские министерства и учреждения приносятся только через прокурора союзной республики.

Из этого вытекает, что прокурор района не должен непосредственно приносить протесты в краевые или областные исполкомы, отделы и управления местных Советов. В этих случаях он должен писать представления прокурору края или области.

Большое значение имеет вопрос о юридическом обосновании протеста, т. е. насколько убедительны соображения, в силу которых опротестованный акт признается незаконным.

Из формулировки опротестованного решения, распоряжения или приказа исполкома, отдела и управления местного Совета и ссылки на нарушенный закон должно быть очевидным несоответствие опротествованного акта требованиям закона.

Отсутствие ссылки на закон создает опасность необоснованного отклонения протеста прокурора, а в отдельных случаях возвращения его без рассмотрения по существу.

Весьма важным элементом протеста является предложение прокурора. Прокурор, строго основываясь на требованиях закона или акта высшего органа государственной власти и управления, указывает на необходимость отмены опротестованного незаконного акта или изменения его в той части, в какой закон нарушен.

В настоящее время практика пошла по такому пути, что кроме вышеназванных требований, в протесте указываются конкретные виновные лица, указывается и требование прокурора о применении к ним мер воздействия.

Протесты на незаконные решения исполкомов местных Советов депутатов трудящихся во всех случаях подлежат коллегиальному рассмотрению. Иногда председатели исполкомов местных Советов депутатов трудящихся пытаются рассматривать протесты прокурора единолично, не вынося их на заседание исполкома.

Рассмотрение таких протестов и принятие по ним решений одним руководителем исполкома является неправильным.

Протесты на незаконные распоряжения председателей исполкомов местных Советов депутатов трудящихся, их заместителей, а также на незаконные приказы начальников отделов, управлений по более серьезным вопросам должны рассматриваться также коллегиально.

Это необходимо для того, как справедливо уже отмечалось в литературе, чтобы «опротестование и последующая отмена каждого акта были бы чрезвычайным событием» [1].

Согласно ст. 13 Положения о прокурорском надзоре в СССР протест прокурора должен быть рассмотрен не позднее, чем в десятидневный срок. Все же имеют место факты, когда некоторые отделы и управления местных Советов не рассматривают протесты свыше одного или двух месяцев.

Вопросы обеспечения своевременности рассмотрения протестов прокурора требуют дальнейшего изучения, они не могут быть признаны вполне ясными. П. Д. Альбицкий считает, что в ст. 13 Положения о прокурорском надзоре в СССР этот вопрос разрешен до конца [2]. Представляется, что указанная статья разрешила этот вопрос только в отношении административной ответственности. Что же касается приостановления исполнения незаконных актов или действий должностных лиц, протесты на которые своевременно не рассмотрены, то этот вопрос ст. 13. Положения о прокурорском наздоре не разрешила.

Некоторые практические работники предлагают предоставить прокурорам право приостанавливать исполнение актов, протесты на которые своевременно не рассмотрены. В юридической литературе это предложение

---

[1] С. Г. Березовская. Указан. работа, стр. 80.
[2] П. Д. Альбицкий — Указ. работа, стр. 92—94.

не получило поддержки[1], т. к. предоставление такого права прокурору превратило бы его в администратора, а это противоречит ленинскому принципу организации и деятельности прокуратуры. Прокурор, указывал В. И. Ленин, «никакой административной власти не имеет» [2]. Наиболее правильным представляется мнение А. С. Лунева, который считает, что: «назрела необходимость в издании общесоюзного закона, определяющего взаимоотношение прокурора с поднадзорными ему органами, в котором, в частности, должно быть зафиксировано и то положение относительно приостановления действия опротестованного акта, которое установлено законодательством РСФСР» [3].

Эту точку зрения разделяет и В. С. Тадевосян: «Не прокурор, а сам закон приостанавливает исполнение опротестованного акта, если издавший его (или вышестоящий) орган самим фактом нерассмотрения протеста прокурора оставляет неразрешенным вопрос о его законности» [4].

Такой порядок был впервые установлен постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1929 г. «О приостановлении действий постановлений местных Советов и их исполнительных комитетов в случаях нерассмотрения в установленный срок принесенных на эти постановления протестов прокурорского надзора» [5].

Нам представляется, что нет нужды устанавливать какие-либо условия или правила по вопросу о приостановлении исполнения опротестованного акта, или действия должностного лица, если протест прокурора в срок не рассмотрен. Исполнение его должно приостанавливаться на основании закона автоматически [6].

---

[1] В. С. Тадевосян — Прокурорский надзор в СССР, Госюриздат, М., 1956 г., стр. 147.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 327.

[3] А. Е. Лунев. Конституционные основы общего надзора прокуратуры в СССР. См. «Вопросы Советского административного и финансового права», Изд. АН СССР, М., 1952 г., стр. 148.

[4] В. С. Тадевосян. Указ. работа, стр. 148.

[5] СУ РСФСР, 1929 г., № 71, ст. 686; аналогичные постановления были приняты и в других союзных республиках.

[6] Эту же точку зрения высказывают: В. Г. Лебединский указ. работа стр. 126, также Ц. А. Ямпольский и Е. В. Шорина в работе «Административно-правовые вопросы укрепления государственной дисциплины», изд. АН СССР, М., 1955 г., стр. 114; Л. А. Николаева в статье «Методы и формы общенадзорной работы органов проку-

В советской юридической литературе нет единого мнения и о возможности устного протеста. Например, В. Г. Лебединский пишет, что протест в устной форме прокурором не может быть принесен. Протест прокурора мыслится только как письменный документ [1]. Аналогичной точки зрения придерживается и В. Н. Савченко [2].

Другие авторы, наоборот, утверждают, что протест прокурора может быть не только письменный, но и устный [3]. Эта точка зрения представляется наиболее правильной. Однако не следует считать, что применение устных протестов возможно по всем вопросам общенадзорной деятельности прокуратуры. Устные протесты могут иметь место только в строго определенных случаях. Главным образом, такой протест необходим тогда, когда нужно срочно разрешить вопрос, связанный с принятием незаконного акта или со срочностью прокурорского реагирования на незаконные действия должностного лица.

Для учета устных протестов и контроля за их рассмотрением представляется целесообразным иметь специальные журналы. На жалобах или других документах, на основании которых был принесен устный протест, указывать регистрационный номер устного протеста или же в дело вкладывается краткая справка о принятых мерах. Это будет способствовать оперативности решения вопросов и ликвидации излишней переписки.

Другой существенной формой прокурорского реагирования является представление. Представление — это документ прокурорского реагирования, в котором обобщается ряд фактов незаконных действий, ряд сведений о невыполнении требований закона или иных нормативных актов.

ратуры». См. Ученые записки ЛГУ, № 187. Вопросы Советского государства и права. Ленинград, 1955 г., стр. 163 и учебно-методическое письмо «Общий надзор прокуратуры в советском государственном управлении, Л., 1957 г., стр. 21.

[1] В. Г. Лебединский. Указ. работа, стр. 123.

[2] В. Н. Савченко. Указ. работа, стр. 13.

[3] Е. Н. Тагунов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: «Прокурорский надзор над соблюдением социалистической законности в деятельности местных органов государственной власти в СССР», М., 1953 г., стр. 339.

Представления составляются в форме письменных сообщений. Чаще всего представления направляются в исполнительный комитет местного Совета или начальнику отдела исполкома в зависимости от того, кто имеет право и возможность ликвидировать факты нарушения законности. Как правило, представления вносятся в вышестоящие органы.

Такой порядок внесения представления оправдывает себя тем, что исполком районного Совета депутатов трудящихся на своем заседании с вызовом председателей исполкомов сельских Советов, обсуждая изложенные факты нарушений закона, одновременно может принять меры к ликвидации подобных нарушений во всех исполкомах сельских Советов района.

Вместе с тем, прокурор имеет право вносить представления и в тот орган, в котором установлены факты нарушений социалистической законности. Копии представлений, также как и протестов, в соответствии с приказом Генерального Прокурора СССР, должны направляться вышестоящему прокурору.

Вышестоящий прокурор может отозвать представление или протест нижестоящего прокурора, если признает его необоснованным.

Перставления в краевые, областные исполкомы, отделы, управления местных Советов вносятся через соответствующего прокурора.

Если к прокурору района поступили материалы о нарушении законности в том или ином отделе, управлении исполкома областного Совета депутатов трудящихся, он немедленно направляет их прокурору области по принадлежности.

При составлении представления указывается источник, из которого добыты факты, послужившие основанием для его внесения. Это обстоятельство создает определенное отличие представления от протеста и имеет весьма существенное значение.

Представления вносятся по ряду фактов нарушений одного закона, указа, постановления Совета Министров.

Такой порядок составления представлений в практике общенадзорной деятельности прокуратур районов и областей УССР получил наибольшее распространение.

Целесообразно в одном представлении, по мере возможности, излагать единообразные факты установлен-

ных нарушений социалистической законности. Это дает возможность сделать представление более целеустремленным, более полно указать предложения направленные на ликвидацию этих нарушений, изложить факты в определенной системе.

В одном представлении могут излагаться также факты нарушения двух и более законов. Это делается, главным образом, в тех случаях, когда проводятся комплексные проверки, когда выясняется состояние законности в исполкоме, отделе или управлении местного Совета и подведомственных им органах по всем вопросам.

При этом прокурор имеет в виду, что выявленные факты нарушений социалистической законности в организациях разных систем (по одному или более законам) могут обобщаться в одном представлении в том случае, если оно вносится руководителю определенной административной территориальной единицы или в партийные органы. Такие представления, например, о состоянии законности в районе или области, могут быть внесены в исполком районного или областного Совета депутатов трудящихся, в районный, областной или краевой комитет Коммунистической партии.

Представление, главным образом, направлено на ликвидацию причин, способствующих нарушению социалистической законности. Следовательно, представление не может быть каким-то абстрактным без указания причин, породивших эти нарушения. В представлении прокурор не только анализирует причины и условия, вызвавшие те или иные нарушения социалистической законности, но и называет виновных лиц.

Анализ качества таких представлений показывает, что не всегда в них указываются лица, виновные в изложенных нарушениях законности.

Представление прокурора достигает своей цели тогда, когда оно основано на конкретных фактах, на конкретных примерах, выявленных в процессе прокурорских проверок, или анализе судебной практики и т. д.

Предложение прокурора — это также очень важная часть представления. От реальности предложений, от правильности и обоснованности требований, указанных в них, во многом зависит эффективность принимаемых мер по устранению нарушений законности.

Однако в практике общенадзорной деятельности прокуратуры на местах довольно часто вносятся представления, в которых указывается только просьба об их рассмотрении.

За исключением представлений, направленных в партийные органы, во всех случаях в них указывается срок для их рассмотрения и для сообщения о принятых мерах.

Согласно ст. 16 Положения о прокурорском надзоре, орган, в который внесено представление, не позднее, чем в месячный срок обязан рассмотреть его и принять необходимые меры по устранению нарушений закона и причин, способствующих этим нарушениям.

В практике работы прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением законности исполнительными и распорядительными органами местных Советов представления вносятся не только по вопросам, которые непосредственно связаны с нарушением социалистической законности в издаваемых актах. Нередки случаи, когда прокурор вносит представление исполкомам, отделам и управлениям местных Советов о необходимости для них применить свои административные права или осуществить контроль с тем, чтобы обеспечить по тому или иному вопросу социалистическую законность и ликвидировать последствия неисполнения закона той или иной подведомственной им организацией.

Особенно это имеет место по вопросам связанным с нарушением сроков рассмотрения исполкомами, отделами и управлениями местных Советов жалоб и заявлений трудящихся.

Руководствуясь ст. 53 инструкции по общему надзору, многие прокуроры в тех случаях, когда из содержания представления вытекает необходимость чтобы для ликвидации нарушений социалистической законности было принято специальное решение тем или иным органом, составляют проекты этих решений и прилагают к представлению.

Было бы правильно редакцию ст. 53 Инструкции по общему надзору частично изменить. Порядок, при котором прокурор составляет проект решения, во многом совпадает с осужденной практикой визирования и предварительного согласования с прокурором проектов решений подназорных прокуратуре учреждений, организаций и предприятий. Поэтому следует согласиться с мнением

Е. Н. Тагунова, который пишет:«когда прокурор считает необходимым, чтобы по материалам его представления было специальное решение, он свой вывод об этом должен зафиксировать в представлении, а не составлять проект административного акта» [1].

На практике не всегда правильно понимается значение представления, иногда его смешивают с протестом. Не всегда учитывается, что протесты приносятся на конкретное нарушение закона, в представлениях же должны обобщаться случаи нарушения законности, в том числе и на основе анализа принесенных протестов. Следовательно, представления прокурор вносит гораздо реже, чем протесты.

Единичный случай нарушения установленного законом срока рассмотрения жалобы, как правило, не может являться основанием для внесения представления.

Нельзя, например, на основании одной жалобы вносить в исполнительный комитет представление «О фактах волокиты при разрешении жалоб в райжилуправлении». Единичный случай здесь должен служить лишь сигналом для проверки законности рассмотрения жалоб и заявлений, если при этом будет установлена систематичность таких нарушений, то надо вносить представление, в котором излагаются не только факты волокиты при рассмотрении жалоб и заявлений трудящихся, но выясняются и условия ее появления в данной организации.

Принимая во внимание, что задачей представления является не только ликвидация установленных нарушений социалистической законности, но и предупреждение таких нарушений, в отдельных случаях и по некоторым вопросам представления могут вноситься и по единичному факту, если по мнению прокурора, этот факт по своему характеру и значению заслуживает внимания руководящих органов. Это допускается тогда, когда одно нарушение законности указывает на возможность появления целой группы таких нарушений.

Представление не вносится по незначительным фактам. Например, чего мог достигнуть прокурор одного из районов внесением представления на имя заведующего райздравотделом по вопросу о нарушении трудовой дис-

---

[1] Е. Н. Тагунов. Указ. работа, стр. 376.

циплины завхозом районной больницы, который выдавал продукты питания без халата?

Представление нельзя также отождествлять с обыкновенной информацией прокурора, в которой прокурор ставит в известность местные партийные или советские органы о проступке или преступлении совершенном тем или иным должностным лицом.

Из изложенного можно сделать вывод, что на практике мы встречаемся с такими типичными недостатками представлений:

1. представления составляются иногда без указания источника, из которого добыты факты, явившиеся основанием для внесения представления;

2. не показываются причины, порождающие вскрытие нарушения социалистической законности и не указываются виновные лица;

3. в представлениях зачастую отсутствуют конкретные предложения, направленные на устранение нарушений законности;

4. представления вносятся в некоторых случаях по единичным разрозненным и малозначительным фактам, а иногда вносятся несвоевременно;

5. происходит замена протестов представлениями, а иногда представления именуются информациями в партийные и советские органы.

Для того, чтобы представление соответствовало предъявляемым требованиям, необходимо учитывать основания его внесения; представления надо вносить если выявлен ряд принятых исполкомами, отделами и управлениями местных Советов решений, распоряжений и приказов, противоречащих закону, если выявлена систематичность нарушения организацией или должностным лицом нарушений законов и установлены причины порождающие эти нарушения, если выявлены случаи бездействия должностных лиц, в результате чего нарушается закон.

Постановление о привлечении к ответственности, как форма прокурорского реагирования, имеет существенное значение в деле укрепления Советского государства, в деле укрепления социалистической законности. «Не впадая в утопизм,— говорил В. И. Ленин,— нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научатся работать на общество без всяких норм права, да и эконо-

мических предпосылок такой перемены отмена капитализма не даст сразу» [1].

Прокурор области, района, как представитель государственной власти на местах, осуществляя общий надзор за соблюдением законности исполнительными и распорядительными органами местных Советов депутатов трудящихся, не может оставлять безнаказанными нарушителей социалистической законности, совершивших преступление, проступок или нанесших материальный ущерб государственным, кооперативным организациям и отдельным гражданам.

В том случае, если нарушение социалистической законности выразилось в преступном деянии, прокурор выносит постановление о привлечении к уголовной ответственности в порядке, предусмотренном Уголовно-Процессуальным кодексом.

Если нарушение принципов социалистической законности, установленных в порядке общего надзора прокуратуры, выразилось в форме проступка, то прокурор, согласно ст. 15 Положения о прокурорском надзоре в СССР, выносит постановление о возбуждении дисциплинарного или административного предследования и направляет его в тот орган или тому должностному лицу, которое правомочно наложить взыскание.

Однако, в практике встречаются случаи, когда прокурор не выносит специального постановления о возбуждении вопроса о дисциплинарной ответственности, а в представлении о вскрытых фактах нарушений законности, вносимом в вышестоящие органы, сообщает свою просьбу о наложении дисциплинарного взыскания на виновных.

Мы считаем более правильным, чтобы во всех случаях, требующих привлечения виновного к административной или дисциплинарной ответственности, прокурор выносил отдельные постановления, а не ограничивался просьбой о наложении взыскания в своих представлениях.

Независимо от возбуждения вопроса об уголовной, дисциплинарной или административной ответственности за нарушение социалистической законности, в случае, если виновный нанес материальный ущерб учреждениям, предприятиям или отдельным гражданам, прокурор в

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 439.

порядке ст. 3 ГПК УССР и соответствующих статей ГПК других союзных республик, обращается с иском в суд.

Некоторые юристы считают целесообразным изъять это право у прокурора, осуществляющего общий надзор, заявляя, что иск о возмещении материального ущерба не является актом прокурора по общему надзору.[1] Это утверждение является спорным. Прокурор, осуществляя общий надзор за соблюдением законности исполнительными и распорядительными органами местных Советов депутатов трудящихся, обязан доводить свою работу до конца и не только обеспечивать правильное практическое осуществление форм прокурорского реагирования на выявленные факты нарушений социалистической законности, но и наблюдать за устранением указанных фактов.

Другие юристы считают, что из задач прокурора, осуществляющего общий надзор, необходимо исключить не только функцию предъявления исков о возмещении материального ущерба, но и право возбуждения вопроса о дисциплинарной и административной ответственности. В частности Л. А. Николаева утверждает, что прокурор в этих случаях должен лишь поставить в известность сответствующего руководителя, правомочного налагать взыскания[2]. Представляется, что сохранение за прокурором только права информировать о лицах, виновных в нарушении социалистической законности, не соответствует его положению в деле охраны социалистического правопорядка.

На самом деле прокурор, возбуждая вопрос о дисциплинарной, административной или уголовной ответственности, не вмешивается в деятельность органов, которые могут решить вопрос о такой ответственности, но он не просто информирует их, а как представитель власти на местах, ставит вопрос о привлечении виновных к ответственности; эти органы могут согласиться, с мнением прокурора, но решать такой вопрос они обязаны. Если они от наложения взыскания отказываются, равно как и в случаях, когда суд вынесет оправдательный приговор, прокурор может, через соответствующего вышестоящего прокурора, добиваться правильного, по его мнению, решения вопроса.

---

[1] Е. Н. Тагунов. указ. работа, стр. 390.

[2] Л. А. Николаева — указан. работа, стр. 167—168.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ф. Г. Вайнер. Борьба КПСС за укрепление сельских органов власти к концу восстановительного периода (1924—1925 г. г.) 3

В. П. Цветков. К вопросу об общественно-политическом значении рабселькоровского движения 23

А. Я. Лебедев. Реорганизация МТС и создание районных инспекций по сельскому хозяйству 43

В. П. Ежова. Правовое положение государственных предприятий оптовой торговли 55

Л. А. Сергиенко. Некоторые вопросы причинной связи и вины в обязательствах из причинения вреда здоровью граждан. 73

И. М. Полунов. Некоторые вопросы судебной защиты права на труд 111

В. В. Гречко. К вопросу о взаимоотношениях между земельными обществами (земгромадами) и сельскими советами в УССР (1922—1930 г.г.) 139

Г. А. Воробьев. К вопросу о содержании объективной истины в советском уголовном процессе 169

З. Г. Корчева. Субъект нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта СССР. 179

И. Т. Шеховцов. Задачи и место предварительного расследования в советском уголовном процессе 195

В. Ф. Гущин. Подготовка материалов и производство экспертизы зерна по делам о хищениях в колхозах и совхозах 211

Н. В. Цветаева. Обстоятельства, подлежащие расследованию по делам о спекуляции 227

Н. И. Андрианов. Формы прокурорского реагирования на нарушения законности исполнительными и распорядительными органами местных Советов 239

БЦ15840. Подписано к печати 30/XI 1959 г. Объем 16 п. л. Формат 54×84. Заказ 1348. Тираж 1000. Цена 6 руб.

Книжная фабрика им. Фрунзе, Главполиграфиздата Министерства культуры УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.